

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

26 | 91

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
научный
сборник

ВЫПУСК 26

Основан в 1976 г.

код экземпляра

108984

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОСНОВА»
ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1991

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Харьковскому ордена Трудового Красного Знамени юридическому институту им. Ф. Э. Дзержинского — 70 лет</i>	3
<i>Бажанов М. И.</i> Основы уголовного законодательства и Уголовный Кодекс	9
<i>Кривоченко Л. Н.</i> Классификация преступлений и некоторые вопросы математического моделирования	17
<i>Зинченко И. А.</i> О понятии сложного составного преступления	22
<i>Баулин Ю. В.</i> Основания необходимой обороны	26
<i>Пицаев А. А.</i> Соучастие как признак состава преступления	31
<i>Устименко В. В.</i> Влияние обстоятельств, относящихся к личности исполнителя, на ответственность соучастников	36
<i>Бойко Н. В.</i> Некоторые вопросы применения норм общей части при квалификации незаконного лишения свободы	41
<i>Грузд А. В.</i> Особо опасный рецидивист и особо опасный рецидив	43
<i>Тютюгин В. И.</i> О соотношении видов наказаний по степени их строгости	47
<i>Ломако В. А.</i> Основание отсрочки исполнения наказания	52
<i>Касынюк В. И.</i> Совершенствование уголовного закона об ответственности за повреждение путей сообщения и транспортных средств	57
<i>Перепелица А. И.</i> Об ответственности за мелкое хищение государственного или общественного имущества	62
<i>Куц В. Н.</i> О криминализации рэкета	65
<i>Стрельцов Е. Л.</i> К оценке общественной опасности хозяйственных преступлений	68
<i>Киричко В. Н.</i> Некоторые вопросы применения и дальнейшего совершенствования ч. 2 ст. 155 ² УК УССР	72
<i>Мосесов М. М.</i> Повторность как квалифицирующий признак нарушений правил торговли	76
<i>Тихий В. П.</i> Создание опасности как следствие преступлений против общественной безопасности	80
<i>Борисов В. И.</i> Совершенствование уголовного законодательства о преступлениях против производственной безопасности	84
<i>Никифорчин И. А.</i> О понятии наркотических средств	88
<i>Румянцев В. А., Лазарева В. В.</i> Проблемы взаимоотношений между центральными и местными органами власти УССР в первые годы Советской власти	91
<i>Кожмякин А. Ю.</i> Оставление решения без изменения в системе полномочий судов надзорной инстанции	96
<i>Цев В. Д.</i> Некоторые пути повышения эффективности деятельности районной инстанции по уголовным делам	99
<i>Савченко С. В.</i> Взаимодействие следователя и органа дознания как уголовно-процессуальное понятие	103
<i>Дружитько В. Ю.</i> Использование данных психологии в допросе несовершеннолетних	106
<i>Ушанин Д. В., Князев В. А., Зинченко В. Н.</i> К вопросу о формах приобретения специальных знаний в уголовном судопроизводстве	110
<i>Герасименко А. Ю.</i> Подготовка к обыску: прогнозирование и оценка риска	115
<i>Саржинский С. В.</i> Административная ответственность в области	120
<i>Лавяченко А. В.</i> Административно-правовые средства борьбы с	125
<i>Медведев И. И.</i> Налог с нетрудовых доходов	125
<i>Григорьев К. К.</i> Редакционно-издательская деятельность как разновидность	129
<i>Сидоренко В. П.</i> Прогнозируемые научные работы	134

В сборнике освещаются научные проблемы, возникающие в связи с кодификацией уголовного законодательства Украинской ССР, даются практические рекомендации правоохранительным органам по его применению. Обсуждаются вопросы, связанные с предстоящим рассмотрением Верховным Советом СССР Проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Для преподавателей, научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук проф. В. Я. Тацый (отв. ред.), д-р юрид. наук проф. Н. И. Панов (зам. отв. ред.), д-р юрид. наук проф. Ю. М. Грошевой (отв. секр.), д-р юрид. наук проф. М. И. Бажанов, д-р юрид. наук проф. М. И. Бару, д-р юрид. наук проф. В. И. Гоцчаренко, д-р юрид. наук проф. В. М. Горшенев, д-р юрид. наук проф. И. Н. Данышин, канд. юрид. наук доц. П. И. Жигалкин, канд. юрид. наук доц. В. В. Комаров, д-р юрид. наук проф. В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук проф. И. Е. Красько, д-р юрид. наук проф. М. Ф. Орзих, д-р юрид. наук проф. Р. С. Павловский, д-р юрид. наук проф. В. К. Попов, д-р юрид. наук проф. Н. Н. Страхов

Ответственный за выпуск проф. М. И. Бажанов

Адрес редакционной коллегии: 310024 Харьков, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 47-36-17

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией Л. Н. Дзержинский

**ХАРЬКОВСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Ф. О. Дзержинского
З. № 540139**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Выпуск 26

Редактор И. И. Коновалова
Художественный редактор Т. П. Короленко
Технический редактор Г. П. Александрова
Корректор М. Ф. Христенко

ИБ № 13190

Сдано в набор 22.11.90 Подписано в печать 09.01.91. Форма 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 10. Тираж 700 экз. Изд. № 1900. Зак. 2086. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете.
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

Отпечатано с матриц типографии № 2 в Харьковской городской типографии
№ 16. Зак. 73. 310003 Харьков, ул. Университетская, 16.

П 1203000000-002
М226(04)-91 41-90

© Харьковский юридический институт, 1991.

**ХАРЬКОВСКОМУ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ЮРИДИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ
им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО — 70 лет**

Построение гуманного демократического социалистического общества неразрывно связано с дальнейшим совершенствованием правовой основы Советского государства, укреплением законности и правопорядка. Демократизация всех сфер жизни общества и формирование правового государства, в котором идея верховенства закона будет не только провозглашаться, но и реально проводиться в жизнь, — два неразрывных и находящихся в диалектическом единстве процесса, имманентно присущих демократическому социализму. В настоящее время ведется большая работа по осуществлению правовой реформы как на общесоюзном, так и на республиканском уровнях, по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, обеспечению охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан, развитию активности общественных организаций, консолидации их усилий для решения наиболее актуальных проблем нашего общества. В этой широкомасштабной и многогранной работе все большую роль играют правоохранительные органы, их работники, юристы, работающие в системе Советов народных депутатов, в сфере народного хозяйства и управления, другие специалисты, занимающиеся правоприменительной деятельностью. В резолюции XIX партконференции «О правовой реформе» указывается на необходимость повышения роли суда, органов юстиции и расширения полномочий государственного арбитража, улучшения работы прокуратуры, органов внутренних дел, укрепления юридических служб в Советах народных депутатов, министерствах и ведомствах, хозяйственных организациях.

Успешная реализация идей правового государства и дальнейшее совершенствование деятельности правоохранительных органов, всех юридических служб во многом обусловлены уровнем теоретической и профессиональной подготовки работников, их умением правильно применять действующее законодательство, проявлять активность и целеустремленность в деле соблюдения конституционного принципа социалистической законности, самоотверженно служить своему социалистическому Отечеству. В связи с этим все большие требования предъявляются к юридическим вузам, призванным готовить высококвалифицированных специалистов-юристов, развивать научные исследования, содействовать совершенствованию правоприменительной практики, проведению в жизнь правовой реформы.

Значительный вклад в подготовку квалифицированных юристов для органов прокуратуры, внутренних дел, юстиции, Советов народных депутатов и правовой службы народного хозяйства, а развитие юридической науки вносит Харьковский орден Трудового Красного Знамени юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского — один из крупнейших вузов страны. В сентябре 1990 г. институту исполнилось 70 лет.

Харьковский юридический институт является единственным специализированным вузом в Украинской ССР по подготовке юристов. Его выпускники — все стороны подготовленные специалисты, хорошо знающие свое дело. Тысячи юристов с дипломом юридического института самоотверженно трудятся в различных правоохранительных органах, активно содействуют претворению в жизнь решений XXVII съезда КПСС, XIX партконференции, Съездов народных депутатов СССР, реализации положений Конституции СССР, действующего законодательства.

Харьковский юридический институт, основанный в сентябре 1920 г.*, начал свою деятельность в объединении гуманитарных вузов как его крупнейшее подразделение, обеспеченное профессорско-преподавательскими кадрами, условиями для научно-исследовательской работы. В становлении института непосредственно участвовали выдающиеся партийные и государственные деятели — Г. И. Петровский, Н. А. Скрыпник, В. П. Затонский и др. Институт готовил пролетарские кадры для руководящей работы в государственном и судебно-прокурорском аппарате. Наряду с юридическими знаниями студенты получали определенную подготовку в области политики, управления и конкретной экономики. Значительное внимание в институте уделялось подготовке молодых преподавателей, которые должны были пополнять ряды профессуры, а также привлеченных к преподавательской работе коммунистов из числа теоретически грамотных руководящих практических работников. Для обучения преподавателей при кафедре проблем современного права была образована аспирантура.

Ученые института уже в 20-х гг. оказывали значительную помощь соответствующим государственным органам в разработке законопроектов, кодификации законодательства, вели консультационную работу, участвовали в проведении различных мероприятий по укреплению социалистической законности.

В 1930 г. в связи со специализацией учебных заведений по отраслевому принципу институт был ориентирован на подготовку руководящих работников для советского аппарата и кадров для органов юстиции. Он стал именоваться Харьковским институтом советского строительства и права**. В 1932 г. институт был отнесен к системе коммунистических вузов и переименован во Всеукраинский институт советского строительства и права. В 1933 г. он переходит из ведения Наркомата просвещения УССР в непосредственное подчинение Президиуму ВУЦИК***. В тот период институт состоял из четырех факультетов: советского строительства, правового, хозяйственно-правового и международного, а также подготовительного и заочного отделений. В 1930 г. на первом курсе училось 143 студента, в 1931 г. — 485, в 1932 г. — 529. После принятия 1 июля 1937 г. СНК УССР постановления о развитии и улучшении юридического образования он стал называться Харьковским юридическим институтом****. Основное внимание вуза сосредоточилось на подготовке юристов для работы в судах, прокурорско-следственных органах, адвокатуре.

Плодотворная деятельность института была прервана войной. Многие преподаватели, аспиранты и студенты ушли на фронт. Выпускной курс 1941 г. почти в полном составе был направлен для специальной подготовки в Военно-юридическую академию, а вскоре и в действующую армию. Студентки, которые еще до войны окончили курсы медсестер, получили назначение в воинские части и госпитали. В сентябре 1941 г. в связи с угрозой оккупации города преподавателей и студентов, не подлежавших мобилизации, направили в юридические институты, расположенные в восточных районах страны.

С сентября 1943 г. в освобожденном от фашистов Харькове институт возобновил свою деятельность.

За 70 лет Харьковский юридический институт дал стране многотысячный отряд специалистов с высшим юридическим образованием, которые успешно работают в судебно-прокурорских и следственных органах, системе МВД СССР, аппарате управления местных Советов народных депутатов, адвокатуре и народном хозяйстве. Только за 1946—1990 гг. институт подготовил свыше 34 тыс. специалистов.

В Харьковском юридическом институте работали выдающиеся ученые-юристы: академики АН УССР — Герой Социалистического Труда В. М. Корецкий, В. М. Гордон, Н. И. Палиенко, члены-корреспонденты АН УССР Н. А. Максимова, В. Ф. Маслов, П. Е. Недбайло, профессора С. И. Вильнянский,

* ЦГАОР УССР. Ф. 116. Оп. 1. Д. 375. Л. 3; д. 931. Л. 61 об.; Архив ХЮрИ. Оп. 2. Д. 561. Л. 59; оп. 19. Д. 44. Л. 65.

** 33 УРСР. 1930. № 38. Ст. 441; ЦГАОР УССР. Ф. 166. Оп. 9. Д. 1718. Л. 34—44; д. 1803. Л. 88.

*** 33 УРСР. 1933. № 130. Ст. 387.

**** Там же. 1937. № 36. Ст. 134.

Г. И. Волков, М. М. Гродзинский, А. Ф. Евтихийев, С. М. Канарский, С. Ю. Кац, А. Д. Киселев, А. Н. Колесниченко, В. П. Қолмаков, А. Л. Малицкий, Р. С. Павловский, П. Т. Полежай, А. А. Пушкин, А. Л. Ривлин, В. И. Сливцкий, В. С. Трахтеров, С. Л. Фукс, О. М. Якуба. Многие из выпускников института работали или работают на должностях прокуроров республик, министров юстиции, председателей Верховных Судов, на других руководящих должностях в Прокуратуре СССР, МВД СССР, Министерстве юстиции СССР, в системе правоохранительных органов Украинской ССР и других союзных республик; многие из выпускников института возглавляют областные правоохранительные органы.

В связи со 100-летием со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, активного участника революционного движения Ф. Э. Дзержинского 8 сентября 1977 г. его имя было присвоено Харьковскому юридическому институту. 25 августа 1981 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в подготовке квалифицированных специалистов и развитии научных исследований институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это обязывает коллектив вуза постоянно повышать качество и эффективность учебно-воспитательной, научно-исследовательской и культурно-массовой работы, совершенствовать подготовку специалистов-юристов, расширять научные исследования и внедрять их в практику, активнее вести пропаганду правовых знаний среди трудящихся.

В Харьковском юридическом институте имеется семь факультетов (четыре — на дневном отделении, заочный, вечерний и факультет повышения квалификации руководящих работников местных Советов народных депутатов), где учатся свыше 6,5 тыс. студентов. Подготовка специалистов на всех факультетах ведется по одной специальности — правоведение. За последние годы набор в институт увеличился в несколько раз, значительно укрепилась его учебно-материальная база, улучшилось жилищно-бытовое обеспечение студентов. В 1990 г. институт направил на работу в судебные и следственно-прокурорские органы, следственный аппарат органов внутренних дел и другие юридические учреждения УССР, РСФСР и других союзных республик более 1400 специалистов.

Преподавание в институте ведется 23 кафедрами, в составе которых свыше 300 преподавателей. Среди них 35 профессоров и докторов наук, более 170 доцентов и кандидатов наук. Большинство из них — воспитанники института. Ряд преподавателей являются участниками Великой Отечественной войны.

Основные усилия ректората, деканатов, кафедр, общественных организаций института сосредоточены на дальнейшем совершенствовании учебно-воспитательного процесса, повышении качества профессиональной подготовки специалистов. Усиливается роль кафедр как главного звена вуза, определяющего содержание и единство учебного, научного и воспитательного процессов. Первостепенное внимание кафедры уделяют дальнейшему повышению качества и профессиональной ориентации лекций, их значению в формировании у студентов научного мышления и марксистско-ленинского мировоззрения.

В институте предпринимаются действенные меры к тому, чтобы лекции носили проблемный характер, отражали актуальные вопросы теории и практики, современные достижения общественного и научно-технического развития, способствовали организации самостоятельной работы студентов. Преподавательский состав серьезно занимается вопросами дальнейшей активизации семинарских и практических занятий исходя из того, что они являются эффективными формами закрепления знаний и проявления творческих способностей студентов. Эффективнее стали использоваться технические средства обучения, более целенаправленно проводятся индивидуальные консультации. Большую пользу приносит деловые игры, учебные процессы по уголовным и гражданским делам, изучение студентами спецкурсов в соответствии с их специализацией.

Большую работу проводят ректорат и кафедры для улучшения подготовки студентов, обучающихся без отрыва от производства, активного использования методов обучения, в полной мере учитывающих специфику вечерней и заочной форм образования, практическую работу студентов. Активизировалась методическая работа на кафедрах.

Актуальные вопросы методики преподавания обсуждаются на общеинститутских методических конференциях, методическим советом, кафедрами. Необходимая помощь в овладении педагогическим мастерством оказывается молодым преподавателям. Постоянное внимание, уделяемое в институте вопросам совершенствования учебно-воспитательного процесса, улучшения качества подготовки специалистов, дает свои результаты. Повышается успеваемость студентов, растет число отличников. Студенты активно вовлекаются в научно-исследовательскую работу. Студенческие научные кружки, функционирующие при кафедрах под руководством опытных профессоров и ведущих доцентов, разрабатывают актуальные проблемы правоведения. На республиканских конкурсах по юридическим дисциплинам на лучшую студенческую научную работу, республиканских олимпиадах студенты института неизменно занимают лидирующее положение.

Много делается для того, чтобы выработать у студентов навыки самостоятельной подготовки докладов и публичных выступлений, умение участвовать в творческих дискуссиях. Одним из важных участков учебно-воспитательной работы является формирование у каждого из них необходимых качеств будущего воспитателя и организатора, пропагандиста в системе правового всеобуча.

Одним из ключевых направлений деятельности института является проведение научных исследований в тесной связи с задачами повышения качества подготовки специалистов-юристов, широкомасштабным внедрением полученных результатов в учебный процесс, в правоприменительную и законотворческую деятельность. Из года в год совершенствуются планирование, исполнение и внедрение выполненных работ. С целью повышения эффективности научных исследований в институте созданы комиссии по проблемам общественных, государствоведческих, гражданско-правовых и криминальных наук, задачей которых являются дальнейшее совершенствование координации, улучшение качества и эффективности выполняемых НИР. По результатам научных исследований профессорами и преподавателями института подготовлено и опубликовано значительное количество учебников и учебных пособий, монографий, комментариев к законодательству, научных статей и популярных брошюр. Только в последние годы изданы книги: «Политическая и правовая мысль на Украине (1861 — 1917)» (проф. О. Ф. Скакун), «Научно-техническая информация и право» (проф. Ч. Н. Азимов), «Объект и предмет преступления в советском уголовном праве» (проф. В. Я. Тацкий), «Судебное обеспечение законности в деятельности административных органов» (Б. Н. Юрков), «Научно-практический комментарий к закону о государственном предприятии (объединении)» (кол. авт.: проф. М. И. Бару, проф. Ч. Н. Азимов, доц. Г. С. Гончарова, проф. И. Е. Красько, проф. Р. С. Павловский, проф. В. К. Попов и др.), «Преступления против личности в УК УССР и судебной практике» (проф. В. В. Сташис, проф. М. И. Бажанов), «Научно-практический комментарий к УК УССР» (проф. В. Я. Тацкий, проф. В. В. Сташис, проф. М. И. Бажанов и др.), «Настольная книга хозяйственника» (проф. И. Е. Красько в соавторстве), «Теория социалистической демократии (государственно-правовые аспекты)» (проф. М. В. Цвик), «Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении» (проф. А. Ф. Зелинский), «Профессиональное правосознание и социалистическое правосудие» (проф. Ю. М. Грошевой), «Социалистическая законность в советском государственном управлении» (проф. Р. С. Павловский и др.), «Расследование хищений государственного и общественного имущества: проблемы тактики и методики» (проф. В. Е. Конавалова и др.), «Научно-практический комментарий к УПК УССР» (проф. Ю. М. Грошевой, доц. Д. А. Постовой и др.) и ряд других.

В учебном процессе широко используются подготовленные и опубликованные профессорами и преподавателями института учебники и учебные пособия: «История государства и права УССР: ч. 1 и 2» (проф. А. И. Рогожин, доц. В. Д. Гончаренко и др.), «Советское природоресурсовое право: Ч. Особенная. Уч. пособие» (руковод. авт. кол. проф. В. К. Попов). «Природоресурсовое право и правовая охрана окружающей среды (Ч. Общая)» (проф. Ю. А. Вовк), «Советское административное право» (проф. Р. С. Павловский, доц. Ю. П. Битяк и др.), «Уголовное право УССР. Часть Общая», «Уголовное право УССР. Особенная часть» (под ред. проф. М. И. Бажанова, проф. В. В. Сташиса), «Советское гражданское право. Ч. 1 и ч. 2» (под ред. проф. В. Ф. Маслова и проф. А. А. Пушкина),

«Советский уголовный процесс» (под ред. проф. М. И. Бажанова и проф. Ю. М. Грошевого) и др. Ежегодно ученые института публикуют свыше 400 печатных листов научной продукции. На базе института издается республиканский межведомственный научный сборник «Проблемы социалистической законности», периодически проводятся республиканские и региональные научно-практические конференции.

Ученые института обобщают практику деятельности государственных органов, участвуют в разработке проектов постановлений Пленумов Верховных Советов СССР, Украинской ССР и других союзных республик, а также в разработке проектов законодательных актов. При их активном содействии были разработаны ныне действующие уголовный, гражданский, земельный и ряд других кодексов. Преподаватели института привлекались к подготовке проекта Конституции УССР 1978 г., а также к разработке проекта Закона УССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию УССР». Ученые института активно участвовали в подготовке и обсуждении проектов законов «О собственности», «О земле и землепользовании», «О пенсионном обеспечении граждан в СССР», других проектов законов СССР и Украинской ССР. Их рекомендации и предложения во многом способствовали улучшению проектов нормативных актов и были учтены законодателем.

Для научно-исследовательской деятельности института характерно постоянное укрепление творческих связей с прокурорско-следственными и судебными органами, многими юридическими вузами и научно-исследовательскими учреждениями страны. Институт активно участвует в разработке целевых комплексных программ в Украинской ССР в области государства и права, по многим из них является головным исполнителем. Творческое содружество позволяет не только успешно координировать тематику научных исследований, но и осуществлять совместную разработку крупных проблем государства и права, имеющих не только теоретическое, но и важное практическое значение для совершенствования правоприменительной деятельности и законотворчества.

Значительное внимание уделяется в институте подготовке научно-педагогических кадров. Успешно действует аспирантура, в которой обучается более 50 аспирантов. В 1988 г. в институте открыта докторантура, в которой проходят обучение молодые ученые, имеющие серьезный задел по докторским диссертациям. Первыми докторантами стали доценты Ю. В. Баулин и В. Н. Самсонов. Решением ВАК СССР при институте созданы два специализированных совета по защите докторских диссертаций — Д 068.25.01 и Д 068.25.02. Только за последние 10 лет (1980 — 1990 гг.) преподавателями и аспирантами института защищено 129 кандидатских и 16 докторских диссертаций, в том числе Ч. Н. Азимовым, В. И. Астаховой, Г. Г. Демиденко, В. Е. Жеребкиным, И. Е. Красько, Г. А. Матусовским, Н. И. Пановым, А. А. Пинаевым, В. К. Поповым, Н. А. Придворовым, О. Ф. Скакун, В. Я. Тацием, В. П. Тихим, М. В. Цвиком, В. А. Чефрановым, Б. Н. Юрковым.

В обеспечении учебного процесса и надлежащей организации самостоятельной работы студентов, проведении научных исследований важная роль принадлежит институтской библиотеке, в фондах которой насчитывается свыше 600 тыс. книг. При библиотеке создан отдел редкой книги (около 40 тыс. экз.).

В неразрывной связи со всеми формами учебного процесса в институте ведется кропотливая и многогранная воспитательная работа, в которой активно участвуют педагогический коллектив, общественные организации. Все, что делается в данной области, направлено на обеспечение органического единства профессионального, идейно-политического, трудового и нравственного воспитания студенческой молодежи. Преподавательский состав и общественные организации заботятся о дальнейшем совершенствовании всех форм воспитания студентов в духе беззаветной преданности социалистической Родине, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, прививают им чувство личной ответственности за судьбы нашей страны. Развиваются разнообразные формы воспитательной и культурно-массовой работы в общежитиях. Активно действуют коллективы и кружки студенческой художественной самодеятельности, возросло их исполнительское мастерство. Заслуженной популярностью пользуется мужской студенческий хор института — лауреат всесоюзного и республиканского смотров художественного творчества трудящихся. В 1977 г. институтский хор удостоен звания народной хоровой капеллы.

В воспитательной работе среди студенческой молодежи неопенимая роль принадлежит трудовому обучению. Студенты ежегодно оказывают существенную помощь колхозам и совхозам в уборке урожая, с большой отдачей трудятся в студенческих отрядах, которые неоднократно занимали первое место среди отрядов области. Третий трудовой семестр стал массовой школой гражданского возмужания будущих специалистов, воспитания у них умения самостоятельно ориентироваться в реальных жизненных ситуациях.

Ректорат и партийный комитет много внимания уделяют развитию материально-технической базы института. Только в последние годы построены и введены в эксплуатацию два учебных корпуса, спортивный комплекс, строятся два новых учебных корпуса.

Учебные аудитории и лекционный залы хорошо оборудованы, обеспечены современными техническими средствами обучения. Имеются учебные классы компьютерной техники. На практических занятиях студенты работают с современной криминалистической техникой, другими техническими средствами, которыми должен уметь владеть юрист-практик.

В поле зрения ректората и общественных организаций постоянно находятся вопросы улучшения жилищно-бытовых условий студентов. В распоряжении последних — шесть благоустроенных общежитий. По инициативе института и при его активном участии построено межвузовское студенческое семейное общежитие, при котором действует детский комбинат. В общежитиях созданы надлежащие бытовые условия, имеются читальные залы, комнаты подготовки к занятиям, помещения для занятий спортом, студенческие кафе и т. п. Осуществляется строительство еще двух студенческих общежитий. Успешно функционируют спортивно-оздоровительный лагерь и профилакторий, что позволяет значительно улучшить бытовые условия студентов, организацию их досуга и физического воспитания.

Достижения института во многом зависят от боевитости его парторганизации. Она оказывает существенное влияние на все стороны деятельности научно-педагогического коллектива и студентов. Свыше 50 % студентов дневного отделения — коммунисты. Они служат примером в учебе, выполнении общественного долга. Парторганизация заботится о дальнейшем совершенствовании учебно-воспитательного процесса, об улучшении состава научно-педагогических кадров, о распространении опыта передовиков учебы, укреплении дисциплины и организованности, развитии критики и самокритики, слаженности действий кафедр и отделов института, общественных организаций, повышении ответственности каждого за порученный участок. Важным направлением работы парторганизации является поддержание и развитие лучших традиций института.

В деятельности института, его профессорско-преподавательского состава имеются, конечно, и недостатки. Ряд вопросов повышения качества подготовки специалистов, эффективности научных исследований еще требует своего решения. На это сегодня и направлены усилия всего коллектива.

ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Союзно-республиканская компетенция, установленная Конституцией СССР в сфере уголовного законодательства, получает все большую реализацию в результате осуществления правовой реформы [1, с. 146]. В ближайшее время должны быть приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, проект которых находится на рассмотрении Верховного Совета СССР*. Предполагается издание и ряда других общесоюзных законодательных актов. В соответствии с этими законами должны быть изданы Уголовные Кодексы союзных республик.

Подготовка и принятие УК — важный этап законотворчества, призванный завершить кодификацию уголовного законодательства. Основы и названные общесоюзные уголовные законы подлежат включению (инкорпорации) соответственно в Общую и Особенную части этих УК. Такое включение не означает механического соединения норм, содержащихся в общесоюзных уголовных законах, и норм, которые самостоятельно будут установлены в УК союзной республики. Произойдет глубокая интеграция законодательного материала, сведения его в УК в единое целое с усилением взаимозависимости составляющих его элементов. Такая интеграция будет заключаться не только в том, что соответствующие статьи Основ и других общесоюзных законов станут статьями УК путем их воспроизведения, но и в том, что в Кодексах откроется возможность развивать положения Основ в силу содержащегося в них прямого на то указания. Например, ст. 13 Основ предоставляет союзным республикам право устанавливать круг тех преступлений, за совершение которых наступает ответственность с 18 лет, ст. 29 — предусмотреть другие виды наказаний, не указанные в Основах, но соответствующие их принципам, и т. п. Таких норм в Основах — 19, т. е. более 1/4, что свидетельствует о стремлении предоставить союзным республикам широкие возможности в установлении предписаний, входящих в Общую часть их Кодексов. Однако есть все основания считать, что УК союзных республик вправе включать в Общую часть и нормы, развивающие Основы в соответствии с их принципами, и без прямого указания на это в общесоюзном законе. Так, например, ст. 57 Основ определяет возможность освобождения лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, от уголовной ответственности с передачей его на поруки трудовому коллективу или дела о нем в товарищеский

* Данный проект опубликован в печати. См., напр.: *Бюл. Верховн. Суда СССР*. 1988. № 6; *Соц. законность*. 1988. № 12 и др. Далее по тексту указанный проект именуется «Основы».

суд. Очевидно, что УК должен определить конкретные условия такой передачи. Или, скажем, в ч. 2 ст. 49 Основ устанавливается правило, согласно которому штраф и лишение права занимать определенные должности, если они назначены по совокупности преступлений или приговоров как основные наказания наряду с лишением свободы, исполняются самостоятельно. Развивая эту норму, УК союзной республики вправе предусмотреть, что в таких случаях и разнообразные дополнительные наказания также исполняются самостоятельно. Можно продолжить перечень подобного рода ситуаций, которых немало. Наличие таких норм в УК правомерно и не выходит за пределы компетенции союзной республики. Указанные нормы лишь развивают и конкретизируют соответствующие предписания Основ.

Больше возможностей имеется у союзных республик и при конструировании Особенной части УК. Подавляющее число содержащихся в ней норм являются по своей природе нормами первоустанавливающими, т. е. они полностью отнесены к компетенции союзной республики. Однако и здесь нормы Основ имеют важное значение для решения ряда вопросов: о системе Особенной части УК; об ответственности за ряд конкретных преступлений; о характере, структуре и пределах санкций; о специальных видах освобождения от уголовной ответственности. В этих сферах нормы Основ глубоко входят в ткань нормативных предписаний УК союзной республики, представляя собой единое системное образование. Остановимся на названных вопросах, не претендуя, естественно, на полное их освещение, а также на то, что предлагаемые суждения являются бесспорными.

Основы и некоторые вопросы системы Особенной части УК. Система Особенной части строится, как известно, по родовому объекту посягательств. Наиболее важные из них указаны в ч. 1 ст. 8 Основ, где дано определение понятия преступления. Это жизнь, здоровье, права и свободы граждан, общественный строй СССР, его политическая и экономическая системы, различные формы собственности, природная среда, социалистический правопорядок, мир и безопасность человечества. Причем как видно из текста закона, указание в нем на социалистический правопорядок охватывает собой все общественные отношения, охраняемые нормами уголовного права, за исключением прямо упомянутых в ст. 8. Эта норма Основ, как представляется, в известных пределах определяет последовательность расположения в Особенной части УК соответствующих глав (разделов). Приоритет должен быть отдан преступлениям против личности, ее прав и свобод. Затем должны следовать преступления против государства, против собственности и природной среды (экологические преступления). Дальнейшая последовательность, за исключением того, что преступления против мира и безопасности человечества должны замыкать Особенную часть, уже полностью зависит от самой союзной республики. В частности, она может быть такой: преступления против общественной безопасности,

против народного здоровья, транспортные преступления, преступления против общественного порядка, хозяйственные преступления, должностные преступления, преступления против правосудия, против порядка управления, воинские преступления. Понимая, что могут быть предложены и другие альтернативы системы Особенной части, рассмотрим лишь конструирование главы УК о преступлениях против собственности. В действующем праве преступления против социалистической и против личной собственности граждан помещены в различных главах УК. Автор данной статьи, прослеживая генезис норм о преступлениях против собственности, предполагал, что в будущем законодатель может пойти интегративным путем и создать в УК единую главу, объединив в ней и первую, и вторую группы преступлений [5, с. 148]. Сторонники данной идеи приводят в ее обоснование достаточно серьезные соображения [2; 4; 3]. Следует пойти именно по этому пути и за преступлениями против государства поместить в УК главу о преступлениях против собственности (имущественные преступления).

Статья 10 Конституции СССР в редакции 14 марта 1990 г. является юридической базой такого решения.

Основы и отдельные составы преступлений. Положения Основ имеют значение для формулирования в УК новых составов преступлений, неизвестных действующему праву. Это, прежде всего, отнесенные Основами к особо тяжким преступлениям угон либо захват морского или речного судна, повлекшие гибель одного или нескольких лиц, военные преступления и геноцид. Из ст. 25 Основ также вытекает необходимость установления в УК ответственности за умышленное убийство и тяжкое телесное повреждение при превышении условий правомерности задержания лица, совершившего преступление. Называют Основы (ст. 13, 36, 41) и отдельные преступления, известные действующему праву, которые, следовательно, должны быть в обязательном порядке сохранены в будущих УК. Речь идет об умышленных убийствах различных видов, о телесных повреждениях различной степени тяжести, об изнасиловании, о разбое, хищении государственного или общественного имущества в особо крупном размере. В этих же статьях Основ указаны некоторые преступления, совершаемые при квалифицирующих и особо квалифицирующих признаках: изнасилование малолетней, получение взятки в особо крупном размере, угон или захват воздушного судна, повлекший гибель одного или нескольких лиц, умышленное уничтожение имущества, повлекшее тяжкие последствия, хулиганство, грабеж или кража при отягчающих обстоятельствах. Отсюда очевидно, что в Особенной части УК должны быть предусмотрены эти преступления, в том числе и без квалифицирующих признаков (так называемые простые их составы). Следует обратить внимание на сохранение в Основах состава бандитизма (ст. 36). Еще совсем недавно было принято считать, что такого рода преступлений, как бандитизм.

в нашей стране не существует. Практика, пытаясь приукрасить реальное положение дел, очень часто шла по пути квалификации этих действий по другим статьям УК (например, квалифицированный разбой). Перестройка и гласность поставили заслоны подобной практике: квалификация нападений, которые совершаются организованными вооруженными преступными группами, как бандитизм, является единственно правильной.

Указания Основ на отдельные преступления, известные действующему праву, отнюдь не означают, что их обрисовка в Особенной части УК должна полностью сохраниться. Напротив, если это необходимо, в их описание следует внести соответствующие изменения.

При формулировании квалифицирующих признаков отдельных преступлений следует исходить из ст. 20 Основ, которая предоставляет право союзным республикам устанавливать повторность не только тождественных, но и однородных и разнородных преступлений. Поэтому, например, в Особенной части УК может быть дана трактовка повторности при совершении преступлений против собственности подобно ныне действующим примечаниям к ст. 81 и 140 УК УССР. Статья 22 Основ содержит основания для установления в качестве квалифицирующих признаков отдельных преступлений и совершение их лицом, ранее судимым за такое же или однородное преступление, а равно особо опасным рецидивистом. Из ч. 4 ст. 44 Основ вытекает и право союзных республик устанавливать в УК такие квалифицирующие признаки отдельных преступлений, которые в качестве отягчающих обстоятельств названы в указанной норме Основ (например, совершение преступления организованной группой, с особой жестокостью, общеопасным способом и др.).

Из ст. 18 и 19 Основ вытекает необходимость установления в УК ответственности за укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений и за недонесение об особо тяжких преступлениях. Как формулировать эти статьи УК: путем простого воспроизведения текста Основ или посредством установления исчерпывающего перечня преступлений. Второй путь, безусловно, предпочтительней. Тем более, что из ст. 18 Основ не вытекает абсолютная обязанность союзной республики устанавливать ответственность за укрывательство всех без исключения тяжких преступлений. Слова ст. 18 Основ «в случаях, предусмотренных уголовным законом» однозначно свидетельствуют о том, что союзная республика сама вправе определять именно тот круг тяжких преступлений, за которые наказуемо их заранее не обещанное укрывательство.

Основы и построение санкций. Нормы основ имеют определяющее значение для характера (вида), структуры и самих пределов санкций, которые могут быть установлены за отдельные преступления в Особенной части УК. При описании в Основах срочных наказаний указывается их минимальный и максимальный сроки, определяется минимальный и максимальный размеры

штрафа, т. е. закрепляется та «вилка» (от и до), в диапазоне которой может быть сконструирована конкретная санкция. Так, штраф может быть назначен в размере от двухсот до одной тысячи рублей, а за корыстные преступления — от трехсот до пяти тысяч рублей, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет, исправительные работы на срок от двух месяцев до двух лет, ограничение свободы — от шести месяцев до пяти лет, арест — от одного до трех месяцев, лишения свободы на срок от шести месяцев до десяти лет, в некоторых случаях — до пятнадцати. Такие специальные наказания, как ограничение по службе, устанавливаются в пределах от двух месяцев до двух лет, а направление в дисциплинарный батальон — от трех месяцев до трех лет. Уже из этих положений Основ можно сделать вывод, что они предопределяют установление в УК относительно-определенных санкций. Данный вывод в большей степени подтверждается и той классификацией преступлений, которую дает ст. 9 Основ. Она делит все преступления на 4 категории: не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. К первой категории относятся умышленные преступления, за которые в законе предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание, а также неосторожные преступления, которые наказываются лишением свободы на срок не свыше пяти лет или другим более мягким наказанием. К менее тяжким относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы не свыше пяти лет, а равно неосторожные преступления, за которые возможно применение наказания на срок свыше пяти лет. Тяжкие преступления — это лишь умышленные деяния, которые наказываются лишением свободы на срок не свыше десяти лет, а особо тяжкие — те, что влекут за собой наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или смертную казнь.

Таким образом, из приведенных положений Основ однозначно вытекает, что санкции в Особенной части УК за отдельные преступления должны строиться по принципу «от» и «до», т. е. устанавливать низший и, высший пределы, или по принципу «до» — указывать лишь высший предел санкции.

Далее, из содержания ст. 9 Основ видно, что в санкциях за преступления, не представляющие большой общественной опасности, наряду с лишением свободы могут быть установлены и другие более мягкие наказания. В ч. 2 ст. 42 Основ предписано, что назначение наказания в виде лишения свободы возможно лишь при условии, что цели наказания нельзя достичь иным, более мягким наказанием. Таким образом, предполагается, что в будущем УК многие санкции будут альтернативными. Применительно к наиболее суровым видам наказания — лишению свободы на срок более десяти лет и смертной казни — альтернативный характер санкции прямо указан в ч. 1 ст. 36 Основ. Кроме того, призна-

ние ст. 41 Основ смертной казни исключительной мерой наказания с неизбежностью предполагает, что в санкции конкретной статьи она обязательно должна быть указана в альтернативе с лишением свободы.

Не только характер, но и сама структура санкций в Особенной части УК находит свою опору в Основах в предусмотренной ими системе наказаний. Основы 1958 г. (ст. 21) строили систему наказаний от более тяжких к менее тяжким их видам. Это определяло и структуру санкций в УК союзных республик 1959—1961 гг. Они строились по принципу убывающей тяжести наказаний: в альтернативных санкциях на первом месте шло лишение свободы, а затем другие, более мягкие наказания. Такая структура санкций ориентировала суд на то, что прежде всего ему надо было обсуждать вопрос о лишении свободы осужденного, а не о применении к нему наказания, не связанного с изоляцией его от общества. Лишь в санкциях, где фигурировала смертная казнь, на первом месте стояло лишение свободы.

Принципиально иной подход характерен для проекта Основ. В ст. 29 наказания, которые могут назначаться судом, расположены по нарастающей их тяжести, т. е. от более мягких — к более тяжким (порицание, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы). В связи с этим санкции в статьях Особенной части, если они альтернативны, должны строиться по нарастающей: от менее тяжких видов наказаний — к более тяжким. Такая структура санкций в большей мере выражает гуманизм советского уголовного права, ориентирует суд на применение более тяжелого вида наказания лишь тогда, когда цели наказания не могут быть достигнуты назначением другого, более мягкого наказания.

Структура санкций за отдельные преступления определяется и теми нормами Основ, которые устанавливают основания и условия применения дополнительных наказаний. Так, в санкциях в этом именно качестве в силу ст. 29 могут фигурировать штраф в пределах, предусмотренных ч. 2 ст. 31, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет (ст. 32 Основ), конфискация имущества в случаях, указанных в ч. 2 ст. 40 Основ.

Из приведенных положений Основ следует, что они во многом предопределяют и рамки (пределы) санкций. Очевидно, что в санкциях за отдельные виды преступлений нельзя выйти за минимальный (а равно и максимальный) размер, установленный Основами для отдельных видов наказаний. Нельзя, например, установить в санкции минимум лишения свободы в три месяца, ибо это будет противоречить ст. 36 Основ, где такой минимум определен в шесть месяцев. Равным образом нельзя предусмотреть в санкции ограничение свободы на срок до шести лет, поскольку максимальный размер данного вида наказания согласно ст. 34 Основ — пять лет. Однако Основы идут дальше. Они ориентируют

на то, что пределы конкретных санкций должны соответствовать той категории преступлений, которая обозначена в ст. 9. Наглядно это видно при характеристике особо тяжких преступлений. Основы не только указывают на то, что за данные преступления должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или смертная казнь, но и дают в ст. 36 исчерпывающий перечень таких преступлений. Поэтому, например, санкция за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах должна быть сформулирована в УК примерно следующим образом: «...наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет или смертной казнью», а за получение взятки в особо крупном размере «наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества» и т. п.

Сложное обстоит дело с санкциями за другие категории преступлений, ибо их круг будет определяться самой союзной республикой. Но в любом случае за преступления, не представляющие большой общественной опасности, в санкциях не может быть установлено наказание на срок свыше двух лет лишения свободы. Представляется, что вообще за такие преступления в принципе должны быть предусмотрены наказания, не связанные с лишением свободы. Лишь в отдельных случаях, например, за квалифицированные их виды, в санкциях возможно указание на такое наказание, как лишение свободы. Все санкции за данную категорию преступлений обязательно должны быть альтернативными. Как альтернативные в принципе должны конструироваться и санкции за менее тяжкие преступления. Причем в качестве альтернативы лишению свободы могут фигурировать и арест, и ограничение свободы, и исправительные работы, и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и штраф.

Что же касается тяжких преступлений, то здесь в виде санкции может выступать только лишение свободы на срок до десяти лет с дополнительными наказаниями за корыстные преступления в виде обязательных или факультативных конфискации имущества или штрафа, а за ряд преступлений и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Таким образом, Основами предусмотрено достаточно жесткое соотношение между категориями преступлений и характером и пределами самих санкций, которые может установить УК за конкретные виды этих деликтов. Анализ Основ приводит к однозначному заключению, что структура и пределы санкций в УК должны разумно сочетать формализованные их признаки с судебной дискрецией, причем с приданием последней подчиненного характера. В любом случае не могут конструироваться такие известные действующему праву санкции, как «лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет» (например, ч. 1 ст. 79 УК УССР) или «лишение свободы на срок до восьми лет» (на-

пример, ст. 120), в которых судебной дискреции предоставлены слишком широкие рамки.

Приведенными соображениями, по-видимому, не исчерпывается значение Основ для санкций, но и те, которые высказаны, могут быть использованы при подготовке проекта УК.

Основы и специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Статья 54 Основ определяет, что лицо, совершившее преступление, в случаях, предусмотренных законом, может быть освобождено от уголовной ответственности. Эта общая норма конкретизируется в ряде последующих статей об освобождении от ответственности вследствие истечения сроков давности, применения мер общественного воздействия, утраты лицом общественной опасности и др. Но ст. 54 Основ имеет значение и для Особой части УК, ибо предоставляет возможность устанавливать специальные нормы, согласно которым лицо, совершившее конкретное преступление, освобождалось бы от уголовной ответственности. В действующем УК УССР такие нормы предусмотрены: в ч. 2 ст. 56, которая освобождает от уголовной ответственности гражданина СССР, завербованного иностранной разведкой, но не совершившего во исполнение преступного задания никаких действий и сообщившего органам власти о своей связи с иностранной разведкой; в ч. 3 ст. 170—освобождающей взяткодателя от ответственности при условии, что он добровольно сообщил о даче взятки; в ч. 2 ст. 222, согласно которой освобождается от уголовной ответственности лицо, добровольно сдавшее хранившееся у него огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества; в ст. 229¹⁰, где указано об освобождении от уголовной ответственности лица в связи с добровольной сдачей им наркотических средств или обращением за оказанием медицинской помощи. Все эти нормы являются поощрительными и направлены на активизацию посткриминального поведения [6, с. 67]. Они должны быть сохранены в будущем УК как конкретное выражение принципа гуманизма. Вместе с тем ст. 54 Основ открывает возможности расширения специальных видов освобождения от уголовной ответственности. Так, если будет сохранена наказуемость незаконного изготовления, сбыта и ношения холодного оружия, есть все основания установить; что добровольная сдача такого оружия освобождает лицо от уголовной ответственности. Равным образом добровольная сдача лицом похищенных без квалифицирующих признаков огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ должна исключать ответственность, хотя бы при условии, что лицо не совершило преступления с применением этого оружия. Целесообразно установить освобождение от ответственности при добровольном возмещении имущественного ущерба, причиненного совершением менее опасных видов хищений или в результате должностного злоупотребления либо халатности, и в некоторых других случаях. Несомненно, что гуманизация уголовного законодательства как тенденция, лежащая в основе его

или иного преступления к конкретной категории. Такой вывод прежде всего объясняется тем, что формальный критерий — типовая санкция — лишь тогда может сыграть роль «сигнала» [12, с. 53] принадлежности преступления к определенной категории, когда санкции статей Особенной части будут соответствовать объективной общественной опасности преступлений. Между тем, как неоднократно отмечалось, анализ действующего права показывает, что санкции не отвечают данному требованию: в ряде случаев они чрезмерно широки, противоречивы; существенно различаются за преступления, близкие по объективным и субъективным признакам (как в рамках одного УК, так и в УК различных республик). Проанализировав санкции за неосторожные преступления, В. Е. Квашис справедливо отметил, что в них при одинаковых по тяжести последствиях максимальное наказание колеблется в пределах от 1—2 лет лишения свободы до 15 лет [5, с. 61]. Существенным показателем несовершенства действующих санкций является практика назначения наказания. Типичное соотношение санкции и наказания за совершенное преступление представляется таким: если санкция правильно отражает объективную опасность преступления, то наказание, назначаемое судом, по общему правилу должно находиться в пределах данной санкции. Однако назначение наказания, более мягкого, чем предусмотрено законом, по многим видам преступлений стало нормой, а не исключением [6, с. 22]. Следовательно, решение вопроса о классификации преступлений в Основах требует последовательного отражения положений ст. 9 в Особенной части УК при конструировании санкций, создании стройной их системы. Задача эта сложная, ибо создание санкций — отнюдь не механический процесс: в нем должны быть отражены все принципы уголовного права, основные направления уголовной политики, потребности современного этапа развития.

Особая сложность проблемы совершенствования санкций заключается в том, что общественная опасность преступления, которая должна найти свое полное отражение в санкции, является специфической объективной категорией, не поддающейся «чувственному восприятию» [8, с. 132], непосредственному взвешиванию, измерению. Поэтому представляется, что найти четкие параметры общественной опасности, ее характера и степени традиционными для уголовно-правовых исследований методами практически невозможно. Только использование новых методов, в частности метода математического моделирования, способно обеспечить достижение такого положения, когда санкция будет действительной мерой общественной опасности преступления, выражать «в абстрактном виде итоговую оценку того вида правонарушений, за которые она применяется» [9].

Модель — это «мысленно или практически созданная структура, воспроизводящая ту или иную часть действительности в упрощенной (схематизированной или идеализированной) и наглядной форме» [14, с. 8; 11]. Математическая модель — идеаль-

ная, знаковая, ибо описывает объективную реальность математическими абстракциями, формулами. Такая модель «в особой символической форме выражает структурные и количественные связи, присущие изучаемым объектам» [3, с. 25]. Поэтому именно математическое моделирование общественной опасности позволило бы в количественном измерении представить качественное содержание общественной опасности, меру ее и тем самым соотнести с ней меру строгости санкции.

Принципиальная возможность использования математического моделирования в исследовании общественной опасности методологически обусловлена тремя моментами: 1) метод математического моделирования представляет собой одну из форм реализации положений системного подхода к исследованию правовых явлений. Системный подход, как известно, означает «особую призму видения» сути исследуемого предмета, явления как целостного образования, со сложными взаимоотношениями его компонентов и его самого с предметами, явлениями внешнего мира. Познание, основанное на системном подходе, необходимо предполагает математизацию исследуемого материала, материализацию мышления [2, с. 205]; 2) общественная опасность как материальное свойство любого преступления является системным образованием — целостным единством, образуемым взаимосвязанными определенным образом структурными элементами, что и позволяет исследовать ее методом математического моделирования: перевести ее качественное содержание на математический язык; 3) при математическом моделировании не требуется абсолютного подобия модели и объекта (хотя в основе любого моделирования и лежит теория подобия). Модель должна лишь правильно отображать его функционирование, структурные, количественные связи элементов, а также количественное соотношение моделируемого объекта с другими.

Изложенное позволяет рассмотреть вопрос о конкретных путях построения математической модели общественной опасности преступления. При этом следует иметь в виду, что содержание такой модели предопределяется целью исследования. Четкое определение цели — обязательное условие ее построения. Исходя из того, что рассматриваемая модель общественной опасности необходима для решения задачи определения места конкретного преступления в классификации преступлений по степени их тяжести и конструирования на данной основе соответствующей санкции, первым этапом построения модели должно быть выделение тех объективных и субъективных признаков, которые образуют структурные элементы общественной опасности как обязательного признака преступления и определение значимости каждого из них для характеристики общественной опасности в целом. Известно, что объективная реальная опасность преступления определяется совокупностью объективных и субъективных признаков: важностью объекта посягательства, характером и тяжестью вреда, способом, местом и временем совершения преступ-

ления, формой вины, мотивом и целью и другими. Так, Н. Ф. Кузнецова выделяет 13 объективных и субъективных признаков, которые влияют на характеристику общественной опасности преступления и учитываются в качестве основных и квалифицирующих [7, с. 64]. Анализ признаков, образующих общественную опасность, показывает, что они не равнозначны в характеристике ее содержания: в большей или меньшей мере влияют на ее характер и степень, а тем самым на тяжесть преступления.

Следовательно, следующий этап построения модели предполагает анализ качественного содержания каждого из указанных признаков и на данной основе выявление их соотношения по степени значимости в характеристике общественной опасности в целом, большего или меньшего ее «количества». По существу, речь идет о ранжировании всех признаков. Представляется, что более всего для этой цели подходит часто используемая в теории моделирования шкала порядка, или ранговая шкала, которая позволяет не только установить отношения эквивалентности и различия исследуемых признаков, но и определить соотношение предпочтения: больше или меньше, выше или ниже, легче или тяжелее и т. д. [10]. Для использования такой шкалы каждому признаку общественной опасности необходимо придать определенное числовое значение, формализовать его содержание, установить «ранг», место в шкале порядка. Математическая модель необходимо предполагает формализацию, под которой понимается «представление какой-либо содержательной области... в виде формальной системы исчисления» [1, с. 6]. Специфика формализации содержания общественной опасности состоит в том, что она касается объекта, имеющего нечисловой характер. Поэтому придание признакам общественной опасности числового значения является условным и выражает субъективную оценку. В этом смысле составление шкалы ранжирования признаков общественной опасности отражает определенное соотношение объективного и субъективного в ее исследовании. Средства формализации, ее язык (символы, знаки, цифры, формулы и т. д.) определяются прежде всего с учетом цели, которую необходимо достичь с помощью модели, но они должны правильно отражать взаимосвязь и соотношение элементов моделируемой системы. В литературе уже предпринимались попытки различной формализации общественной опасности преступления [13]. Каждая из таких формализаций вносит определенный вклад в методологическую разработку проблемы измерения общественной опасности и соответствия ей законодательной санкции. Но наиболее удачным, как показали работы Д. О. Хан-Магомедова, является использование языка цифр. Условное цифровое обозначение каждого признака общественной опасности способно наиболее точно отразить их количественное соотношение и в совокупности обеспечить составление алгоритма тяжести преступления. С учетом основных и квалифицирующих признаков, наиболее часто используемых законодателем при криминализации общественно опасных

деяний, можно предложить 12-балльную шкалу, условно обозначив 12 баллами элемент (признак), выражающий наибольшую опасность, а одним баллом — наименьшую. Сам процесс ранжирования, как уже отмечалось, будет заключаться в определении соотношения (больше-меньше) признаков, их значимости для общей характеристики общественной опасности. В качестве критерия наибольшей опасности преступления следует учитывать важность объекта, его значение в системе общественных отношений, охраняемых уголовных законом. Следующим по своему значению для характеристики общественной опасности выступает общественно опасное последствие — более или менее тяжкий вред объекту; далее — вина, способ совершения преступления, мотив и цель, повторность, рецидив, специальные признаки субъекта, место, время, обстановка совершения преступления. Такая последовательность и должна определять место указанных признаков в шкале порядка. Но это лишь первый уровень. На втором — необходимо провести ранжирование различного содержания каждого из признаков, его степени при определении степени тяжести конкретных преступлений: последствия — особо тяжкие, тяжкие, иные; вина — умысел (прямой, косвенный), неосторожность (самонадеянность, небрежность); способ — общественно опасный, особо жестокий, насильственный, иной; мотив — корыстный, низменный, иной и т. д. Лишь по совокупности баллов первого и второго уровня можно составить формулу той общественной опасности, которая характеризует определенную категорию преступлений, предусмотренную в законе.

Завершающий этап моделирования общественной опасности касается конкретного преступления и предполагает выделение тех объективных и субъективных признаков, которые предусмотрены законом для этого преступления, ранжирование их в соответствии со шкалой порядка, составление формулы его опасности, сопоставление ее с формулами общественной опасности указанных в ст. 9 Основ категорий преступлений, и на этой основе — определение места данного преступления в классификации. Указанный этап и очерчивает те пределы, в которых может определяться санкция статьи, предусматривающей ответственность за преступление в пределах типовой санкции соответствующей категории в норме о классификации.

Конкретизация математического моделирования общественной опасности преступления и построение соответствующей его тяжести санкции предполагают проведение ряда математических операций, составление формул, что в рамках настоящей статьи сделать, естественно, невозможно. Автором предпринята попытка показать один из возможных путей (и, как представляется, наиболее верный) совершенствования санкций, приведения их в соответствие с действительной опасностью преступлений, с их местом в законодательной классификации преступлений по степени их опасности.

Список литературы: 1. *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система. М., 1978. 2. *Балханов В. А.* Теоретико-методологические проблемы обоснования математизации научного знания// Роль методологии в развитии науки. Новосибирск, 1985. 3. *Гаврилов О. А.* Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980. 4. *Загородников Н. И.* Проблемы классификации преступлений в свете дальнейшего совершенствования советского уголовного права// Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. 5. *Квашин В. Е.* Правовые и социально-психологические аспекты наказания за неосторожность// Сов. гос-во и право. 1977. № 4 6. *Кондрашков Н. Н.* Степень общественной опасности преступлений и мера ответственности// Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. М., 1975. 7. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. 8. *Курс советского уголовного права:* В 6 т. М., 1970. Т. 2. 9. *Лейст О. Э.* Санкции и ответственность. М., 1981. 10. *Паповян С. С.* Математические методы в социальной психологии. М., 1983. 11. *Рузавин Г. И.* Математизация научного знания. М., 1984. 12. *Сахаров А. Б.* О классификации преступлений// Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 17. 13. *Хан-Магомедов Д. О.* Использование методов и технических средств кибернетики при применении норм уголовного права// Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции. М., 1975. Вып. 3. 14. *Чубарев В. Л.* Общественная опасность преступления и наказание. М.; К., 1982. 15. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М., Л., 1966.

Поступила в редколлегию 19.06.89

И. А. ЗИНЧЕНКО

Харьков

О ПОНЯТИИ СЛОЖНОГО СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В действующем праве содержится значительное число преступлений, которые принято называть составными. К ним относятся, например, хищение государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК СССР), разбой (ст. 86, 142 УК), уклонение от очередного призыва на действительную военную службу посредством подлога документов (ч. 2 ст. 72 УК), убийство, сопряженное с изнасилованием (п. «ж» ст. 93 УК) и ряд других.

Составные преступления — наиболее распространенный вид сложных единичных деяний, причем есть все основания полагать, что в законодательстве намечилась достаточно устойчивая тенденция ко все большему расширению круга составных деликтов. Она проявляется в количественном росте (особенно в последние годы) в Уголовных Кодексах «сложных составных» составов. Так, в 1960 г. (т. е. в момент принятия) ныне действующий УК СССР содержал 20 составных преступлений. За весь период действия кодекса его Особенная часть была дополнена 67 новыми составами, причем 11 из них (или почти 13 %) были сконструированы как составные. Вместе с тем в ряде случаев составной характер некоторых деяний нечетко отражается в диспозициях соответствующих статей закона, что вызывает серьезные трудности при квалификации и отграничении их от множествен-

ности преступлений. Поэтому в связи с подготовкой нового УК УССР важно выяснить признаки данных деликтов, определить их понятие, с тем чтобы выявить то особенное, что отличает составные преступления от единичных сложных деяний других видов.

Первый и определяющий признак рассматриваемых преступлений заключается в том, что они состоят из нескольких общественно опасных деяний, каждое из которых прямо предусмотрено в уголовном законе в качестве самостоятельного состава преступления. Между тем многие авторы к составным деяниям относят так называемые сложные преступления, квалифицированные по последствиям. Это, например, умышленное тяжкое телесное повреждение, вследствие которого наступила смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК), умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом, если это деяние повлекло человеческие жертвы (ч. 3 ст. 89 УК), незаконное производство аборта, повлекшее длительное расстройство здоровья или смерть (ч. 3 ст. 109 УК) и др. При этом отмечается, что, конструируя составные деликты, законодатель не всегда четко называет преступления при объединении их в один сложный состав и часто для их обозначения использует такую терминологию, как «человеческие жертвы», «гибель людей», «длительное расстройство здоровья» и т. д. [7, с. 8; 6, с. 48—49]. Однако подобная точка зрения о сущности составного преступления вызывает возражения. Согласно действующему праву преступлением признается общественно опасное и виновное деяние, прямо предусмотренное уголовным законом, т. е. деяние противоправное. Уголовная противоправность означает, что данное действие (или бездействие) лица содержит признаки конкретного состава преступления, описанного в определенной норме Особенной части УК, где указаны абсолютно все общественно опасные деяния, признаваемые в данное время преступлениями [9, с. 34—35]. Поэтому, говоря, что составное преступление есть законодательное объединение в одном составе нескольких преступных деяний, мы тем самым можем не просто найти в законе все эти деяния, но и в самом составном деликте, по общему правилу, четко выделить, увидеть, «прочитать» преступления, из которых он образован, например, *убийство, сопряженное с изнасилованием, разбой, соединенный с причинением тяжкого телесного повреждения, хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти или представителю общественности* и т. д. Деяния, квалифицированные по последствиям, к составным относить нельзя, ибо они не состоят из нескольких самостоятельных преступлений. В них имеется указание на *деяние* и на *последствия*, наступившие в результате этого деяния. Обосновывая свою позицию по данному вопросу, некоторые ученые отмечают, что бывают такие составы, в которых «последствия, указанные в конкретной статье УК (тяжкие, особо тяжкие и др.), образуют

отдельное преступление» [7, с. 9]. Однако последствия не могут образовать преступления. Они всегда лишь общественно вредный результат, материальный или нематериальный вред, причиненный преступным деянием охраняемым уголовным законом общественным отношениям [4, с. 137]. Поэтому «несчастные случаи с людьми», «тяжкие последствия» и т. д. — это не убийство или, скажем, тяжкое телесное повреждение, которые предусмотрены в УК как самостоятельные преступления, а неосторожные последствия некоторых умышленных деяний. Следовательно, составной деликт будет иметь место лишь в тех случаях, где закон прямо указывает на те деяния, которые входят в его состав как на самостоятельные преступления.

Из сказанного логически вытекает, что составной деликт может быть образован несколькими преступными деяниями. Иногда их количество ограничивают двумя деяниями [6, с. 48—49; 2, с. 26], или же указывают, что составное преступление включает два или более преступлений [1, с. 12]. Представляется, что установление здесь каких-либо четких количественных границ, сведение возможного числа деяний в составном преступлении только к двум нецелесообразно, да и неточно. В большинстве случаев рассматриваемые деликты действительно состоят из двух преступлений. Однако среди них есть и такие, которые образованы большим числом деяний, например, разбой, соединенный с причинением тяжких телесных повреждений, совершенный с применением оружия (п. «б», «в» ч. 2 ст. 91 УК РСФСР; п. «б», «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР), хулиганство, соединенное с сопротивлением представителю власти или представителю обществу, если оно совершено с применением оружия (ч. 3 ст. 206 УК УССР). Поэтому будет более точным при определении составных преступлений указать, что они состоят из нескольких самостоятельных преступных деяний.

Второй признак составных деликтов — их многообъектность. Известно, что наличие нескольких объектов само по себе еще не придает преступлению составного характера. Здесь можно постулировать: всякое составное преступление — многообъектно, но не всякое многообъектное преступление является составным. Между тем в литературе зачастую отождествляются многообъектные и составные преступления [10, с. 70; 8, с. 56—57]. Очевидно, что такой подход не основывается на их правовой природе. Деяние является составным отнюдь не потому, что посягает на несколько объектов, а в связи с тем, что состоит из нескольких действий, каждое из которых направлено на причинение вреда своему, отдельному объекту. Один из объектов в составном преступлении всегда основной и поэтому превалирует над другим (-ми), наиболее полно характеризует антисоциальную направленность и содержание всего преступления в целом. Другой (-ие) объект (-ты) — дополнительный (-ые). В сочетании с основным он (они) определяет способ, условия совершения деяния, его направленность, т. е. выполняет (-ют) вспомогательную, второ-

степенную функцию. Поэтому хотя дополнительный (-ые) объект (объекты) тоже всегда нарушается в каждом конкретном случае совершения составного преступления, уголовный закон защищает этот объект (объекты) попутно, в связи с основным объектом.

Третий признаком составного преступления следует считать внутреннюю взаимосвязь образующих его деяний. Эта связь в составном деликте проявляется в особых формах их взаимодействия и соотношения. Первая форма имеет место в тех случаях, когда составное преступление образует основное и вспомогательное действия (способ осуществления основного), например, грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, хищение государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением. Вторая форма включает в себя основное и квалифицирующее деяние (-я), когда составное преступление образуется путем присоединения к основному составу квалифицирующего признака (-ов), например, убийство, сопряженное с изнасилованием, хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти, и т. п.

Таким образом, в составном преступлении деяния находятся в определенной субординационной зависимости: одно из них всегда является основным, а другое, в той или иной мере обеспечивающее совершение основного, — дополнительным. Признак внутренней связи показывает, что именно основное деяние играет ведущую роль в определении характера, содержания и направленности составного преступления, тогда как второе, вспомогательное деяние конкретизирует (корректирует) направленность первого. Следовательно, составное преступление не только объединяет в одном составе несколько самостоятельных преступных деяний, как на то часто указывается в литературе [5, с. 117], но и характеризуется особым взаимодействием (взаимосвязью). Поэтому, формулируя составной деликт, законодатель закрепляет в законе это соотношение.

Четвертый признак анализируемых преступлений состоит в том, что входящие в составной деликт деяния могут быть только умышленными. В литературе, однако, продолжает оставаться достаточно распространенной точка зрения о том, что это — посяательства со смешанной (сложной) формой вины, поскольку субъективное отношение к основному и дополнительному деяниям в них различно: к первому — умысел, ко второму — неосторожность [7, с. 8; 3, с. 10]. Такой подход основан на отождествлении составных деликтов с деяниями, квалифицированными по последствиям. Между тем соотношение преступлений в составном деликте позволяет заключить, что в нем не может быть различного психического отношения субъекта к основному и дополнительному деяниям и их объектам. Сказанное означает, что как составное преступление в целом, так и каждое из деяний, входящих в его состав, является лишь умышленным.

На основании изложенного представляется, что составное преступление можно определить как вид единичного сложного многообъектного преступления, образованного несколькими внутренне связанными, соподчиненными умышленными деяниями, каждое из которых предусмотрено в уголовном законе в качестве самостоятельного состава преступления.

Список литературы: 1. *Бажанов М. И.* Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров. Х., 1977. 2. *Галиакбаров Р. Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. 3. *Горбуза А. Д.* Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 4. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М., 1969. 5. *Кузнецова Н. Ф.* Значение преступных последствий. М., 1958. 6. *Ляпунов Ю.* Квалификация сложных (составных) преступлений // Соц. законность. 1982, № 2. 7. *Пинаев А. А.* Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины. Х., 1984. 8. *Рарог А. И.* Вина и квалификация преступлений. М., 1982. 9. *Уголовное право Украинской ССР на современном этапе.* Часть Общая. К., 1985. 10. *Якушин В. А.* Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

Поступила в редколлегию 12.06.89

Ю. В. БАУЛИН, канд. юрид. наук

Харьков

ОСНОВАНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Основ необходимая оборона возможна лишь от общественно опасного посягательства, которое выступает основанием такой обороны. Это же положение было закреплено и в ранее действовавшем законодательстве (ч. 1 ст. 13 Основ 1958 г.). Между тем ученые, считая, что таким основанием может выступать лишь преступное посягательство, отрицают право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства невменяемого или подростка и т. д. Однако подобные суждения не вытекают из закона, который не содержит каких-либо формальных ограничений основания необходимой обороны.

Основание совершения чего-либо — это «явление, выступающее как необходимое и достаточное условие, предпосылка существования какого-либо другого явления (следствия) и служащее объяснением последнего» [7, с. 298]. Применительно к обороне это такие необходимые и достаточные условия, наличие которых оправдывает действия по причинению посягающему вреда. Представляется, что необходимая оборона возможна лишь при наличии двух условий: совершения общественно опасного посягательства (правовое основание) и необходимости немедленного причинения посягающему вреда для предотвращения или пресечения посягательства (фактическое основание). Указание на то, что общественно опасное посягательство является правовым основанием необходимой обороны, прямо определено в ч. 1 ст. 23

Основ. Имеется ли в данном случае необходимость в немедленном причинении посягающему вреда — всегда вопрос факта. В связи с этим второе основание и называется фактическим. Необходимая оборона правомерна лишь при единстве правового и фактического оснований. Их отсутствие, равно, как и наличие лишь одного из них, всегда свидетельствует, что законных оснований для необходимой обороны нет, поскольку не возникает самого состояния такой обороны.

Правовым основанием необходимой обороны выступает общественно опасное посягательство. Очевидно, что речь идет о посягательстве человека, на что указывает и сам закон, предусматривая право обороняющегося причинить вред именно посягающему. «Посягнуть» — означает попытку что-либо сделать [3, с. 493]. Посягательство и состоит именно в попытке лица причинить вред правоохраняемым интересам, поскольку лишь в таком случае обороняющийся имеет объективную возможность предотвратить или пресечь посягательство. Наконец, такое посягательство должно быть общественно опасным, что характеризует его социальную направленность. Им признается всякое посягательство, угрожающее причинением вреда государственным, общественным или личным интересам, независимо от вины посягающего, а также его социальных или нравственных качеств [6, с. 23]. Следовательно, общественно опасным посягательством должно быть признано не только преступление, но и всякое иное правонарушение, а также посягательство невменяемого, лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, действующего в состоянии фактической ошибки, и т. п. Известно, что любой поведенческий акт человека с точки зрения его структурных элементов можно представить в единстве его субъекта, объекта, объективной и субъективной сторон. Системное взаимодействие указанных элементов образует поступок человека и характеризует его социальное содержание. Своеобразие любого из названных элементов определенным образом влияет и на содержание деяния в целом. Так, преступное посягательство отличается, конечно, по своему социальному содержанию от посягательства невменяемого или малолетнего, однако нельзя отрицать, что как в первом, так и во втором случаях названные посягательства опасны для общества — направлены на причинение вреда тем или иным интересам. Это и дает возможность объединять подобные обстоятельства в единое правовое основание необходимой обороны, а также выделять в их структуре общие для них элементы: субъект и объект, а также объективную и субъективную стороны общественно опасного посягательства. Субъектами такого посягательства могут являться лица, достигшие или не достигшие возраста уголовной ответственности, вменяемые или невменяемые, частные и должностные, действующие в одиночку или группой. Объектами посягательства выступают охраняемые законом интересы государства (например, внешняя безопасность и обороноспособность страны, сохранность государственной либо военной тайны, непри-

косновенность государственных границ и др.), общественные интересы (например, спокойствие граждан и сохранность общественного имущества, общественная безопасность и общественный порядок и т. п.), а также права и интересы как обороняющегося, так и другого лица (жизнь, здоровье, личная и половая свобода, честь и достоинство, имущественные и другие права и интересы.). Объективная сторона общественно опасного посягательства представляет собой действие посягателя (с использованием или без использования орудий, механизмов, животных и др.), направленное на причинение вреда вышеуказанным правоохраняемым интересам. Наконец, субъективная сторона характеризуется умышленной или неосторожной виной, а также отсутствием вины.

В ч. 3 ст. 23 Основ правовое основание необходимой обороны описано такими признаками, как «характер» и «опасность» посягательства. Представляется, что характер посягательства зависит от того конкретного интереса (блага), на причинение вреда которому оно направлено. С этой точки зрения различными по «характеру» являются посягательства на внешнюю безопасность страны и здоровье потерпевшего, на общественную безопасность и личную свободу человека и т. д. Следовательно, конкретный объект (интерес) определяет и характер посягательства на него. Вместе с тем даже одинаковые по своему характеру посягательства могут различаться друг от друга своей опасностью. Если в одном случае посягающий пытается нанести побои, а в другом — тяжкий вред здоровью потерпевшего, то хотя по своему характеру такие посягательства и являются одинаковыми, однако второе, конечно, более опасно. Опасность посягательства определяется степенью (величиной) того потенциального вреда, который посягающий реально и непосредственно мог причинить конкретному интересу (благу). Такая опасность зависит как от намерений посягавшего, так и от объективных признаков его действия, взятых в своей совокупности (стремительность и энергичность посягательства, степень усилий, приложенных посягающим, избранный им способ достижения преступной цели, использование при этом оружия или других предметов и т. д.). Очевидно, что полная характеристика правового основания необходимой обороны определяется единством характера и опасности посягательства, что имеет важное значение для вывода о пределах необходимой обороны.

Фактическое основание необходимой обороны — это наличие у обороняющегося в момент общественно опасного посягательства необходимости немедленного причинения посягающему вреда с целью предотвращения или пресечения посягательства. Данное основание вытекает прежде всего из самого названия обороны как необходимой, т. е. такой, при которой причинение вреда правомерно, лишь когда в этом есть необходимость. Более того, об этом говорит и закон. В ч. 3 ст. 23 Основ указано, что превыше-

нием пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, в результате чего посягающему причиняется вред, *не вызываемый необходимостью* предотвращения или пресечения посягательства. И хотя такая необходимость связывается здесь с пределами необходимой обороны и их превышением, она относится в первую очередь к самому основанию необходимой обороны. Пределы такой обороны непосредственно связаны и определяются именно ее основаниями. Строго говоря, необходимость предотвращения или пресечения посягательства путем причинения посягающему вреда следовало бы сформулировать прежде всего в ч. 1 ст. 23 Основ.

В литературе необходимость немедленного причинения посягающему вреда хотя прямо и не называется как одно из оснований необходимой обороны, но по существу признается таковым. При решении вопроса о начальном моменте общественно опасного посягательства, пишет Т. Г. Шавгулидзе, следует исходить из реальной опасности, которую создало посягательство, и необходимости немедленного принятия мер для его отражения [8, с. 77]. Эту же мысль высказывал и В. Н. Козак: «Только наличие реальной опасности и в связи с этим необходимость немедленного принятия мер в целях защиты охраняемых законом прав и интересов может быть критерием установления наличного момента посягательства» [1, с. 67]. И хотя нельзя согласиться с тем, что необходимость немедленного принятия мер по отражению общественно опасного посягательства является критерием его начального момента (данный момент существует объективно, независимо от наличия такой необходимости), однако правильно, что состояние необходимой обороны связывается не только с совершением посягательства, но и с необходимостью его немедленного отражения. О выделении фактического основания необходимой обороны свидетельствует и стремление ограничить ее основание либо нападением, либо такими посягательствами, которые грозят причинением непосредственного, неминуемого и неотвратимого вреда. Так, Н. И. Коржанский отмечает, что «состояние необходимой обороны порождается только такими преступными посягательствами, которые характеризуются нападением и угрожают причинением существенного, тяжкого вреда охраняемому законом благу. Во всех иных случаях нет необходимости в обороне путем немедленного причинения вреда жизни или здоровью лица, совершившего общественно опасное посягательство» [2, с. 31; 6, с. 12]. По мнению В. И. Ткаченко, выводы которого имеют в своей основе богатую судебную практику, необходимая оборона «допускается только против таких посягательств, которые, если их не пресечь, способны немедленно причинить вред жизни, здоровью, собственности, общественной безопасности, общественному порядку (покушение на кражу, разбой, хулиганство, бандитизм и др.). Посягательства, которые такой способностью не обладают (обман покупателей, спекуляция) и могут быть надеж-

но остановлены другим путем, не служат основанием необходимой обороны» [5, с. 53].

Изложенное позволяет считать, что ныне действующему законодательству, а также науке уголовного права и судебной практике известно не только правовое, но и фактическое основание необходимой обороны, а именно: необходимость немедленного причинения посягающему вреда для предотвращения или пресечения посягательства. Эта формулировка охватывает самые различные ситуации, связанные с оценкой характера и опасности посягательства, а также обстановки защиты, когда причинение посягающему вреда является оправданным и правомерным. Понимаемое указанным образом фактическое основание не только тесно связано с возникновением самого состояния необходимой обороны, но и отвечает ряду ее признаков и условий. Так, указание на необходимость *немедленного* причинения посягающему вреда соответствует требованию своевременности необходимой обороны, которая, как известно, допустима только в период осуществления общественно опасного посягательства. Фактическое основание, далее, непосредственно соотносится и с ближайшей целью необходимой обороны — предотвращением или пресечением посягательства, поскольку необходимость причинения посягающему вреда должна определяться именно этой целью. Наконец, такая необходимость характеризует обстановку защиты, а тем самым непосредственно влияет и на определение пределов необходимой обороны.

В заключение следует особо подчеркнуть, что вывод о правовом и фактическом основаниях необходимой обороны отнюдь не исключает самостоятельности права на такую оборону, о чем говорится и в ч. 2 ст. 23 Основ. Использовать или не использовать данное право — дело гражданина, независимо от того, имел ли он возможность избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Однако обязательным условием возникновения рассматриваемого права является совершение общественно опасного посягательства, при котором у гражданина, решившего стать на защиту правоохраняемых интересов, возникает необходимость в немедленном причинении посягающему вреда с целью предотвращения или пресечения этого посягательства.

Список литературы: 1. Козак В. Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. 2. Коржанский Н. И. Рецензия на кн.: Козак В. Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972// Сов. юстиция. 1973. № 7. 3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. 4. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. 5. Ткаченко В. И. Законодательство о необходимой обороне и практика его применения// Актуальные проблемы уголовного права в условиях совершенствования социалистического общества. М., 1981. 6. Ткаченко В. И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1977. 7. Философский словарь/Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980. 8. Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966.

Поступила в редколлегию 12.06.89

СОУЧАСТИЕ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В Особенной части УК УССР (в дальнейшем — УК) указание на ту или иную форму соучастия как конститутивный признак состава преступления встречается в 27 нормах. Причем в одних случаях законодатель дает идентичную формулировку соучастия применительно ко многим посягательствам: совершение группой лиц (ч. 3 ст. 117; ч. 2 ст. 118; п. «б» ст. 232; п. «б» ст. 234 УК) или по предварительному сговору группой лиц (ч. 2 ст. 81—84; ч. 2 ст. 86; ч. 2 ст. 140—143; ч. 2 ст. 155; ч. 2 ст. 155¹; ч. 2 ст. 168; ч. 2 ст. 215³; ч. 2 ст. 223; ч. 2 ст. 229¹; ч. 2 ст. 229² УК). Это с очевидностью свидетельствует о том, что по смыслу закона в соответствующих составах предполагается одинаковая его форма. В других же случаях одна и та же форма соучастия имеет различное терминологическое выражение. Так, преступное сообщество определяется как заговор с целью захвата власти (ч. 1 ст. 56 УК), организационная деятельность (ст. 64 УК), организация вооруженных банд (ст. 69 УК) или преступных группировок (ст. 69¹ УК), группа лиц, организовавших (ст. 70 УК). Более того, в двух нормах употребляется аналогичная терминология, хотя соучастие в них не предполагает преступного сообщества: организация групповых действий (ст. 187³ УК) и организация или руководство группой (ч. 1 ст. 209¹ УК).

Из сказанного следует, что конструирование форм соучастия в Особенной части УК нуждается в дальнейшем совершенствовании. С одной стороны, оно должно касаться уточнения социального значения конкретной формы в данном составе. Уже сейчас, например, можно констатировать, что законодательное определение «по предварительному сговору группой лиц» чрезмерно широко, поскольку охватывает различные по степени своей общественной опасности формы. С другой стороны, несомненной является необходимость унификации терминологии в УК, четко определяющей форму соучастия. Существующий в настоящее время разнобой в решении данного вопроса порождает разночтения в толковании и применении закона. В этой связи становится очевидной невозможность решения упомянутых проблем без учета достижений уголовно-правовой мысли в области учения о соучастии. Попытки отрегулировать частные вопросы без учета общих положений бесперспективны и в данном случае.

В соответствии с наиболее распространенной и, как представляется, правильной концепцией, соучастие делится на формы по двум классификационным критериям (объективному и субъективному), в рамках которых образуются совершенно самостоятельные группы форм соучастия. При этом сторонники анализируемого взгляда исходят из того, что совершение преступления в соучас-

тии увеличивает его тяжесть, поскольку, как правило, объекту здесь причиняется больший ущерб, исполнение посягательства облегчается и оно легче вуалируется, т. е. виновные получают возможность либо совершить наиболее опасное и сложное преступление, либо заниматься преступной деятельностью длительное время. Степень выраженности указанных признаков является основанием, которое позволяет говорить о повышенной опасности и необходимости включения именно данной формы соучастия в конструкцию конкретного закона.

Итак, упомянутая концепция исходит из того, что по *объективному* основанию — в зависимости от характера действий участников посягательства — соучастие делится на соисполнительство (простое соучастие, совиновничество) и соучастие с разделением ролей (сложное соучастие, соучастие в тесном смысле слова) [2, с. 464].

В общем плане ни одна из названных форм не может быть признана более опасной — это устанавливается только на уровне отдельного состава преступления. Иллюстрацией сказанному служат хищения. Едва ли, например, можно с уверенностью утверждать, что хищение, при котором кладовщик изымает вверенные ему ценности, а бухгалтер по сговору с ним подделывает документы с целью сокрытия преступления (исполнитель и пособник — соучастие с разделением ролей), является менее опасным, чем в случаях, когда они же совместно изымают ценности из склада (соисполнительство), но шагов к сокрытию содеянного не предпринимают. Напротив, с известной степенью уверенности можно сказать, что при хищениях путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением и мошенничества соучастие с разделением ролей зачастую представляет повышенную опасность. В этих случаях, как показывает практика, в большей степени страдает объект, облегчаются совершение и сокрытие преступления. В свою очередь и по тем же основаниям хищения путем кражи, грабежа и разбоя опаснее при соучастии в форме соисполнительства. Очевидно, что повышенно опасными по указанным соображениям будут преступления, предусмотренные ст. 117—118, 232—234 УК, когда формой соучастия было соисполнительство, и т. д.

По *субъективному* основанию — степени сплоченности участников деяния — совместная преступная деятельность делится на соучастие без предварительного соглашения (сговора) и соучастие по предварительному соглашению. В свою очередь, вторая из рассматриваемых форм может выражаться в элементарном соучастии, организованной группе и преступном сообществе [2, с. 464].

Указанные формы существенно отличаются по своему социальному значению. Существует точка зрения, согласно которой соучастие без предварительного соглашения по степени общественной опасности близко к совершению преступления одним лицом,

поскольку названные выше признаки, влияющие на его социальную оценку, здесь практически не проявляются. Неодинаково они отражены и в различных формах соучастия по предварительному соглашению. Такие признаки, как правило, не находят должного проявления при соучастии с предварительным соглашением в элементарной форме — отсутствие тесной связи между виновными и их предварительной сорганизованности существенно не облегчает исполнение преступления и его сокрытие. Редко оно связано и с причинением большого ущерба объекту, чем при совершении преступления одним лицом. Поэтому, как правильно отмечают ученые-криминалисты, такое соучастие с предварительным соглашением «существенно не повышает общественной опасности содеянного» [6, с. 235].

Иначе решается вопрос при организованной группе, т. е. группе, состоящей из «двух или более лиц, предварительно сорганизовавшихся для совершения одного или нескольких преступлений» [6, с. 235]. Установление между ними прочных связей дает возможность распределить роли, предпринять совместные подготовительные действия, условиться о всех деталях посягательства и т. д., что существенно облегчает его исполнение, сокрытие и влечет за собой причинение большого ущерба объекту. Поэтому виновные, совершившие преступление в составе организованной группы, как и все деяние, конечно же, представляют значительно большую социальную опасность, чем при совершении посягательства одним лицом, несколькими лицами без предварительного сговора или при элементарном соучастии по предварительному соглашению. Вот почему следует признать правильным вывод, согласно которому совершение преступления организованной группой «существенно повышает опасность содеянного в целом» [6, с. 235], так как с «созданием организованной группы качественно изменяются содержание преступного события и степень его общественной опасности» [8, с. 66].

По существу, данную позицию занимает и законодатель. Среди обстоятельств, увеличивающих общественную опасность преступлений и, соответственно, отягчающих ответственность, он назвал не вообще совершение преступления в соучастии и даже не по предварительному сговору, а лишь «совершение преступления организованной группой» (п. 2 ч. 1 ст. 41 УК).

Аналогичный подход к решению рассматриваемого вопроса получил распространение в судебной практике. Так, по изученным делам о хищениях, при элементарном соучастии по предварительному соглашению (как при соисполнительстве, так и соучастии в узком смысле слова) наказание выше предела, установленного за неквалифицированные его составы, фактически не назначалось. Почти к $\frac{3}{4}$ от общего числа осужденных применялось наказание в виде условного осуждения, исправительных работ без лишения свободы и лишения свободы на срок до двух лет. Остальные осужденные были приговорены к лишению свободы на три-четыре года. В то же время за хищения, совершенные организованной

группой, наказание в подавляющем большинстве случаев назначалось выше предела, установленного за неквалифицированный состав.

Думается, что нет оснований специально говорить о чрезвычайно высокой опасности соучастия особого рода — преступном сообществе, поскольку его социальная оценка очевидна.

Изложенные положения общеизвестны. Тем не менее и в настоящее время некоторые криминалисты пытаются решить вопрос о формах соучастия конкретных групп преступлений без учета положений общего учения о соучастии, что в конечном счете приводит к схоластическим спорам. Наиболее характерной в данном отношении является не прекращающаяся дискуссия о понятии хищения, совершенного по предварительному сговору группой лиц. Одни криминалисты полагают, что единственной особенностью такого посягательства является предварительный сговор соучастников (В. В. Ераксин, В. И. Литовченко, П. Ф. Тельнов и др.). Другие ученые считают квалифицированным по данному признаку хищение, которое совершено в форме соисполнительства (Л. А. Андреева, А. Ф. Ананьев, Г. И. Бушуев, В. А. Владимиров, Р. Р. Галиакбаров, П. И. Гришаев, П. С. Матышевский, И. И. Погребняк, И. С. Тишкевич, В. С. Устинов, И. Х. Хакимов и др.). При этом аргументация той или иной позиции обычно лежит в плоскости толкования используемой законодателем терминологии. Так, Ю. И. Ляпунов пишет: «Совершение хищения по предварительному сговору группой лиц может составить лишь соисполнительство... Этот вывод основывается на буквальном толковании закона...» [3, с. 152; 1, с. 171—180].

Однако указанный метод уяснения смысла уголовно-правовой нормы не всегда приводит к желаемому результату — субъект доктринального толкования нередко отступает от общепринятого понимания использованных в конструкции нормы терминов, чем существенно изменяет их значение. Такое положение влечет за собой различный подход к определению содержания закона.

Сказанное наглядно прослеживается на примере анализируемого квалифицирующего обстоятельства. Сторонники его ограничения соисполнительством утверждают, что в УК речь идет о хищении, совершенном не только по *предварительному сговору*, но и *группой лиц*. Следовательно, квалификационным оно будет, когда несколько лиц *непосредственно исполнили* преступление.

Приведенное утверждение весьма произвольно, поскольку оно не соответствует общепринятому значению группы — «совокупности людей, объединенных общностью интересов, профессий, деятельности и т. п.» [4, с. 120]. Из данной формулировки нельзя сделать однозначного вывода о непременности соисполнительских функций у всех членов группы. Более того, здесь совершенно логичным будет заключение о возможности выполнения в группе ее членами различных функций и ролей.

Далее, сторонники критикуемого взгляда утверждают: Пленум Верховного Суда СССР, говоря, что «под хищением, совершенным

по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором *участвовали* двое или более лиц» [5, с. 157], подразумевает соисполнительство как непременное условие подобного посягательства. Однако и этот вывод является малоубедительным. Термин «участвовали» заимствован Пленумом у законодательного определения — понятия соучастия (ч. 1 ст. 19 УК, ч. 1 ст. 17 Основ), которым, как известно, охватываются и соисполнительство, и соучастие с разделением ролей, и все другие его формы. Нет оснований поэтому ссылаться в данном аспекте и на «совместность», так как и этот термин используется законодателем в той же норме и применительно ко всем формам соучастия.

Таким образом, можно прийти к однозначному выводу о том, что ни законодательная конструкция хищения, совершенного по предварительному сговору группой лиц, ни его материальное содержание — степень общественной опасности в зависимости от формы соучастия по объективному основанию — не дают повода для утверждения, что в этих случаях предполагается только соисполнительство. Не убеждают здесь и ссылки на судебную практику [3, с. 152]. Ее обобщение говорит о другом: факты квалификации действий виновных по ч. 1 ст. 81—84 УК в связи с тем, что соучастие не выразилось в соисполнительстве, исключительно редки.

Вопрос же о применении ст. 19 УК при оценке действий участников преступления, на наш взгляд, не вызывает особых затруднений. В последней части статьи предписывается при назначении наказания учитывать степень и характер участия каждого из участников в содеянном. Следовательно, данное обстоятельство должно отражаться не только в описательной части приговора, но и в самой квалификации. А делается это посредством ссылки на соответствующую часть ст. 19 УК. Вот почему такая ссылка не просто целесообразна, а обязательна во всех случаях, в том числе и тогда, когда в конкретной норме говорится о совершении преступления «по предварительному сговору группой лиц».

Следует отметить, что спор о формах соучастия при хищении возник не случайно. Дело в том, что опасность этих, как, впрочем, и других преступлений, о чем говорилось выше, существенно изменяется в зависимости от соучастия по субъективному основанию. Законодательное определение анализируемого хищения не вызывает сомнений в том, что его квалифицированный состав отсутствует, когда деяние совершается несколькими лицами без предварительного соглашения. В свою очередь, предварительный, т. е. достигнутый в процессе приготовления к хищению, сговор всегда образует квалифицированный состав посягательства — и при элементарной форме, и при организованной группе. И это, вопреки мнению В. А. Владимирова, ни в коей мере не означает, что «институт соучастия вовсе утрачивает свои функции и значение применительно к преступлениям против социалистической (и личной) собственности...» [1, с. 157]. Однако если элементарная форма

соучастия по изложенным ранее основаниям практически не увеличивает общественную опасность содеянного, то при организованной группе такая опасность чрезвычайно возрастает. Вот почему в законе целесообразно установить ответственность как за квалифицированное хищение лишь при совершении его организованной группой (независимо от формы соучастия по объективным основаниям), как это было до принятия уголовных кодексов 1959—1961 гг. — Указе от 4 июня 1947 г., и как это установлено в УК некоторых восточноевропейских стран. «Это позволило бы устранить завышение уровня групповой преступности, повернуть усиленную репрессию против относительно редких, но весьма опасных случаев организованной преступности» [7, с. 66]. Совершение же хищения по предварительному соглашению в элементарной форме следует рассматривать как простой (неквалифицированный) состав данного посягательства.

Представляется, что для установления единства в толковании и применении закона, определения его соответствия современному этапу развития общества, целесообразно под указанным углом зрения рассмотреть все составы преступлений, в которых соучастие является их конструктивной особенностью.

Список литературы: 1. *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. 2. *Курс советского уголовного права.* М., 1970. Т. II. 3. *Ляпунов Ю. И.* Спорные вопросы квалификации хищений социалистического имущества // Актуальные проблемы юридической науки на этапе развитого социализма: Краткие тезисы докладов и научных сообщений республиканской научной конференции, 16—18 октября 1985 г. Х., 1985. 4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987. 5. *О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества:* Постановление от 11 июля 1972 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 2 М., 1978. 6. *Советское уголовное право.* Общая часть. М., 1969. 7. *Тельнов П.* Дифференциация ответственности за групповые преступления // Союз законность. 1978. № 6. 8. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1977.

Поступила в редколлегию 15.07.89

В. В. УСТИМЕНКО, канд. юрид. наук
Харьков

ВЛИЯНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛИЧНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЯ, НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОУЧАСТНИКОВ

В УК УССР предусмотрена ответственность за преступления, признаком субъекта которых являются личностные свойства: возраст, вменяемость, пол (ст. 117—118, 122); особо опасный рецидив (ч. 2 ст. 69¹, ч. 4 ст. 81, ч. 2 ст. 86); прежняя судимость (ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 155, ч. 3 ст. 168); сильное душевное волнение (ст. 95); особое психофизиологическое состояние женщины

во время родов или тотчас после родов (ст. 96 УК). Входя в состав конкретного преступления, они в определенной мере определяют характер и степень общественной опасности деяния в целом. С учетом степени детерминации их можно подразделять на три группы. Это следующие личные свойства: 1) самостоятельно, в отрыве от других элементов состава преступления не влияющие на характер и степень общественной опасности преступления (возраст, вменяемость, пол); 2) понижающие общественную опасность деяния в целом (сильное душевное волнение, особое психофизиологическое состояние женщины при детоубийстве); 3) повышающие общественную опасность преступления (особо опасный рецидив, наличие прежней судимости).

При квалификации указанных преступлений неизбежно возникает вопрос о степени влияния личностных свойств, имеющих на стороне самого исполнителя — субъекта этих посягательств, на ответственность других соучастников.

Рассматривая первую группу, следует отметить, что возраст, вменяемость, пол, выступая в качестве личностного свойства субъекта преступления, не оказывают самостоятельного влияния на характер и степень общественной опасности преступления в целом. И лишь в совокупности с другими признаками состава они определяют степень общественной опасности преступного деяния. Так, вменяемость как психологическое свойство лица, совершившего преступление, являясь необходимым юридическим признаком субъекта, предопределяет его способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Само собой разумеется, что вменяемость не несет в себе «заряда» общественной опасности, ибо не составляет какого-либо особого свойства лица, совершившего преступление: она присуща не только ему, но и любому другому человеку. Поэтому вменяемость в отрыве от иных элементов состава не может предопределять общественную опасность преступного деяния в целом.

Аналогично должен быть решен вопрос и относительно таких признаков исполнителя, как возраст и пол. Поскольку в этих случаях на стороне исполнителя нет личностных свойств, которые бы отягчали или, напротив, смягчали ответственность, действия соучастников квалифицируются по той же статье УК, по которой и отвечает исполнитель, конечно, с учетом выполняемой ими роли (соисполнитель, организатор, подстрекатель, пособник). Такая квалификация общепринята в судебной практике. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» указано, что по ч. 3 ст. 117 УК (групповое изнасилование) должны квалифицироваться как соисполнительство действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта, но путем применения насилия к потерпевшей содействовавших другим в ее изнасиловании [6, с. 619]. Поэтому, если женщина применяет такое

насилие, она выступает соисполнителем данного преступления, равно, как и мужчина, совершивший непосредственно половой акт.

По вопросу вменения в вину другим соучастникам обстоятельств второй и третьей групп, относящихся к личности исполнителя, но смягчающих или отягчающих его ответственность, единство мнений отсутствует. Так, некоторые ученые, имея в виду обстоятельства, смягчающие ответственность исполнителя, полагают, что применительно к соучастникам эти обстоятельства не могут учитываться — они отвечают на общих основаниях [1, с. 47; 7, с. 60]. Другие же авторы занимают прямо противоположную позицию. М. И. Блум, говоря о детоубийстве, предлагала действия пособников и подстрекателей квалифицировать по той же статье, по которой отвечал исполнитель — мать-детоубийца [4, с. 252].

Касаясь обстоятельств, отягчающих ответственность исполнителя ввиду его особых личностных свойств, А. Н. Трайнин писал, что если соучастник осознавал отягчающий элемент состава, он отвечает, если не осознавал — не отвечает [9, с. 286]. Разделяя изложенный взгляд, М. И. Ковалев отмечает, что обстоятельства, относящиеся к характеристике субъекта, поскольку они являются конститутивными признаками состава, должны вменяться в вину всем соучастникам [3, с. 161—162].

Подобную мысль проводил М. А. Шнейдер, который считал, что соучастникам вменяется в вину повторность преступления, совершенного исполнителем, если это личное свойство образует отягчающее обстоятельство и имеет значение квалифицирующего признака [10, с. 75—76]. В принципе аналогично решает вопрос И. И. Горелик, считающий, что действия соучастника должны квалифицироваться по закону, который применяется к исполнителю преступления, на стороне которого имеются квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к его личности [2, с. 28].

Вместе с тем немало противников данной точки зрения исключают вменение соучастникам обстоятельств, относящихся исключительно к личности исполнителя [5, с. 139—143; 8, с. 143].

Не существует единства и в судебной практике. В одних случаях соучастнику вменяются в вину квалифицирующие признаки личностного характера, имеющиеся на стороне исполнителя [2, с. 26—28; 11, с. 32], в других — напротив, такое вменение признается неправомерным [12, 1968, № 6, с. 14].

Прежде чем изложить свою точку зрения по указанному вопросу, представляется уместным дать краткий анализ значения личностных свойств в системе элементов состава преступления, их влияния на характер и степень общественной опасности деяния в целом. В УК, как уже отмечалось, личностное свойство предусмотрено в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность лишь в отношении строго определенных в законе лиц. Речь идет о детоубийстве (ст. 96) и убийстве, совершенном в состоя-

нии сильного душевного волнения (ст. 95). За эти преступления установлено наказание (очевидно, выступающее внешним объективным критерием общественной опасности деяния в целом) более мягкое по сравнению с простым умышленным убийством (ст. 94). Такое более мягкое наказание, при тождественности объективных признаков состава преступления, установлено в законе лишь с учетом характеристики субъекта в момент совершения преступления, его особого психического состояния — сильного душевного волнения или психофизиологического состояния женщины во время родов или тотчас после родов.

Напротив, в ряде случаев личностные свойства виновного, выступая в качестве признака субъекта, значительно повышают степень общественной опасности преступления в целом. Это совершение преступления особо опасным рецидивистом (например, ч. 2 ст. 86, ч. 3 ст. 101, ч. 4 ст. 117, ч. 3 ст. 142 УК) или лицом, ранее судимым (например, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 80, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 168 УК). Признаком субъекта здесь выступают отрицательные социально-психологические свойства личности преступника. Указанные свойства личности, свидетельствуя о ее повышенной общественной опасности и характеризуя признаки субъекта преступления, выступают в качестве доминирующего признака состава по сравнению с другими (в частности, объектом, деянием и пр.). Их наличие в составе существенно повышает общественную опасность преступления в целом. Так, за грабеж, совершенный особо опасным рецидивистом (ч. 4 ст. 141 УК), санкция увеличена более чем в три раза по сравнению с санкцией за простой грабеж (ч. 1 ст. 141 УК). За хищение путем кражи, совершенное таким субъектом, санкция в пять раз больше санкции, установленной за простое хищение (ч. 4 и ч. 1 ст. 81 УК). Такое увеличение санкции при тождестве объективных признаков состава обусловлено тем, что субъектом здесь выступает особо опасный рецидивист. По аналогичным соображениям увеличено наказание и в отношении лица, имеющего судимость (например, ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 155 УК).

Таким образом, по существу выделены специальные составы преступлений с учетом особых личностных свойств субъекта, которые либо смягчают либо отягчают его ответственность. Вместе с тем объективные признаки деяния всех составов преступлений являются тождественными. Например, в п. «З» ст. 93 УК предусмотрено умышленное убийство, совершенное особо опасным рецидивистом, в ст. 95 УК — умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения, в ст. 96 УК — умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка. Все эти преступления, описанные в специальных нормах, по сравнению с простым убийством (ст. 94 УК), которое предусмотрено в норме общей, различаются только по субъекту преступления, наличием на его стороне особых личностных свойств. Последние имеют значение лишь для самого субъекта, для его ответственности.

Все сказанное и должно определять ответственность соучастников преступления. Если личностные свойства исполнителя строго индивидуализированы в законе, характеризуют исключительно личность исполнителя, соучастник, даже если он и знает о наличии их на стороне исполнителя, не может нести за них ответственность. Квалификация его действий должна иметь место без учета смягчающих или отягчающих обстоятельств, имеющих на стороне исполнителя. Такое решение вопроса имеет как будто свое основание в ч. 2 ст. 51 проекта Основ, где указано, что отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника, учитываются только при назначении наказания этому соучастнику. Однако, каким образом решить вопрос о квалификации действий соучастников в таких случаях? Однозначного ответа, основываясь на положениях ч. 2 ст. 51 Основ, дать нельзя, ибо в ней говорится лишь о назначении наказания соучастникам. Ее содержание можно истолковать так, что действия соучастника могут быть квалифицированы по тому же закону, который применяется к исполнителю, а лишь при назначении наказания учитываются отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника. Данную норму можно трактовать и иначе: признать, что она охватывает не только вопросы назначения наказания соучастникам, но и учет личностных свойств при квалификации преступления.

Во избежание столь противоречивых суждений этот вопрос должен быть четко решен в законе. Примечательно, что из 400 опрошенных прокуроров и судей 312 признали принципиальную необходимость законодательной регламентации подобных ситуаций, что, по их мнению, будет способствовать упорядочению практики.

В данной связи считаем целесообразным дополнить соответствующую статью о соучастии будущего УК УССР таким положением: «Отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности отдельного соучастника, влияющие на квалификацию преступления, вменяются в вину лишь этому соучастнику». В заключение отметим, что возможна и другая редакция, но нет сомнений в том, что такая норма в законе необходима.

Список литературы: 1. Глухарева Л. И. Уголовная ответственность за детоубийство: Уч. пособие. М., 1985. 2. Горелик И. И., Тишкевич И. С. Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР. Минск, 1982. 3. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1962, Ч. 2. 4. Комментарий к УК Латвийской ССР. Рига, 1967. 5. Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. 6. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1986. М., 1987. 7. Сташич В. В., Бажанов М. И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике. Х., 1987. 8. Тельноз П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 9. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 10. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. 11. Ярославський В. Посилювати боротьбу з хабарництвом (Судова практика)// Рад. право, 1983. № 8. 12. Бюл. Верховного Суда РСФСР.

Поступила в редколлегию 17.07.89

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБЩЕЙ ЧАСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В судебной практике нередко возникают определенные затруднения при квалификации незаконного лишения свободы (ст. 123 УК УССР), совершенного в соучастии, при отграничении соисполнительства от пособничества в этом преступлении, возможности соучастия в незаконном лишении свободы после его юридического окончания, но до фактического прекращения такой преступной деятельности.

Эти затруднения обусловлены, по крайней мере, двумя обстоятельствами: различным подходом судов к квалификации деяний лиц, участвующих в незаконном лишении свободы, и почти полным отсутствием теоретических исследований по данной проблеме.

Правильная оценка незаконного лишения свободы, совершенного в соучастии, зависит прежде всего от точного установления характера и содержания действий, образующих объективную сторону рассматриваемого преступления. Игнорирование указанных обстоятельств влечет необоснованное признание в качестве исполнителей лиц, не принимавших непосредственного участия в незаконном лишении свободы. Так, Н., Г. и Ж. были признаны соисполнителями незаконного лишения свободы потерпевшего А. Однако суд не указал в приговоре, в чем конкретно выразилось участие этих лиц. Как видно из материалов дела, Н., Г. и Ж. непосредственного участия в похищении потерпевшего А. не принимали. Их преступные действия, совершенные по предварительному сговору с другими лицами, осужденными по этому делу, и направленные на завладение личным имуществом отца потерпевшего (передача писем, ведение телефонных переговоров и т. п.), не могут быть признаны соисполнительством.

Аналогичные действия Б. и О. по другому делу были квалифицированы как пособничество незаконному лишению свободы потерпевшего Х. Однако пособничество здесь отсутствует, так как совершенное не создавало необходимых условий для незаконного лишения свободы.

Пособничеством в данном преступлении следует считать лишь действия, непосредственно создающие необходимые условия для лишения свободы потерпевшего, если они заранее были обещаны исполнителям преступления. Так, пособничеством являлись преступные действия П., которая, заведомо зная о намерении П. и К. незаконно лишить свободы потерпевшего Х., заранее обещала им скрыть Х. в доме своих родственников после того, как потерпевший будет ими туда доставлен.

Незаконное лишение свободы является длящимся преступлением, специфическим признаком которого следует считать непрерывность преступного посягательства на стадии оконченного состава. Общеизвестно, что данное преступление считается оконченым с момента совершения действий, лишавших потерпевшего свободы. Однако юридический момент окончания незаконного лишения свободы не совпадает с фактическим моментом его окончания, который наступает лишь в связи с прекращением преступной деятельности, т. е. с фактическим освобождением потерпевшего. В этой связи возникает вопрос о возможности соучастия в незаконном лишении свободы после юридического его окончания, но до фактического прекращения преступной деятельности. В литературе высказаны две точки зрения. Одни ученые признают принципиальную возможность соучастия в форме пособничества в любом длящемся преступлении после его юридического окончания, но до полного завершения преступной деятельности. Другие, напротив, исключают такую возможность и относят подобные случаи к заранее не обещанному укрывательству. Однако применительно к незаконному лишению свободы данный вопрос не ставился. Судебная практика остается противоречивой. Так, например, по одному из дел за соучастие в незаконном лишении свободы осуждены З. и Г., которые предоставили в разное время свое жилье для удержания в нем потерпевшего А. Как видно из материалов дела, указанные лица в сговоре с исполнителями Н., К. и М. на незаконное лишение свободы не состояли, непосредственного участия в незаконном лишении свободы не принимали, согласие на помещение потерпевшего в своих домах дали после того, как потерпевший был лишен свободы (закрыт в течение нескольких часов в багажнике автомашины). По целому же ряду уголовных дел лица, совершившие аналогичные действия, к уголовной ответственности вообще не привлекались.

Следует признать невозможным соучастие в форме пособничества в любом длящемся преступлении после его юридического окончания, но до полного завершения. Поэтому невозможно и соучастие в незаконном лишении свободы после его юридического окончания, но до фактического освобождения потерпевшего. Такие действия также не могут рассматриваться и как заранее не обещанное укрывательство, поскольку осуществляются не для скрывания незаконного лишения свободы, совершенного ранее другими лицами, а сами по себе образуют незаконное лишение свободы того же потерпевшего. В данной ситуации имеет место самостоятельное совершение состава незаконного лишения свободы, за что виновные должны нести ответственность по ст. 123 УК УССР как исполнители. Именно такими исполнителями являются З. и Г. по приведенному выше делу.

Правильное установление начального момента незаконного лишения свободы имеет значение для ответственности за неоконченную преступную деятельность.

В силу ч. 1 ст. 15 Основ уголовная ответственность наступает за приготовление, лишь когда создаются условия для совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Незаконное лишение свободы по действующему УК тяжким преступлением не является. Поэтому и ответственность за приготовление к нему исключается.

Покушением на преступление в соответствии с ч. 2 ст. 15 Основ признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли лица. Незаконное лишение свободы для своего окончания предполагает такие действия, при которых потерпевший фактически лишается выбора места пребывания. Если же оеуществляются действия, направленные на лишение свободы, но не доведенные до конца, имеет место покушение на это преступление. Такое преступление было установлено по делу Т., Б. и В. С целью незаконного лишения свободы в специально подготовленном помещении и получения выкупа они совершили нападение на потерпевшего К. и пытались связать его, надеть на голову мешок. Однако в связи с его активным сопротивлением и появлением посторонних не смогли довести свой преступный замысел до конца.

Поступила в редколлегию 22.07.89

А. В. ГРУЗД, канд. юрид. наук
Днепропетровск

ОСОБО ОПАСНЫЙ РЕЦИДИВИСТ И ОСОБО ОПАСНЫЙ РЕЦИДИВ

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик впервые закреплен институт множественности преступлений: повторность, совокупность и рецидив. Тем самым, исходя из принципов уголовного законодательства (ст. 3 Основ), проводится дифференциация ответственности за единое (единичное) преступление и различные виды множественности. В ст. 22 Основ предусмотрено понятие рецидива преступлений. В первой ее части указано, что рецидив преступлений состоит в совершении нового умышленного преступления лицом, ранее осуждавшимся за умышленное преступление, если судимость за это преступление не погашена или не снята в установленном законом порядке. Таким образом, рецидив преступлений возникает как бы «автоматически», так как решения суда для его констатации не требуется. Для этого достаточно самого факта повторного совершения умышленного преступления после осуждения лица в прошлом за умышленное же преступление, если судимость за него не аннулирована.

В ч. 2 — 6 ст. 22 Основ говорится об особо опасном рецидивисте, об основаниях и порядке признания лица таковым и, в общем плане — об ответственности особо опасного рецидивиста.

Обращает на себя внимание, что законодатель, установив норму о классификации преступлений (ст. 9 Основ), отказался от громоздкого перечня преступлений, при осуждении за которые лицо могло бы быть признано особо опасным рецидивистом. Так, в соответствии с ч. 2 (п. «а» и «б») ст. 22 Основ особо опасным рецидивистом по приговору суда может быть признано лицо, осуждаемое к лишению свободы на срок не менее пяти лет: а) за особо тяжкое преступление, если оно ранее было осуждено за особо тяжкое преступление или дважды за тяжкое преступление и за каждое из них было назначено лишение свободы на срок не менее пяти лет; б) за тяжкое преступление, если оно ранее было осуждено за тяжкие преступления или особо тяжкое и тяжкое преступления в любой последовательности и за каждое из них было назначено наказание в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет. Остальные положения об особо опасном рецидивисте, по сравнению с ранее действовавшим законодательством, в Основах по существу не изменились.

Не вдаваясь в подробный анализ ч. 3 и 4 ст. 22 Основ, можно считать, что для признания лица особо опасным рецидивистом необходимо наличие правовых оснований. Данные основания целесообразно условно подразделить на формализованные и формализованно-оценочные. Это деление, конечно, условно, так как решение вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом предполагает учет таких оснований в их совокупности и взаимосвязи. Формализованными основаниями являются: а) наличие у лица двух или более судимостей к лишению свободы за особо тяжкие и тяжкие преступления; б) осуждение за прошлое и последнее преступления, в связи с совершением которых лицо признается особо опасным рецидивистом, к лишению свободы на определенный срок — не менее пяти лет; в) совершение преступления по достижении 18-летнего возраста. К формализованно-оценочным основаниям относятся: а) степень общественной опасности совершенных преступлений; б) их мотивы; в) степень осуществления преступных намерений; г) степень и характер участия в совершении преступлений; д) другие обстоятельства дела; е) личность виновного.

Обращаясь к вопросу о порядке признания лица особо опасным рецидивистом, следует отметить, что он остался прежним: рецидивист признается особо опасным только по приговору суда и такое признание должно быть мотивировано в приговоре. Анализ нормы об особо опасном рецидивисте свидетельствует, что законодатель по-прежнему не дает понятия «особо опасный рецидив». Лишь в ч. 6 ст. 22 Основ, как и в ранее действовавших Основах 1958 г., говорится об ответственности особо опасных рецидивистов: «Статьи уголовных законов Союза ССР и союзных республик, предусматривающие ответственность за совершение преступления особо опасным рецидивистом, применяются в случаях, когда лицо было признано в установленном законом порядке особо опасным рецидивистом до совершения данного преступления».

В литературе понятие «особо опасный рецидив» также четко не формулируется. Его содержание раскрывается следующим образом: «Особо опасный рецидив характеризуется тем, что лицо, осужденное к лишению свободы хотя бы за одно из преступлений, прямо предусмотренное пп. 1—4 ст. 23¹ Основ*, вновь совершает одно из упомянутых в этих пунктах умышленное преступление, за которое осуждается к лишению свободы на определенный законом (пп. 1, 2, 4) или любой срок (п. 3)» [4, с. 301]; «особо опасный рецидив представляет собой повторное или неоднократное совершение перечисленных в ст. 26 УК УССР особо тяжких или тяжких преступлений лицом, ранее осуждавшимся к лишению свободы и вновь осуждаемому к этому виду наказания» [6, с. 94]; понятие особо опасного рецидива в ст. 23¹ Основ уголовного законодательства связывается с совершением виновным преступлений, представляющих повышенную опасность для социалистического общества [1, с. 12]; «особо опасный рецидив может образовать... не всякое преступление, а только предусмотренное указанным перечнем...» [2, с. 314] и т. п.

Таким образом, фактически особо опасный рецидив толкуется как совершение виновным ряда преступлений и назначение за них соответствующих наказаний, сочетание которых позволяет по закону признать лицо особо опасным рецидивистом. Несколько дальше пошел В. П. Малков: «Особо опасным рецидивом считается совершение нового преступления лицом при условиях, предусмотренных в ст. 24¹ УК РСФСР (ст. 23¹ Основ уголовного законодательства), а также совершение нового преступления лицом, уже признанным особо опасным рецидивистом» [3, с. 23]. Следовательно, если другие криминалисты относили к особо опасному рецидиву лишь наличие условий, указанных в пп. 1—4 ст. 23¹ Основ, то В. П. Малков считает таковым и совершение преступления лицом, ранее уже признанным особо опасным рецидивистом.

Ни одно из этих мнений нельзя признать бесспорным. При анализе первого из них возникает вопрос: можно ли считать особо опасным рецидивом те случаи, когда условия, указанные в одном из пунктов ст. 22 Основ, имеются, но суд не считает возможным признавать лицо особо опасным рецидивистом? При положительном ответе возникает парадоксальная ситуация, при которой особо опасный рецидив существует без особо опасного рецидивиста. Но, как не может быть преступления без преступника, рецидивной преступности без рецидивистов, так и не может быть особо опасного рецидива без соответствующего субъекта — особо опасного рецидивиста. Если же считать, что для особо опасного рецидива необходимо не только наличие условий, указанных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 22 Основ, но и обязательное последствие в виде признания лица особо опасным рецидивистом, то здесь фактически преступная деятельность признается повышенно опасной до того, как повышенно опасным был признан он сам. А это вряд ли

* Имеются в виду Основы 1958 г.

правильно, поскольку особо опасный рецидив потому и признается наиболее опасным из всех видов рецидива, что чрезвычайную опасность в нем представляет личность виновного, причем именно в момент совершения преступлений, а не после этого. Иначе в понимании особо опасного рецидива теряется всякая логическая связь, в соответствии с которой тяжесть содеянного, в том числе и с учетом личности виновного, должна определяться в момент совершения преступления.

Точка зрения В. П. Малкова, как представляется, имеет тот же недостаток, что на одну ступень ставятся совершенно различные по степени тяжести виды рецидивной преступности: уравниваются случаи совершения преступлений рецидивистом со случаями их совершения рецидивистом особо опасным. Такое их отождествление недопустимо не только потому, что это различные по социальной опасности явления, но и в связи с их различной ролью в конструкции уголовно-правовых норм.

Более последовательным следует признать мнение И. М. Гальперина, который предлагал норму об особо опасном рецидиве следующего содержания: «Рецидив преступления признается особо опасным: а) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за особо тяжкое преступление; б) при совершении лицом умышленного преступления, за которое оно осуждается к лишению свободы, если ранее лицо три раза было осуждено к лишению свободы за умышленное преступление» [5, с. 110]. По своей конструкции логически эта норма могла бы вписаться в ст. 22 Основ. Однако законодатель пошел по прежнему пути, включив в Основы лишь норму о признании лица особо опасным рецидивистом и указав, что такое признание возможно лишь по приговору суда.

Представляется, что особо опасный рецидив можно определить как совершение преступления лицом, ранее в установленном законом порядке признанным особо опасным рецидивистом. Отсюда следует, что наличие условий, указанных в п. «а» и «б» ч. 2 ст. 22 Основ, позволяет лишь признать лицо особо опасным рецидивистом, но сами по себе они не образуют особо опасного рецидива. Из ч. 6 ст. 22 Основ следует, что фактически об особо опасном рецидиве речь идет в соответствующих статьях Особенной части УК, где особо опасный рецидивист включен в качестве конститутивного либо квалифицирующего признака конкретного состава преступления. Изложенное дает основание для следующего вывода: при воспроизведении ст. 22 Основ в будущем Уголовном кодексе целесообразно дополнить ее первую часть положением: «Особо опасный рецидив преступлений состоит в совершении нового преступления лицом, ранее в установленном законом порядке признанным особо опасным рецидивистом, если ответственность его за это преступление предусмотрена статьями настоящего Кодекса».

Список литературы: 1. Ефимов М. А., Шкурко В. А. Рецидивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1977. 2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 3. Малков В. П. Повторность преступлений. Казань, 1970. 4. Советское уголовное право. М., 1977. 5. Уголов

В. И. ТЮТЮГИН, канд. юрид. наук
Харьков

О СООТНОШЕНИИ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ ПО СТЕПЕНИ ИХ СТРОГОСТИ

Статья 29 Основ и соответствующие статьи УК союзных республик устанавливают достаточно широкий перечень наказаний, при применении которых суду нередко приходится решать, помимо прочих, и вопрос о сравнительной их строгости. Объясняется это тем, что только на основе установления соотношения степени строгости различных видов наказаний может быть, в свою очередь, решен целый ряд вопросов: о понятии закона, смягчающего и усиливающего наказание (ч. 2 и 3 ст. 7 Основ); об отнесении преступления к числу не представляющих большой общественной опасности (ч. 2 ст. 9 Основ); о переходе к другому, более мягкому виду наказания (ст. 45 Основ); о назначении наказания по совокупности преступлений (ст. 46 Основ) и приговоров (ст. 47 Основ); о зачете предварительного заключения (ст. 48, ч. 3 и 4 ст. 49 Основ); о замене наказания более мягким (ч. 1 ст. 60, ч. 1 ст. 72 Основ); о соотношении основных и дополнительных наказаний (ч. 5 ст. 60, ч. 3 ст. 72 Основ).

Для установления сравнительной строгости наказаний обычно обращаются к законодательному их перечню, исходя при этом из того, что все указанные в нем виды наказаний помещены в порядке убывания (по Основам 1958 г.) либо возрастания (по проекту Основ) в них кары [9, с. 101—102 и др.]. Отправной точкой для такого решения служит достаточно распространенный и ставший уже в какой-то мере традиционным, взгляд на систему наказаний как на такой их перечень, в котором все виды наказаний расположены в единой последовательности с учетом их сравнительной строгости [1, с. 130—139; 2, с. 120—121 и др.]. Однако согласиться с таким подходом, не сделав ряда существенных оговорок, — значит искусственно, без всяких к тому оснований сузить круг тех задач, для решения которых включена в закон как ст. 29 Основ, так и соответствующие статьи УК союзных республик. Иначе говоря, такой подход означал бы, что рассматриваемые нормы предназначены *только* (и исключительно) для определения сравнительной строгости названных в них наказаний. Следовательно, в основу этих норм законодатель кладет лишь один единственный критерий — степень строгости наказания, в связи с чем каждому из его видов и отводится соответствующее

место в общем их перечне, т. е. определенная «ступень в лестнице наказаний».

Между тем анализ ст. 29 Основ и соответствующих статей УК свидетельствует, что они предназначены для решения не какой-либо одной, пусть даже такой важной задачи, как определение сравнительной строгости наказаний, а целого их комплекса. В этих нормах законодатель стремился: а) очертить круг тех мер государственного принуждения, которые на данном этапе исторического развития целесообразно отнести именно к видам уголовного наказания; б) установить, что перечень этих наказаний носит исчерпывающий характер и является обязательным для суда; в) выделить из всех предусмотренных здесь наказаний такие их виды, как основные и дополнительные, отличающиеся друг от друга по функциональной роли и порядку назначения; г) дать, насколько это возможно в рамках указанных норм, оценку сравнительной строгости поименованных здесь наказаний; д) обособить от остальных такие специальные виды наказаний, которые уже при вынесении приговора могут назначаться взамен указанных в санкции; е) учесть сложившиеся законодательные традиции в построении перечня наказаний и устоявшуюся практику судов по их применению и др.

Достаточно обширный круг вопросов, которые решаются в ст. 29 Основ и соответствующих статьях УК, обуславливает и различие критериев, лежащих в основе построения перечня указанных здесь наказаний. Поэтому виды наказаний перечислены в данных нормах закона не в единой последовательности, а в таком порядке, согласно которому отдельно приводится сначала перечень основных, а затем дополнительных наказаний: в каждой же из этих групп наказания располагаются от менее строгого к более строгим. Далее, с учетом специального характера и особого порядка применения выделяются среди остальных наказаний ограничение по службе и направление в дисциплинарный батальон. Таким образом, хотя *степень строгости наказания* и определяет, в известной степени, построение ст. 29 Основ и соответствующих статей УК, однако она *является далеко не единственным*, как это обычно считают, *а лишь одним из нескольких критериев, положенных в основу законодательного перечня наказаний*. Иначе говоря, степень строгости наказаний не лежит в основе построения всего перечня наказаний в целом, а учитывается в качестве главного признака, определяющего последовательность двух отдельных групп наказаний — основных и дополнительных. Разумеется, можно спорить о том, насколько удачна именно такая конструкция рассматриваемых норм, однако в настоящее время единого перечня наказаний по степени их строгости закон вообще не устанавливает. Он выделяет два перечня: в первый из них включены основные «в чистом виде» и так называемые «смешанные» наказания, а во второй — только дополнительные. Такой порядок позволяет довольно легко определить

сравнительную строгость того или иного вида наказания «внутри» каждой из указанных групп наказаний. Что же касается сопоставления между наказаниями основными и дополнительными, то решение вопроса о степени их строгости *только* на основе ст. 29 Основ и соответствующих статей УК представляет значительную сложность. Так, довольно трудно определить, какое из наказаний является более, а какое менее строгим: конфискация имущества или ограничение свободы, исправительные работы или лишение тех или иных званий и др. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что, поскольку ст. 29 Основ и соответствующие статьи УК предусматривают все виды наказаний как основные, так и дополнительные, то, «... основываясь на принципах систематики, мы имеем достаточно законные основания судить о сравнительной тяжести каждого из видов наказаний безотносительно к тому, является ли оно основным или дополнительным» [4, с. 78]. Это утверждение основано на представлении, что законодательный перечень наказаний есть такая их «лестница», в которой *все без исключения* виды наказаний расположены в единой последовательности — от менее к более строгим. Между тем если и рассматривать данный перечень в качестве своеобразной лестницы, то последняя состоит, как было показано, не из одного, а из нескольких отдельных «пролетов», в основе выделения и построения которых лежит не только степень строгости наказания, но и другие критерии. Именно отсутствие таких «достаточных законных оснований», видимо, и дает повод ряду исследователей полагать, что законодатель не разделил некоторые, например, дополнительные наказания, на более и менее строгие, не определил сравнительную их строгость [8, с. 19].

Действительно, вопрос о сравнительной строгости ряда наказаний не нашел достаточно четкого решения в законе. Объясняется это, надо полагать, прежде всего тем, что «при подходе к систематике... очень нелегко найти абсолютно надежный масштаб сравнения разнородных наказаний, например, исправительных работ и лишения родительских прав» [3 с. 70]. В то же время установление сравнительной строгости всех, а не только отдельных видов наказаний, необходимо, ибо, как отмечалось, только на данной основе можно решить ряд важных вопросов, постоянно возникающих в практике. В связи с этим нельзя согласиться с авторами, которые вообще отказываются от установления сравнительной строгости наказаний, ссылаясь на то, что диапазон отдельных их видов (например, конфискации имущества) настолько широк, что о сравнительной их строгости с другими наказаниями судить нельзя [7, с. 80]. Вряд ли приемлемы и предложения об использовании при оценке строгости наказаний чисто количественных показателей (т. е. объема кары) путем применения для этого различных математических измерений и вычислений [6, с. 152—153]. Хотя *объем* (количество) кары в наказании учитывается законодателем, учет *только* данного признака не всегда достато-

чен. Как, например, сравнить разнородные наказания, отличающиеся по характеру содержащихся в них правоограничений: лишение права занимать определенные должности и лишение званий, исправительные работы и лишение родительских прав и др.? Поэтому оценка различий в объеме кары может иметь значение лишь при сравнении *тождественных*, но различных по их мере наказаний (например, при сопоставлении одного и того же вида наказания, но назначенного на разные сроки), либо *однородных* наказаний (например, таких их имущественных видов, как штраф и конфискация имущества). Во всяком случае, этот критерий используется в законе при сопоставлении наказаний, которые имеют определенную *мерность выражения*, например, при сравнении таких срочных видов наказаний, как ограничение свободы и исправительные работы, лишение свободы и направление в дисциплинарный батальон и др. Не случайно в ст. 49 Основ, где предусмотрены определенные коэффициенты соотносимости наказаний, они установлены лишь в отношении *срочных* (да и то далеко не всех) наказаний.

Что же касается законодательного перечня наказаний, то хотя при его построении и учитывается объем кары в различных видах наказаний, однако в первую очередь этот перечень представляет собой все же определенную «иерархию ценностей», в которой отражается объективная значимость (важность, ценность) соответствующих благ, прав и интересов личности и которые «терпят ущерб» от наказания. Именно поэтому такое наказание, как арест, хотя и может быть назначено на значительно меньший срок, чем многие другие, занимает место в перечне наказаний непосредственно перед лишением свободы. Его строгость определяется не столько сроком (объемом кары), сколько приматом социальной ценности личной свободы по отношению ко всем иным благам и интересам личности, которые могут быть ограничены и другими наказаниями, не связанными, однако, с изоляцией от общества. В связи с этим вряд ли обоснованно считать, что построение системы наказаний (точнее, их перечня) осуществляется *только* по количественному признаку [10, с. 38]. Как тяжесть преступления зависит от характера и степени его общественной опасности, так и *строгость наказания определяется с учетом не только объема, но и характера кары, в нем содержащейся.*

Таким образом, обращение к законодательному перечню — хотя и исходный, главный путь для установления сравнительной строгости наказаний, однако лишь на его основе вопрос о степени строгости того или иного вида наказания решен быть не может. Это связано с тем, что в законодательном перечне устанавливается сравнительная строгость хотя и подавляющего большинства, однако все же не всех видов наказаний. Кроме того, ст. 29 Основ и соответствующие статьи УК определяют, если можно так выразиться, лишь общую степень строгости наказания, тогда как при его назначении в каждом случае возникает вопрос о конкретной,

индивидуальной степени строгости вида наказания в сочетании с определенной его мерой (сроком, размером, суммой). Некоторые ориентиры здесь содержатся в ст. 49 Основ и соответствующих статьях УК, где установлены коэффициенты соотносимости различных видов наказаний, которые и следует использовать для определения их строгости. Однако и эти нормы не дают ответа на вопрос, как соотносятся по строгости с другими наказаниями такие, например, их виды, как конфискация имущества и лишение званий.

Следует учитывать, что соотношение по строгости между различными наказаниями — величина отнюдь не постоянная, поскольку должны, очевидно, существовать те оптимальные пределы, достигнув которых, одно наказание — более строгое — теряет свое качественное «преимущество» по отношению к другому — менее строгому и, наоборот, менее строгое приобретает это «преимущество» по отношению к более строгому [5, с. 198]. Например, по тексту ст. 29 Основ арест — более строгое наказание, чем, скажем, ограничение свободы. Однако можно ли с такой же уверенностью утверждать, что три месяца ареста — более строгое наказание, чем пять лет ограничения свободы? Вероятно, нет. Значит, на каком-то критическом уровне объем кары этих наказаний уравнивается и может произойти смена субординационных позиций наказаний относительно друг друга [5, с. 198]. Далее, при оценке сравнительной строгости наказания нельзя, видимо, не учитывать, что существуют наказания, в рамках одного и того же вида которых можно выделить различные формы (варианты) их проявления, взаимоотношающиеся не только по объему, но и по характеру их карательного воздействия. Например, лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в лишении права на такого рода занятие, которое является для виновного всего лишь увлечением, заполняющим его досуг (например, лишение права охоты), а может быть связано и с запретом заниматься профессиональной деятельностью, которая материально обеспечивала как самого осужденного, так и его близких. Более того, неоднозначно может оцениваться степень строгости одного и того же вида наказания, даже если оно выражается в тождественных по содержанию правоограничениях. Например, лишение права управлять транспортными средствами может рассматриваться как более либо, напротив, менее строгое в зависимости от того, назначено ли оно водителю-любителю или шоферу-профессионалу. Наконец, следует иметь в виду, что степень строгости любого вида наказания имеет как бы две стороны оценки. С одной стороны, наказание оценивается законодателем и судом, исходя прежде всего из социальной значимости тех или иных благ и интересов личности, которые оно ущемляет. С другой — суровость наказания оценивается и самим осужденным, исходя из его личностных особенностей, социального статуса, уровня восприятия тех или иных лишений, ценностных ориентаций. Например, ограничение

свободы, назначенное особо опасному рецидивисту даже на максимальный срок (5 лет), может восприниматься последним как совсем мягкое наказание, тогда как осуждение даже к минимальному сроку исправительных работ (2 мес.) лица, впервые представшего перед судом и пользовавшегося до этого авторитетом и уважением, будет оцениваться им как слишком суровое.

Приведенные положения свидетельствуют, что степень строгости должна устанавливаться и в процессе индивидуализации наказания, когда конкретная его мера избирается судом с учетом не только общих положений ст. 29 и 49 Основ но и на базе всесторонней оценки обстоятельств дела, личностных особенностей и ценностных ориентаций осужденного.

Список литературы: 1. *Багрий-Шахматов Л. В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 2. *Беллев Н. А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 3. *Гальперин И. М.* Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983. 4. *Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б.* Дополнительные наказания. М., 1981. 5. *Козаченко И. Я.* Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987. 6. *Козлов А. П.* Некоторые вопросы соотношения видов наказаний по их тяжести// Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1983. 7. *Михлин А.* Рецензия на книгу «Дуюнов В. К., Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: теория и практика. Фрунзе, 1986»// Соц. законность. 1987. № 10. 8. *Ребане И.* Назначение наказания ниже низшего предела при альтернативных санкциях// Сов. юстиция. 1978. № 14. 9. *Стручков Н. А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. 10. *Цветинович А. Л.* Дополнительные наказания в советском уголовном праве. Калининград, 1980.

Поступила в редколлегия 27.06.89

В. А. ЛОМАКО, канд. юрид. наук

Харьков

ОСНОВАНИЕ ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Основы сохранили условное осуждение и отсрочку исполнения наказания как отдельные виды единого правового института — осуждения с испытанием. В ст. 52—53 по сравнению с ранее действовавшим законом еще более выражена идея гуманизации уголовной ответственности и наказания за менее опасные преступления. Статья 53, в которой предусмотрена отсрочка исполнения наказания, воспроизводит исходные положения ст. 39¹ Основ 1958 г., вводя, однако, ряд новых предписаний. Прежде всего, взамен неудачного наименования — отсрочка исполнения приговора — принято название, отражающее сущность данного вида осуждения с испытанием, значительно увеличен максимальный предел наказания, при котором она допустима, резко сокращен перечень запретов применения отсрочки исполнения наказания. Поэтому и высказанные ранее в литературе суждения, характеризующие важнейшие элементы отсрочки, сохраняют свое значение при условии, если они трактуют те положения, которые были

в прежнем и воспроизведены в новом законодательстве. Это в полной мере относится и к высказываниям об основаниях отсрочки, которые по-прежнему не содержат однозначных рекомендаций.

Известно, что применение норм Общей части подчинено принципам уголовного законодательства (ст. 3 Основ). Такое применение должно иметь место с учетом специфики отдельных уголовно-правовых институтов. Отличительная особенность отсрочки исполнения наказания, как и всего института осуждения с испытанием, заключается прежде всего в том, что ее реализация связана с назначением наказания, т. е. основывается на общих началах назначения наказания. Вместе с тем закон ограничивает сферу применения отсрочки определенными условиями: осуждением впервые к лишению свободы и назначением наказания за совершенное преступление на срок не свыше пяти лет. Эти предварительные условия являются предпосылками применения отсрочки [6; 8, с. 6]. Наличие указанных предпосылок открывает возможность для положительного решения об отсрочке. Реализация же такой возможности зависит от наличия соответствующего основания, установление которого производится судом путем анализа и учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела. Таким образом, необходимо различать формализованные условия отсрочки т. е. ее предпосылки и основания применения отсрочки. Зачастую в литературе подобное различие не констатируется, что приводит к разноречивым выводам о самом основании отсрочки. Например, С. И. Зельдов и А. С. Молодцов данным основанием признают как перечисленные в законе условия отсрочки, так и обстоятельства, характеризующие совершенное деяние и личность осужденного [5, с. 87; 7, с. 101]. Однако аргументация такого смещения является необоснованной. Речь идет о различных признаках отсрочки, отличающихся между собой как по содержанию, так и назначению. Одни из них лишь выполняют роль предпосылок отсрочки, другие — характеризуют ее основание. Иногда предлагается разграничить основания отсрочки на две группы. В первую включают все обстоятельства и условия, позволяющие судить о возможности исправления и перевоспитания осужденного без его изоляции (чистосердечное раскаяние, признание вины, явка с повинной, второстепенная роль в совершении преступления, помощь в его раскрытии). Ко второй группе относят только обстоятельства, смягчающие ответственность (совершение преступления несовершеннолетним, первая судимость и др.) [7, с. 9]. Отметим, что такой подход не основывается на каких-либо четких критериях и, следовательно, не может быть рекомендован для реализации в практике. Любое из обстоятельств первой группы является смягчающим ответственность, а относящееся ко второй — не может не учитываться при оценке возможности исправления и перевоспитания осужденного.

Трудно согласиться и с теми учеными, которые, выделяя обстоятельства, позволяющие судить о возможности исправления и пе-

ревоспитания лица без изоляции от общества, — обстановку в семье, признание своей вины, чистосердечное раскаяние, отношение к труду и учебе — признают их условиями предоставления отсрочки [8, с. 133]. Здесь вообще не выделяются основания отсрочки исполнения наказания.

Основные недостатки приведенных суждений видятся в следующем. Во-первых, все они исходят из множественности оснований, каждого из которых недостаточно для применения отсрочки. Во-вторых, эти суждения сформулированы или с учетом одних только указанных в законе предпосылок, или путем их смешения с некоторыми обстоятельствами дела и личности осужденного. В-третьих, не вносят ясности в признание возможности исправления и перевоспитания без изоляции лица от общества в качестве основания отсрочки, ибо, по существу, такое основание здесь не определяется. В-четвертых, критикуемые суждения не дают ответа на вопрос, почему суды предоставляют отсрочку (по данным выборочного анализа) только каждому второму-третьему из числа осужденных, к которым формально она могла быть применена. Даже при наличии отдельных положительных свойств личности, учитывая те или иные данные, характеризующие само деяние и другие негативные обстоятельства дела, суды обоснованно не находят возможным применить отсрочку.

Отсюда следует, что наличие одних только предпосылок и даже отдельных положительных факторов, характеризующих личность, нельзя признать основанием для отсрочки. Положительное решение этого вопроса возможно лишь с учетом определенной совокупности объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих преступное деяние, личность осужденного и иные обстоятельства дела, что согласуется и с требованиями ст. 53 Основ. И хотя закон не дает прямо четкого решения об основании предоставления отсрочки, он указывает пути выяснения его судом в каждом конкретном случае. Вывод суда о наличии такого основания происходит в ходе всесторонней оценки всех указанных обстоятельств. Очевидно, что, решая вопрос о предоставлении отсрочки, суд, назначив наказание в пределах до пяти лет лишения свободы, вновь обязан вновь обратиться к выяснению степени общественной опасности совершенного деяния и личности подсудимого, которые определяются содержанием многих объективных и субъективных данных. Здесь как бы происходит повторный анализ и учет этих данных, что непосредственно вытекает из положений ст. 42 и 53 Основ. Если результатом первой их оценки явилось назначение конкретного срока лишения свободы, то после вторичного анализа таких данных должен быть сделан вывод о менее значительной степени общественной опасности деяния и личности осужденного, свидетельствующий о возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, но в условиях контроля за его поведением. Двукратный учет указанных данных здесь, как и во многих других случаях реализации уголовной ответственности, не противоречит общим началам назначения наказания и таким принципам

уголовного законодательства, как справедливость и гуманизм. Более того, именно в таких случаях они находят свое наиболее яркое проявление, поскольку отсутствие отягчающих ответственных обстоятельств позволяет судить о меньшей степени опасности деяния и личности и избрать наиболее оптимальную меру воздействия на осужденного. Правильно была применена отсрочка по делу З., осужденной за соучастие в спекуляции. Материалами дела установлено, что З. трижды предоставляла спекулянтам свой дом для временного хранения изюма и других сухофруктов общим весом около тонны, дважды сама принимала участие в перепродаже сухофруктов, получив за это 100 р. нетрудового дохода. Применяя отсрочку, суд учел второстепенную роль З. в преступлении, оказанную ею помощь в изобличении основных исполнителей, чистосердечное раскаяние, наличие на иждивении несовершеннолетних детей, незначительный размер наживы, длительный трудовой стаж, положительную характеристику. В своем сочетании названные обстоятельства и образовали основание отсрочки, которое требуется законом для ее применения. Возникает очень важный вопрос: имеет ли значение для применения отсрочки исполнения сам размер назначенного срока лишения свободы. Учитывать этот срок возможно, но лишь как одно из обстоятельств, которое в совокупности с другими свидетельствует о менее значительной степени общественной опасности совершенного деяния и личности осужденного. При этом следует иметь в виду, что основание отсрочки непосредственно связано с ее социальным назначением. Оно состоит в исправлении и перевоспитании лица без изоляции его от прежней среды пребывания — семьи, друзей, трудового коллектива. Однако именно менее значительная степень общественной опасности деяния и личности позволяет сделать вывод о возможности достижения цели наказания посредством тех мер воздействия, которые содержит в себе отсрочка. К ним, прежде всего, относятся: контроль за поведением осужденного со стороны органов внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних, командования воинской части, воспитательная работа коллектива и отдельных лиц с осужденным, выполнение им возложенных на него судом обязанностей. Отсюда основанием отсрочки исполнения наказания является *менее значительная степень общественной опасности преступного деяния и личности, свидетельствующая в своей совокупности о возможности исправления и перевоспитания осужденного без изоляции от общества, но в условиях контроля за его поведением, выполнения осужденным возложенных на него судом обязанностей и ведения с ним воспитательной работы в обычной среде его проживания.*

Таким образом, основание отсрочки определяется данными о конкретно совершенном преступлении и положительных свойствах личности как до, так и в момент, а равно после совершения преступления. При оценке степени общественной опасности преступления следует иметь в виду, что закон запрещает применять от-

срочку лишь за особо тяжкие преступления (п. 2 ст. 53 Основ). При осуждении за другие преступления независимо от их квалификации ее применение допустимо. Все зависит от конкретных обстоятельств, которые носят оценочный характер и в большинстве случаев конкретизируются судом лишь применительно к рассматриваемому делу. Здесь важен учет объективных и субъективных признаков совершенного преступления: значимость объекта и предмета посягательства, вид преступления и место его в системе Особенной части УК, характер деяния, тяжесть последствий, форма и степень вины, мотив и цель, способ, обстановка, место и средства совершения преступления, степень осуществления преступного намерения, фактическая роль в совершении преступления и др. Еще большее значение имеют личностные данные, которые можно условно разграничить на обстоятельства, характеризующие поведение лица до совершения преступления, непосредственно связанные с самим преступлением, а равно имевшими место после совершения преступления. Здесь же подлежат учету психофизические свойства личности. Конечно, многие из этих обстоятельств могут повлиять и на оценку степени общественной опасности самого преступления, но главным образом они отражают сведения о личности виновного. Приоритетное значение субъективных факторов здесь не случайно, хотя в общем их роль не следует преувеличивать [2, с. 100; 3, с. 78]. Важное значение личностные свойства субъектов имеют при освобождении от уголовной ответственности и наказания, при условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким, применении условного осуждения и отсрочки исполнения наказания. В последнем случае они выполняют главенствующую роль. Подобное утверждение не противоречит тому, что обстоятельства объективного и субъективного характера, как и личностные данные, находятся в тесной взаимосвязи и их учет одинаково необходим как основание для применения отсрочки. Личностные свойства выступают и как основной критерий при решении вопроса, какой вид осуждения с испытанием применить — условное осуждение или отсрочку исполнения наказания. Касается это, конечно, преступлений, сходных по своему характеру и общественной опасности, причем в случаях назначения за их совершение наказания в виде лишения свободы. Известно, что основанием условного осуждения (ст. 52 Основ) является небольшая степень общественной опасности деяния и личности виновного, свидетельствующие в своем единстве о нецелесообразности отбывания назначенного наказания. Оно, как правило, рассчитано на лиц, совершивших *не представляющие большой общественной опасности или менее тяжкие преступления*. Поэтому условное осуждение может применяться и при назначении наказаний в виде ограничения свободы, исправительных работ, а также направления в дисциплинарный батальон. Отсрочка же требует в качестве одной из предпосылок назначения наказания только в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Чаще всего

это менее тяжкие или даже тяжкие преступления, которые в силу ряда обстоятельств могут повлечь применение данной меры воздействия. Отсрочка применяется к лицам, более социально запущенным, чем условно осужденные. Поэтому, несмотря на единство своей правовой природы, условное осуждение является более льготной мерой воздействия по сравнению с отсрочкой. Различие в применении отсрочки и условного осуждения в определенной мере объясняется и теми свойствами личности и иными обстоятельствами, которые находятся за пределами совершенного преступления. Это причины совершения преступления, возраст осужденного, состояние здоровья, отношение к труду и учебе, семейное положение, микросреда, воспитательные возможности коллектива и т. п.

Список литературы: 1. *Зельдов С. И.* Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982. 2. *Келина С. Г.* Меры ответственности, предусмотренные законом, и основания их применения// Сов. гос-во и право. 1982, № 5. 3. *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. 4. *Михлин А. С.* Последствия преступления. М., 1969. 5. *Молодцов А. С.* Отсрочка исполнения приговора и профилактика правонарушений несовершеннолетних// Вопросы теории и практики профилактики правонарушений несовершеннолетних. Ярославль, 1978. 6. *Орел Л. Е.* Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Х., 1966. 7. *Семенов И., Соколов А.* Практика применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему// Сов. юстиция. 1980, № 6. 8. *Щербакова Е. Г.* Развитие законодательства по борьбе с преступностью несовершеннолетних// Проблемы государства, демократии и права в материалах XXVI съезда КПСС. Ростов н/Д., 1981.

Поступила в редколлегия 11.07.89

В. И. КАСЫНЮК, канд. юрид. наук

Харьков

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОВРЕЖДЕНИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 78 УК УССР) встречается не так часто по сравнению с другими транспортными преступлениями. Однако в условиях бурного развития транспорта, увеличения мощности и скорости транспортных средств опасность данного посягательства возрастает, в связи с чем важную роль приобретает повышение эффективности уголовно-правовых мер борьбы с ним. В решении этого вопроса большое значение имеет совершенствование закона, устанавливающего ответственность за указанное преступление.

Состав рассматриваемого преступления обрисован в ст. 78 УК как умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, которое повлекло или могло повлечь крушение

поезда, аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи. Таким образом, преступное действие здесь заключается в разрушении или повреждении указанных в законе предметов. Разрушение путей сообщения или транспортных средств состоит в противоправном воздействии на предмет данного преступления, при котором нарушаются его целостность и структура, вследствие чего он становится непригодным для эксплуатации в соответствии со своим целевым назначением. Разрушенным может быть мост, вагон, судно, а также другие относительно самостоятельные элементы технической системы транспорта. При повреждении же из строя выводятся лишь отдельные устройства или механизмы путей сообщения или транспортных средств, вследствие чего последние, сохраняя свои целостность и структуру, становятся непригодными для эксплуатации в соответствии со своим целевым назначением.

Следовательно, разрушение приводит к тому, что относительно отдельные элементы транспорта прекращают свое существование, повреждение — к тому, что они становятся непригодными для эксплуатации вследствие поломки отдельных устройств или механизмов. Однако это обстоятельство не может влиять на квалификацию, так как и в первом и во втором случаях техническая система транспорта становится непригодной для эксплуатации, вследствие чего создается угроза наступления тяжких последствий. Практика, однако, показала, что аналогичные последствия могут наступить и тогда, когда фактического разрушения или повреждения не было.

В таких случаях технические системы транспорта приводятся в непригодное для эксплуатации состояние путем выключения или переключения в неправильное положение устройств и механизмов транспорта, подкладки на рельсы железнодорожного пути посторонних предметов и т. д. Квалификация подобных действий вызвала дискуссию. Так, Б. А. Куринов полагал, что они должны квалифицироваться по ст. 78 УК, ибо при этом происходит повреждение путей сообщения и транспортных средств [1, с. 208]. П. С. Матышевский, напротив, считает, что совершенное не подпадает под признаки ст. 78 УК [2, с. 174].

Следует отметить, что в рассматриваемых ситуациях воздействия транспортные средства, сооружения на них, так же как и при повреждении или разрушении, становятся непригодными для эксплуатации. В этом состоянии создается такая же реальная угроза наступления крушения, аварий и иных тяжких последствий. Причиняется вред именно тем отношениям общественной безопасности, для охраны которых и установлена норма, закрепленная в ст. 78 УК. В практике такие действия и квалифицируются по этой статье. Так, по ст. 86 УК РСФСР (ст. 78 УК) Мурманским областным судом был осужден к 4 годам лишения свободы К. за то, что он, работая мотористом ледокола-парома «Юрузань», по мотивам мести к механику вывел из строя систему электропитания судна. Между контактами главного электро-

щита он подложил кусочек бумаги, чем прервал подачу электроэнергии к судовым механизмам, вследствие чего во время швартовки судна не включились подруливающее устройство и главный двигатель, что могло повлечь аварию судна [3]. В этом деле виновный не повреждал отдельные устройства и механизмы судна. Они находились в исправном состоянии и могли обеспечивать безопасность плавания. Однако вследствие действий моториста судно было приведено в непригодное для эксплуатации состояние, что могло повлечь последствия, указанные в ст. 78 УК. Практике известны и другие подобные случаи. Это перемещение предостерегательного огня на форваторе водного пути, перевод стрелки в неправильное положение, отключение отдельных приборов или механизмов либо приведение их в нерабочее состояние. По изученным делам данной категории в 30 % случаев преступления совершались именно таким образом.

Следовательно, кроме повреждения и разрушения, о которых прямо говорится в законе, в будущем УК необходимо указать и иное воздействие, в результате которого исправные устройства и элементы транспорта приводятся в непригодное для эксплуатации состояние, чем нарушается функционирование технических систем транспорта и создается угроза безопасности движения. В диспозиции будущей статьи следует, кроме повреждения и разрушения, в качестве одной из форм преступного действия указать на «иное воздействие» или «иные действия».

В ст. 78 УК в качестве последствий преступления указаны крушение поезда, авария корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи. Крушение поезда, как известно, является наиболее опасным, типичным по своему характеру происшествием на железнодорожном транспорте. Выделяя этот вид последствий и включая его в диспозицию статьи, законодатель стремится использовать наиболее доступные для понимания термины при конструировании уголовно-правовой нормы с тем, чтобы усилить ее общепредупредительное воздействие.

Вторым последствием названа авария корабля, которая наиболее характерна для водного транспорта. Под аварией корабля можно понимать и происшествие с воздушным судном. На воздушном транспорте наиболее тяжким происшествием в сфере безопасности полетов является катастрофа летательного аппарата, также, как крушение поезда на железной дороге и авария корабля на водном транспорте. Поэтому целесообразно в диспозиции закона включить указания и на такое последствие, как катастрофа летательного аппарата.

Кроме названных, наиболее опасных и типичных видов последствий на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в ведомственных актах указаны и другие происшествия, которые могут наступить в результате повреждения путей сообщения и транспортных средств и являются последствиями рассматриваемого преступления. Однако их перечень в диспозиции закона привел бы к казуистичности, загромождению техниче-

жими терминами, что сделало бы закон громоздким и мало понятным. Поэтому наряду с крушением поезда, аварией корабля и катастрофой летательного аппарата в будущем законе следует указать на «иные тяжкие последствия в сфере безопасности движения». Этим будет охватываться все возможные на железнодорожном, водном и воздушном транспорте последствия в сфере безопасности движения, предусмотренные ведомственными нормативными актами.

В действующей редакции ст. 78 УК вместо предлагаемого содержится указание на «нарушение нормальной работы транспорта и связи». Данное указание является неудачным и поэтому трактуется чрезвычайно широко. К последствиям рассматриваемого преступления иногда относят задержку поездов, судов, срыв плана перевозок, простой вагонов, перерыв телефонной или телеграфной связи. Указанные последствия нарушают нормальную и ритмичную работу транспорта. Однако тяжкими последствиями наряду с крушением, аварией, катастрофой их признать нельзя. Поэтому и следует в новом законодательстве исключить слова «нарушение нормальной работы транспорта», заменив их словами «иные тяжкие последствия в сфере безопасности движения». Таким образом, в качестве последствий в законе должны быть названы крушение поезда, авария корабля, катастрофа летательного аппарата и иные тяжкие последствия в сфере безопасности движения.

В действующей редакции ст. 78 УК УССР ответственность за повреждение путей сообщения и транспортных средств, повлекшее тяжкие последствия, и за такие же действия, которые лишь создавали угрозу их наступления, не дифференцирована. Эти различные ситуации на квалификацию содеянного не влияют и лишь учитываются при индивидуализации наказания в пределах санкции статьи. Однако наступление тяжких последствий свидетельствует о большей степени общественной опасности преступления, чем лишь при угрозе наступления таких последствий. Как показывает практика, в 95 % случаев совершения рассматриваемого преступления тяжкие последствия не наступают, а лишь создавалась их реальная угроза.

Поэтому целесообразно в новом законодательстве выделить в самостоятельную часть статьи основной состав повреждения путей сообщения и транспортных средств, которое могло повлечь крушение поезда, аварию корабля и т. д. Во второй части должна быть предусмотрена ответственность за преступление, квалифицированное наступлением тяжких последствий. Так поступает законодатель при конструировании других транспортных преступлений, предусмотренных, например, ст. 77, 221¹ УК.

Нуждаются в совершенствовании и санкции. В действующем праве рассматриваемое преступление наказывается лишением свободы на срок от 3 до 15 лет со ссылкой на срок до 5 лет или без таковой. Что касается ссылки, то в изученных делах не было ни одного случая применения данного вида наказания и это

соответствует общей тенденции отказа от этого вида наказания. Оно не предусмотрено Основами и поэтому вообще не может фигурировать в санкциях уголовных законов.

Лишение свободы в санкции ст. 78 УК имеет весьма широкий диапазон. Однако практика применения наказания показала, что лишение свободы назначалось, как правило, ближе к минимуму санкции статьи (94 % всех изученных дел); суды широко используют ст. 44 УК УССР (по каждому пятому делу); часто применяется условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Такая тенденция практики означает, что между пределами наказания в виде лишения свободы, указанного в санкции ст. 78 УК УССР, и действительным его применением имеется явное несоответствие, свидетельствующее о чрезмерной суровости этой санкции. В соответствии с Основами за данное преступление вообще не может быть установлено наказание свыше десяти лет.

Требования дальнейшей гуманизации определяют и необходимость иного построения санкций за данное преступление.

В первой части соответствующей статьи УК, где будет установлена ответственность за повреждение путей сообщения и транспортных средств, которое не повлекло, не создавало угрозу наступления крушения поезда, аварии корабля и т. п. последствий, санкция должна включать исправительные работы на срок до 2 лет, ограничение свободы на срок до 3 лет, лишение свободы на срок до 5 лет. Такая санкция исключит необходимость прибегать к применению ст. 45 Основ и обеспечит необходимую индивидуализацию наказания. В ч. 2, в которой будет предусмотрена ответственность за повреждение путей сообщения и транспортных средств, повлекшее крушение поезда, аварию корабля и т. п. последствия, в санкции следует установить лишение свободы на срок от 5 до 10 лет.

С учетом высказанных предложений, норма может быть изложена в новом уголовном законодательстве следующим образом: «Статья ... Повреждение путей сообщения и транспортных средств.

Умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, а равно иное воздействие на указанные предметы, которое могло повлечь крушение поезда, аварию корабля, катастрофу летательного аппарата или иные тяжкие последствия в сфере безопасности движения, — наказываются исправительными работами на срок до 2 лет или ограничением свободы на срок до 3 лет, или лишением свободы на срок до 5 лет.

Те же действия, повлекшие последствия, указанные в части 1 настоящей статьи, — наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет».

Список литературы: 1. Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965. 2. Матышевский П. С. Уголовно-правовая охрана социалисти-

А. И. ПЕРЕПЕЛИЦА, канд. юрид. наук

Харьков

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

В ст. 51 КоАП УССР предусмотрена административная ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением или мошенничества. Мелким считается хищение, если стоимость похищенного не превышает пятидесяти рублей. Учитываются также количество похищенных предметов в натуре (вес, объем) и значимость их для народного хозяйства. За такое же деяние установлена ответственность и в ст. 85 УК УССР, если мелкое хищение совершено лицом, «к которому с учетом обстоятельств дела и личности не могут быть применены меры общественного воздействия или административного взыскания». Получается, что одно и то же деяние в законодательстве расценивается и как преступление и как административное правонарушение. В данной связи прежде всего следует заметить, что существуют деяния, которые по степени общественной опасности находятся на границе преступления и административного проступка, на что еще в начале шестидесятых годов обратил внимание А. Е. Лунев.* Степень общественной опасности подобных деяний такова, что законодатель с учетом уровня развития общества, криминогенной обстановки, различных негативных и позитивных процессов может отнести их либо к преступлениям, либо к административным деликтам. К. Маркс отмечал, что «... от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков. Это различие терминологии является далеко не безразличным, ибо оно решает тысячи человеческих судеб и определяет нравственную физиономию общества»**. Однако законодатель, стремясь к наиболее оптимальному варианту борьбы с такими общественно опасными деяниями, может пойти и по иному пути: признать их одновременно преступлением и административным проступком. В таких ситуациях между администра-

* Лунев А. Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961. С. 44.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 516.

тивными проступками и преступлениями (с точки зрения их состава) нет внешних, формальных различий: и те, и другие являются общественно опасными и влекут применение мер государственного принуждения. Именно такой подход, как представляется, имеет место при конструировании ответственности за мелкое хищение, что и нашло свое выражение в одинаковом описании его состава в диспозициях выше указанных статей. Здесь возникает межотраслевая конкуренция норм, ставящая вопрос, когда и при каких условиях применять одну из названных статей. Ответ на него имеется в ч. 1 ст. 85 УК УССР, где в качестве такого условия указано на невозможность применения к лицу с учетом обстоятельств дела и личности мер общественного воздействия или административного взыскания. Поэтому ч. 1 ст. 85 УК УССР можно назвать конкурентно-разрешающей нормой. Она не только определяет признаки состава и меру наказания, но и устанавливает условие, при котором лицо за мелкое хищение подлежит именно уголовной, а не административной ответственности. Такое решение вопроса предопределяет и особый процессуальный порядок возбуждения уголовного дела. Последнее может быть возбуждено лишь при констатации обстоятельств, свидетельствующих о наличии указанного условия. Следовательно, ч. 1 ст. 85 УК УССР содержит наряду с описанием признаков состава мелкого хищения предписание уголовно-процессуального характера, призванное регулировать отношения между органом власти в сфере уголовного судопроизводства и лицом, совершившим мелкое хищение. Это означает, что указание, содержащееся в ч. 1 ст. 85 УК УССР (если к лицу «с учетом обстоятельств дела и личности не могут быть применены меры общественного воздействия или административного взыскания»), необходимо рассматривать как специальное процессуальное условие привлечения лица к уголовной ответственности. Поскольку это предписание имеет процессуальный характер, оно, очевидно, и не является признаком состава мелкого хищения. От него не зависит наличие или, напротив, отсутствие данного состава. Это условие — лишь предпосылка реализации уголовной ответственности. Уголовно-правовые отношения в данном случае возникают независимо от отношений уголовно-процессуальных, но реализуются при наличии условия, указанного в ч. 1 ст. 85 УК УССР.

Рассматриваемое процессуальное условие является оценочным и наполняется конкретным содержанием в зависимости от обстоятельств дела и личности правонарушителя. Это означает, что уголовная ответственность за мелкое хищение может иметь место, когда применяющий закон, оценивая обстоятельства дела и личность виновного, придет к убеждению, что меры административного взыскания или общественного воздействия не окажут на правонарушителя необходимого воспитательного воздействия.

Обстоятельства, образующие содержание условия применения ч. 1 ст. 85 УК УССР, как представляется, можно классифици-

ровать на две группы: обстоятельства, характеризующие только личность, и обстоятельства, характеризующие и деяние, и личность правонарушителя. К *первой* группе относятся обстоятельства, характеризующие поведение лица до и после совершения мелкого хищения. Это, например, отсутствие у правонарушителя постоянного места жительства, уклонение от общественно полезного труда, занятие попрошайничеством или бродяжничеством, склонность к правонарушениям и безрезультативность применения мер общественного, дисциплинарного или административного воздействия, отрицательная производственная, бытовая, общественная характеристика, злоупотребление спиртными напитками, наркотиками и др. Ко *второй* группе следует отнести обстоятельства, отягчающие ответственность, указанные в ст. 44 Основ (совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, совершение преступления по предварительному сговору либо организованной группой лиц, причинение преступлением тяжких последствий, совершение преступления с использованием лица, заведомо для виновного страдающего психическим заболеванием или слабоумием, совершение преступления с использованием условий общественного бедствия и др.). При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за мелкое хищение правоприменителем могут учитываться обстоятельства, относящиеся только к первой группе (например, отсутствие у правонарушителя постоянного места жительства, уклонение от общественно полезного труда, систематическое нарушение трудовой и производственной дисциплины и др.), или обстоятельства, относящиеся только ко второй группе (например, причинение мелким хищением тяжких последствий, совершение мелкого хищения с использованием условий общественного бедствия и др.). Решение этого вопроса может быть основано и на учете обстоятельств обеих групп в их совокупности.

Предыдущее изложение позволяет сделать вывод, что редакция ч. 1 ст. 85 УК УССР имеет серьезный недостаток. Устанавливая оценочное условие привлечения лица к ответственности, она тем самым делегирует правоприменителю решение вопроса, который должен решить сам закон. Как свидетельствует практика, здесь возможны проявления широкого субъективного усмотрения. Поэтому при разработке нового УК целесообразно либо формализовать процессуальное условие уголовной ответственности за мелкое хищение (установив, например, двукратную административную или общественную преюдицию), либо (этот путь представляется более предпочтительным) вообще отказаться от уголовной ответственности за мелкое хищение при отсутствии отягчающих обстоятельств, оставив только административную ответственность за такое деяние. Такой подход соответствовал бы идее дальнейшей гуманизации советского уголовного права.

Поступила в редколлегию 27.07.89

О КРИМИНАЛИЗАЦИИ РЭКЕТА

Одним из проявлений организованной преступности является рэкет. До недавнего времени случаи совершения рэкета носили эпизодический характер. Его объектом становились преимущественно дельцы теневой экономики. Однако в настоящее время потерпевшими от рэкета оказываются кооператоры, арендаторы, граждане, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью. Рэкетеры, как свидетельствует пресса, не ограничиваются только насильственным отобранием имущества. Они ищут ходы в кооперативы, деятельность которых связана с валютными операциями, пытаются проникнуть в совместные с инофирмами предприятия [8, 1989, 9 февр.]. Общество же, правоохранительные органы оказались не готовыми к эффективной борьбе с рэкетом. Определенную роль здесь играет и несовершенство уголовного законодательства.

В сложившейся обстановке наука уголовного права должна выработать рекомендации, которые могли бы быть использованы при подготовке новых УК. Представляется, что в отношении рэкета у законодателя имеется два пути: усилить ответственность за вымогательство посредством введения в его состав ряда квалифицирующих признаков и более суровых санкций; криминализовать рэкет в качестве самостоятельного преступления.

На первом направлении уже сделаны определенные шаги: УК дополнен ст. 86², изменен текст ст. 148 УК. Предусмотрена ответственность за вымогательство при таких квалифицирующих признаках, как повторность, совершение преступления по предварительному сговору группой лиц либо организованной группой, совершение его с применением физического насилия особо опасным рецидивистом, причинение вымогательством крупного ущерба или иных тяжких последствий. Соответственно усилены и санкции, в частности, увеличен до десяти лет срок лишения свободы за данное преступление, предусмотрена конфискация имущества.

Словари определяют рэкет как крупный шантаж, вымогательство, запугивание, насилие, применяемое бандами гангстеров [7, с. 1149; 6, с. 617]. Именно такое понимание рэкета мыслимо путем внесения квалифицирующих признаков в существующий состав вымогательства. Выделение же трактуемого так рэкета в самостоятельный состав преступления исключается, поскольку оно вносит неясность в соотношение данного преступления с вымогательством и бандитизмом.

Однако следует отметить, что криминализация рэкета как отдельного преступления более предпочтительна, ибо он существует как самостоятельное, качественно отличное от вымогательства и других корыстных насильственных преступлений посягательство.

В общих чертах суть его состоит в том, что потерпевший подвергается не эпизодическому корыстно-насильственному воздействию, как при вымогательстве, насильственном грабеже, разбое или бандитизме, а более или менее длительному, постоянному и жесткому прессингу. Это, в частности, выражается в форме обложения потерпевшего своего рода налогом, оброком, обеспечиваемым физическим или психическим насилием, сопряженным зачастую с применением оружия, общеопасных предметов, изощренных пыток и т. п. Но не только состояние потерпевшего при рэкрете отличается своеобразием. Специфично и положение самого рэкретира. Его можно сравнить с состоянием лица, совершающего длящееся преступление. Рэкретир, в отличие от вымогателя, грабителя, разбойника, не время от времени, а постоянно пребывает в «преступном» состоянии, которое может длиться месяцы и годы. В этом смысле он больше напоминает бандита. Небезынтересно, что английское слово *gask*, от которого, по всей видимости, и произошел термин «рэкет», означает «разорение», «эксплуатировать» [1, с. 537]. Это слово характеризует положение рэкретира и потерпевшего: один разоряет, эксплуатирует, другой — разоряется. Да и само слово *gasket* в одних значениях характеризует состояние потерпевшего («напряжение», «испытание»), а в других — рэкретира («афера», «легкий заработок»). Слово же «рэкретир» (*gasketeer*) переводится как профессиональный вымогатель, бандит. Этим как бы определяется не случайная, периодическая природа его деятельности, а более или менее постоянная, приобретающая профессиональный характер. Наконец, существующее в английском языке слово *gasketeering* переводится как организованная уголовная деятельность [3, с. 291].

О своеобразии рэкрета по сравнению с вымогательством свидетельствует и такой признак, как наличие организованной группы лиц, сплотившейся для систематического занятия насильственным истребованием имущества и иных имущественных выгод. В данном смысле рэкет напоминает бандитизм. Однако в отличие от последнего рэкет может совершаться и без оружия. Далее, бандитизм не исключает эпизодичности нападений, осуществляемых бандой, причем, возможно, на разные объекты. Что же касается рэкрета, то его признаком выступает постоянное, непрерывное воздействие на определенный, как правило, один и тот же круг потерпевших. Наконец, рэкет возможен и без нападения. Более того, рэкретир может вообще не входить в непосредственный контакт с потерпевшим, общаясь с ним письменно, по телефону и т. д., что не характерно для бандитизма.

Изложенное позволяет утверждать, что рэкет — это самостоятельная, отличная от известных советскому уголовному праву форма корыстно-насильственной преступной деятельности, заключающаяся не в эпизодическом, а непрерывном, как правило, длительном, организованном групповом воздействии на потерпевшего. Поэтому необходима его самостоятельная криминализация, что будет соответствовать основным направлениям уголовной по-

литики, провозглашающей наряду со всемерным смягчением уголовной репрессии за случайные, не являющиеся тяжкими преступления, неослабную борьбу с тяжкими, преднамеренными посягательствами, к числу которых и относится рэкет.

Известно, что всякое новое понятие, вводимое в уголовный закон, должно быть в нем же и определено [5, с. 238]. С учетом отмеченных признаков рэкета возможно следующее, естественно, не претендующее на законченность его законодательное определение. Рэкет — это организация преступной группы с целью систематического получения чужого имущества, права на имущество или иной имущественной выгоды путем насилия над потерпевшим или его близкими, уничтожения или повреждения их имущества, либо под угрозой совершения таких действий, либо распространения сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне, а равно участие в таких группах.

При этом в качестве квалифицирующих признаков рэкета следует выделить специальный рецидив, использование оружия, взрывчатых, отравляющих и иных общеопасных предметов, причинение тяжких последствий, а также совершение его особо опасным рецидивистом.

Криминализация рэкета ставит вопрос, к числу каких преступлений отнести его в системе Особенной части УК. Здесь возможны два варианта: признание его имущественным преступлением или преступлением против общественной безопасности. Такой дуализм объясняется комплексностью, сложностью состава рэкета, в частности, множественностью объектов, которые он нарушает (собственность, общественная безопасность). Попытки дать «единственно правильный» ответ на вопрос о месте сложных составов в системе Особенной части УК пока еще безрезультатны [4, с. 156].

Предпочтительней, на наш взгляд, первый вариант. Он более соответствует традициям классификации составов в советском уголовном праве. Но такое решение вопроса целесообразно при условии, что законодатель объединит все посягательства против собственности в одной главе «Имущественные преступления» [2, с. 148].

Если же имущественные преступления не будут выделены в самостоятельную главу, то рэкет следует отнести к преступлениям против общественной безопасности, определив ему место в главе об этих преступлениях рядом с бандитизмом. Аргументы в пользу такого решения следующие. Несмотря на персонифицированный характер насилия и угроз, каждый случай рэкетирования приобретает большой резонанс. Причем не только в непосредственном окружении потерпевшего (семья, близкие, члены кооператива, партнеры по деловым связям и т. п.), но и в определенной местности в целом. Рэкет нарушает не только личную безопасность, подобно вымогательству, но и общественную, сближаясь тем самым с бандитизмом, т. е. безопасность неопределенного круга граждан, вселяя в них тревогу, страх, неуверенность в

сохранении своей неприкосновенности. Кроме того, при систематическом изъятии у потерпевших денежных средств или имущества, нажитых преступным путем, рэкетеры не причиняют ущерба личной собственности, ибо таковая по поводу указанного имущества не возникает. Это — неосновательное обогащение, не охраняемое правом личной собственности.

Несмотря на всю опасность рэкета, данное деяние должно признаваться менее тяжким, чем бандитизм, ибо оно, во-первых, может совершаться без применения оружия; во-вторых, не всегда предполагает открытое нападение на потерпевших. Рэкет может облекаться в весьма «мягкие» формы, когда имущественные требования и сама угроза высказываются «вежливо», намеками, напоминанием о необходимости уплаты очередного платежа и т. д. Указанные обстоятельства следует учитывать при конструировании в законе санкции за рэкет. По степени строгости она должна занимать положение между санкцией за вымогательство и бандитизм. Представляется, что за неквалифицированный рэкет целесообразно установить наказание в виде ареста на срок до трех месяцев или лишения свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом в размере от трехсот до пяти тысяч рублей; за квалифицированный рэкет — лишение свободы от пяти до восьми лет с конфискацией имущества.

Наконец, необходимо сказать о введении в текст закона самого слова «рэкет», иностранного по своему происхождению. Противникам использования таких слов нелишне напомнить, что текст действующего закона изобилует иностранными терминами (шантаж, диверсия, бандитизм, контрабанда, аборт, хулиганство и т. д.). Кроме того, слово «рэкет» прочно вошло в общеупотребительный язык и появление его в УК, как и установление самостоятельной ответственности за данное преступление, усилит борьбу с ним и будет иметь большое общепредупредительное воздействие.

Список литературы: 1. *Англо-русский экономический словарь*. М., 1954. 2. *Бажанов М. И.* О системном подходе в оценке уголовного законодательства о преступлениях против социалистической собственности (Актуальные проблемы юридической науки). Х., 1985. 3. *Большой англо-русский словарь*. М., 1972. Т. 2. 4. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 5. *Основания уголовно-правового запрета*. М., 1982. 6. *Словарь иностранных слов*. М., 1954. 7. *Советский энциклопедический словарь*. М., 1983. 8. *Известия*.

Поступила в редколлегия 12.06.89

Е. Л. СТРЕЛЬЦОВ, канд. юрид. наук
Одесса

К ОЦЕНКЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кардинальные изменения, осуществляемые в экономике, требуют глубокого изучения диалектики общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества. Большая роль в исследова-

нии указанных проблем отводится междисциплинарному подходу. И хотя важность междисциплинарных исследований давно обоснована, они признаны и практикуются, все же в изучении взаимодействия экономики, политики и права данный подход еще не получил, как представляется, должного применения и развития даже в объеме, необходимом с точки зрения объективных условий и общественных интересов. В результате справедливыми являются высказываемые в адрес правовой науки упреки в том, что она отстает от общественной практики и не всегда способна своевременно интегрировать в отраслевые правовые нормы экономические требования. С другой стороны, попытки осуществить такого рода исследования нередко критически трактуются как чрезмерное увлечение экономикой в правовых работах.

Исходя из изложенного, следует подчеркнуть, что различные, в том числе и уголовно-правовые концепции, должны строиться по возможности одновременно с формулированием политико-экономических решений. Только таким образом могут быть созданы реальные предпосылки для своевременного нормативного выражения и закрепления тех средств, методов и способов, с помощью которых планируется достижение поставленных целей общественного развития [7, с. 31]. Следовательно, правовая наука должна быть мобильной, оперативно анализировать любые изменения, происходящие в обществе, систематически изучать данные других наук. Сказанное в полной мере относится и к уголовно-правовой науке. Понятно, что полученные при этом результаты могут иметь различные «выходы» в уголовно-правовую теорию и практику. Целью настоящей статьи является исследование одной из указанных проблем. Суть ее заключается в том, что многие преступления, совершаемые в настоящее время в экономике, в силу целого ряда объективных условий приобретают качественно новую негативную окраску.

Следует иметь в виду, что многие отрицательные тенденции в отечественной экономике вытекают не из сущности социализма как развивающегося строя, а из непоследовательной, неверной реализации многих его принципов. Поэтому основное внимание при осуществлении радикальной экономической реформы уделяется преобразованию хозяйственного механизма [3, с. 3—8]. В настоящее время экономика нуждается в мощном хозяйственно-организационном импульсе, способном преодолеть инерцию экстенсивного развития. В этой связи возрастает «традиционная» опасность хозяйственных преступлений — причинение вреда интересам народного хозяйства, нормальному развитию и функционированию его отраслей [5, с. 4].

Однако сложность и взаимосвязь всех процессов, происходящих в экономике, обуславливают особое внимание к тем негативным последствиям хозяйственных преступлений, которые, строго говоря, «выходят» за рамки собственно хозяйственного механизма. Это не означает, что тем самым затушевываются обоснованные выводы о родовом объекте хозяйственных преступлений

[6, с. 15—19]. Речь идет о попытке совершенствования форм и методов борьбы с общественно опасными деяниями в сфере экономики на системной основе, установления возникающей взаимозависимости результатов уголовно-правовой борьбы с преступлениями определенной группы и смежных с ними группами преступлений и т. д. Анализируемые последствия в социально-экономической сфере нередко взаимосвязаны. Представляется, что более четкий их анализ требует определенной дифференциации.

Фундаментом нашей экономики, ядром производственных отношений является социалистическая собственность на средства производства. Однако отношения социалистической собственности реализуются не непосредственно, а с помощью хозяйственного механизма. От того, насколько совершенным является хозяйственный механизм, в решающей мере зависит успешное использование потенциальных преимуществ социалистической собственности. И, напротив, любые нарушения порядка осуществления хозяйственной деятельности, и в первую очередь хозяйственные преступления, могут оказать существенное негативное влияние на нормальное функционирование отношений социалистической собственности. Необходимо отметить, что преступления против социалистической собственности, в свою очередь, могут оказывать отрицательное воздействие на процесс хозяйствования. Наличие такой связи позволяет предположить, что в плане причинения вреда экономике эти преступления, будучи тесно взаимосвязанными, могут «приближаться друг к другу или даже пересекаться по условно обозначаемым вторичным общественно опасным последствиям» [2, с. 15]. Приведенные соображения, которые при необходимости можно развить и расширить, могут служить дополнительным аргументом в пользу целесообразности выделения в системе Особенной части уголовного права отдельного раздела, предусматривающего ответственность за преступления против экономики, в который в качестве самостоятельных должны войти главы, содержащие ответственность за преступления против социалистической собственности и хозяйственные преступления.

Существует еще один немаловажный аспект рассматриваемой проблемы. Это негативное влияние хозяйственных преступлений на распределительные отношения. Нет сомнений в том, что последние представляют большой интерес для всей юридической науки, хотя, по существу, мы только приступаем к их изучению. По мнению специалистов, юридической наукой практически не исследованы распределительные отношения в целом как система, как обособленный предмет. Хотя и здесь следует иметь в виду, что в многослойный экономический фундамент наряду с производством входят и распределительные отношения как самостоятельный, обособившийся от производственных отношений, второй по исторической и социальной значимости пласт общественных отношений, оказывающий комплексное воздействие на право и подвергающийся, в свою очередь, его обратному многоплановому

регулятивному воздействию [1, с. 5]. До недавнего времени уголовно-правовая теория и практика трактовали проблему охраны распределительных отношений упрощенно. В основном это касалось корыстных посягательств на социалистическую и личную собственность, других преступных деяний, связанных с незаконным обогащением. Не здесь ли кроется причина того, что уголовно-правовая борьба со многими, и в первую очередь целым рядом хозяйственных преступлений, по существу, только декларировалась. Такое положение наряду с серьезным нарушением распределительных отношений порождало нигилизм к уголовно-правовым предписаниям и практике их применения. Конечно, дать исчерпывающий ответ или предложить окончательное решение пока не представляется возможным. Однако очертить спектр вопросов для дискуссии, привлечь внимание к отдельным сторонам указанной проблемы сегодня необходимо.

Существуют различные пути развития и совершенствования распределительных отношений. Однако предпринимаемые усилия окажутся малоэффективными, если потребительский рынок не будет насыщен разнообразными товарами и услугами. Основную роль здесь играют государственное производство и сфера услуг. Существенным дополнением должны стать индивидуальная трудовая деятельность и кооперативное движение. Следовательно, в углубленном и детальном анализе нуждается весь комплекс проблем, связанных с совершенствованием уголовно-правовой борьбы с целым рядом хозяйственных преступлений. Наиболее актуально это по отношению к двум подгруппам преступлений в сфере услуг и сфере индивидуальной хозяйственной деятельности. Ситуация с изучением проблем развития последней сферы и кооперативов осложняется тем, что в отличие от государственной сферы услуг они могут «участвовать» в стадии не только реализации и перераспределения доходов, но и первичного их поступления [4, с. 41].

Решение рассматриваемого комплекса проблем поможет дать ответы на вопросы: насколько точно отражены в уголовно-правовых предписаниях изменения, происходящие в сфере распределительных отношений, в конкретных отраслях хозяйственной деятельности и, следовательно, насколько обоснованы и реальны осуществляемые процессы криминализации и декриминализации. В теоретическом плане это будет способствовать совершенствованию системы Особенной части уголовного права и четкой классификации преступлений внутри глав УК, конкретности формулировок статей Уголовного кодекса, а в целом — качественному улучшению практики применения уголовно-правовых норм, повышению эффективности профилактических мероприятий.

Список литературы: 1. *Барабашева Н. С., Вагнеров А. Б.* Право и распределение. М., 1988. 2. *Лихачев В. А.* Роль уголовного права в защите национальной экономики развивающихся стран. М., 1983. 3. *Покровский В. А.* Хозяйственная перестройка (организованный аспект). М., 1989. 4. *Ракитинский Б. В., Шохин А. Н.* Закономерности формирования и реализации трудовых доходов

В. Н. КИРИЧКО, канд. юрид. наук

Харьков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ч. 2 ст. 155² УК УССР

Часть 2 ст. 155² УК УССР предусматривает уголовную ответственность за *неоднократное* получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения (поборы). Согласно постановлению Президиума Верховного Совета Украинской ССР «О порядке применения статьи 155² Уголовного кодекса УССР» от 24 сентября 1981 г. под *неоднократностью* следует понимать совершение таких действий не менее двух раз, если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо одновременное получение незаконного вознаграждения от двух или более граждан, либо получение незаконного вознаграждения лицом, которое ранее было судимо за аналогичное преступление и судимость с которого не снята и не погашена в установленном законом порядке [1, 1981, № 40, ст. 664]. В связи с этим в судебной практике возникли значительные затруднения при трактовке одновременного получения незаконного вознаграждения от двух или более лиц. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что *неоднократным* следует считать и «одновременное получение незаконного вознаграждения от нескольких граждан либо от одного из них, передавшего обусловленное вознаграждение виновному, если последний сознавал, что выполняет конкретную работу или оказывает определенную услугу в интересах каждого из граждан (например, перевозка в такси одновременно нескольких пассажиров за дополнительную оплату)» [4, с. 657]. Однако и ныне данный вопрос окончательно не решен. Одновременное получение незаконного вознаграждения от двух или более лиц постановление Президиума Верховного Совета УССР относит к *неоднократности*. Это означает, что ему должны быть присущи: 1) некоторые общие, родовые признаки *неоднократности*; 2) признаки, указывающие на его особенности, отличающие его от других видов *неоднократности*. Рассмотрим эти признаки.

Неоднократность представляет собой разновидность повторности преступлений [3, с. 57—62], т. е. здесь всегда совершаются два и более преступления с разрывом во времени. Разновременность совершения преступлений свидетельствует об определенной устой-

чивости антиобщественных взглядов виновного, повышенной его общественной опасности. Именно она указывает на необходимость усиления наказания.

Поскольку объективную сторону состава поборов образуют два действия — вымогательство и получение незаконного вознаграждения — в своем единстве, то при неоднократности должно быть совершено два или более раза с разрывом во времени каждое из таких действий. Это общее правило, вытекающее не только из понятия неоднократности, но также из буквального толкования части 2 ст. 155² УК, где говорится именно о действиях (а не действиях), совершенных неоднократно. Однако, используя право толкования закона, Президиум Верховного Совета республики сделал из данного правила исключение, указав, что собственно получение незаконного вознаграждения может быть и одновременным (однократным). Вымогательство же вознаграждения в таких случаях должно совершаться неоднократно. В противном случае, если вымогательство вознаграждения и его получение однократно, деяние в целом нельзя признать неоднократным, если даже действия совершаются в отношении двух или более граждан. Следовательно, одновременное получение незаконного вознаграждения от двух или более лиц должно характеризоваться наличием двух или более актов вымогательства, между которыми имеется известный разрыв во времени. Этот вид неоднократности отличают два признака. Во-первых, незаконное вознаграждение получено *от двух или более граждан*. В практике данный признак нередко понимается как фактическое причинение материального ущерба нескольким гражданам, с чем согласиться нельзя. Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 155² УК УССР, является не личная собственность, а общественные отношения по поводу выполнения работ и услуг предприятиями, учреждениями, организациями сферы обслуживания населения. Исходя из этого, названный признак необходимо понимать как получение незаконного вознаграждения от двух или более граждан-заказчиков. Это граждане, которые заключили соглашение с предприятием, учреждением, организацией на выполнение для них работы или услуги, а равно осуществили действия, непосредственно направленные на его заключение. Лишь такие лица находятся, так сказать, в сфере объекта данного преступления и увеличение их числа в рассматриваемом смысле означает более серьезное причинение вреда объекту. Данный признак отсутствует, когда гражданин, например, уплачивая незаконное вознаграждение таксисту, обращается за деньгами к своим друзьям, знакомым или другим лицам, которым данная услуга непосредственно не оказывается. И, напротив, этот признак имеется, когда за всех граждан, которым оказывается услуга, уплачивает вознаграждение один из них. Последние случаи в литературе предложено квалифицировать в зависимости от взаимоотношений между лицами, которым оказывается услуга. Если между ними имеются отношения родства, товарищества или знакомства,

неоднократность отсутствует [2, с. 57—58]. Данная рекомендация необоснованна, ибо указанные обстоятельства, очевидно, никак не связаны с объектом поборов.

«Аналогичный» рассматриваемому вид неоднократности выделяется и применительно к получению взятки (ч. 2 ст. 168 УК). Пленум Верховного Суда СССР указал, что одновременное получение взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из взяткодателей совершается отдельное действие, следует квалифицировать как преступление, совершенное неоднократно [4, с. 678]. Суды иногда необоснованно полагают, что и при поборах обязательно совершение в интересах каждого из уплачивающих вознаграждения отдельного действия. В частности, такого рода мотивировка встречается при квалификации получения водителем такси незаконного вознаграждения от нескольких пассажиров за перевозку их в одном направлении. Однако в практике взятка получается должностным лицом преимущественно за действия противоправные. И понятно, что количество последних находится в прямой зависимости с вредом, причиняемым объекту преступления. При поборах же незаконное вознаграждение получается за правомерные действия по удовлетворению законных интересов граждан. Здесь своеобразной «единицей измерения» ущерба выступает отдельный правомерный интерес гражданина в выполнении для него работы или услуги, реализация которого затрудняется вследствие противоправных действий виновного. Чем большему числу граждан последний создает препятствие в получении услуги, тем больший ущерб причиняется объекту преступления. Например, хотя водитель такси получает незаконное вознаграждение за перевозку нескольких граждан в одном направлении, он причиняет вред их правоохраняемым интересам в получении каждой услуги. Такие действия более общественно опасны и содержат названный признак неоднократности.

Вторым отличительным признаком рассматриваемого вида неоднократности является *одновременность* получения собственно незаконного вознаграждения. Она может проявляться: а) в получении незаконного вознаграждения от двух или более граждан поочередно с очень малым промежутком времени, исчисляемым, как правило, несколькими минутами. (Например, Суворовским районным народным судом г. Херсона водитель Т. был осужден по ч. 2 ст. 155² УК за поборы с девяти граждан за перевозку картофеля. При этом Т. вымогал незаконное вознаграждение в местах жительства граждан (неоднократно), а получил его после перевозки одновременно: поочередно от каждого гражданина с интервалом в несколько минут и даже менее [7]); б) в получении незаконного вознаграждения непосредственно от одного гражданина, уплатившего также за других — по их просьбе или по своей инициативе: с намерением рассчитаться с ними впоследствии или без такового. Квалификация указанных действий водителя Т. не изменилась бы в случае получения незаконного вознаграждения

непосредственно от одного пассажира, предварительно собравшего деньги у остальных либо уплатившего за всех свои деньги, если эти обстоятельства виновным осознавались.

Таким образом, одновременное получение незаконного вознаграждения от двух или более граждан как вид неоднократности характеризуется следующими признаками: 1) *совершением субъектом двух или более отдельных актов вымогательства с разрывом во времени*; 2) *незаконное вознаграждение получено от двух или более граждан-заказчиков*; 3) *одновременностью получения собственно незаконного вознаграждения*.

В практике встречаются такие поборы, которые под понятие неоднократности не подпадают, но часто квалифицируются по этому признаку. Купянским районным народным судом Харьковской области был осужден по ч. 2 ст. 155² УК водитель Б., который получил путем вымогательства 25 р. от четырех граждан за доставку им котлов для отопления. При этом Б. требовал незаконное вознаграждение у всех граждан одновременно, а получил его в пути следования от одного из них, передавшего ранее обусловленную всеми заказчиками сумму [6]. С признанием здесь неоднократности согласиться нельзя, поскольку вымогательство было однократным. Вместе с тем подобные действия также обладают повышенной общественной опасностью, ибо создают угрозу причинения вреда нескольким потерпевшим. Более общественно опасен и субъект преступления: ради достижения своих эгоистических целей он готов причинить вред правоохраняемым интересам многих граждан, пренебрегая при этом возросшей опасностью изобличения, что свидетельствует о большей его «испорченности», антисоциальной направленности. В данном случае однократное вымогательство проявлялось в непосредственном воздействии на многих граждан. Но такой же характер имеют преступные действия и при доведении названной угрозы до сознания одного гражданина, действовавшего по поручению или по своей инициативе в интересах остальных заказчиков. Так, водитель такси Л. был привлечен к ответственности за неоднократное совершение поборов. Он получил путем вымогательства незаконное вознаграждение от гражданина Г. за перевозку его совместно с тремя гражданами. Характерно, что вымогательство совершалось непосредственно в отношении одного гражданина, действовавшего по поручению других; Г. уплатил за проезд своими деньгами. Дзержинский районный народный суд г. Харькова, рассмотрев данное дело, переqualificировал действия Л. с ч. 2 на ч. 1 ст. 155² УК, указав, что Г. сам договорился о перевозке четырех человек, которые между собой знакомы, и сам производил оплату за всех [5].

С точки зрения действующего закона, решение суда является правильным, но приведенные аргументы следует уточнить. Действия Л. не образуют неоднократности именно потому, что вымогательство было однократным. В то же время такие деяния также обладают повышенной общественной опасностью как создающие

угрозу неоказания услуги многим гражданам. Поскольку рассмотренные случаи поборов понятием неоднократности не охватываются, но несомненно так же общественно опасны, целесообразно дополнить ч. 2 ст. 155² УК новым квалифицирующим признаком: создание лицом угрозы невыполнения или ненадлежащего выполнения работы или услуги в отношении двух и более граждан. Можно предложить следующую редакцию закона: «Те же действия, совершенные с угрозой невыполнения или ненадлежащего выполнения работы или услуги в отношении двух и более граждан».

Список литературы: 1. *Ведомости* Верховного Совета УССР. 2. *Иванов Ю. А., Скаредов Г. И.* Интересы покупателя и заказчика — под охраной закона. М., 1984. 3. *Малков В. П.* Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. 4. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1987.* М., 1988. 5. *Архив народного суда Дзержинского р-на г. Харькова.* 1982. Дело № 1—106. 6. *Архив народного суда Купянского р-на г. Харькова.* 1983. Дело № 1—213. 7. *Архив народного суда Суворовского р-на г. Херсона.* 1983. Дело № 1—30.

Поступила в редколлегию 29.06.89

М. М. МОСЕСОВ

Тбилиси

ПОВТОРНОСТЬ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ТОРГОВЛИ

Часть 2 ст. 169³ УК ГССР (ч. 2 ст. 155³ УК УССР) предусматривает такой квалифицирующий признак нарушения правил торговли, как повторность. В юридической литературе уже отмечалось, что для признания повторности нарушения правил торговли законодатель не требует тождественности действий, указанных в диспозиции ст. 169³ УК ГССР [1]. Это означает, что повторность имеет место, если лицо в любой последовательности совершает два и более нарушений правил торговли, причем в любой форме, описанной в диспозиции ст. 169³ УК.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 марта 1983 г. по данной категории дел указано, что деяние должно квалифицироваться как повторное, когда оно совершено лицом, которое ранее было судимо за такое же преступление и судимость с которого не снята и не погашена в установленном законом порядке, а также в случаях, когда продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий (организаций) торговли или общественного питания либо сокрытие товаров от покупателей совершены виновным два или более раза в любом сочетании, если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Уточняя круг преступных действий, образующих повторность, Пленум разъяснил, что повторными, в частности, следует считать и действия

лица, виновного в одновременном сокрытии товаров, полученных со склада (базы) по двум и более накладным, или в незаконной продаже товара в одно время и сокрытии товара в последующее время, а также в продаже товаров с нарушением правил торговли в разное время хотя бы одному и тому же лицу либо одновременно нескольким лицам [5, 1983, № 2, с. 17].

Повторность нарушений правил торговли исключается, когда действия виновного образуют продолжаемое преступление, понятие которого дано в Основах. В соответствии с ч. III ст. 20 Основ им признается преступление, складывающееся из ряда одинаковых преступных действий, которые имеют общую цель, охватываются единым умыслом и составляют в своей совокупности одно преступное деяние. Продолжаемое преступление, как отмечает П. С. Матышевский, характеризуется четырьмя основными признаками: единством объекта, тождеством действий, наличием общей цели и единством умысла [2, с. 96]. Отличие повторности от продолжаемого преступления в рассматриваемом составе следует искать именно в этих признаках.

Не вызывает сомнения, что все описанные в постановлении Пленума Верховного Суда преступные действия имеют единый объект.

В широком смысле здесь можно говорить и о тождественности действий, поскольку они охватываются единым составом, единым понятием — «нарушение правил торговли». Формы такого нарушения могут быть различны, и для наличия продолжаемого преступления их тождества не требуется. Продолжаемое преступление при наличии других необходимых условий может, таким образом, состояться из различных сочетаний конкретных форм нарушений правил торговли, которые указаны в диспозиции ст. 169³ УК ГССР. К подобным ситуациям в полной мере можно отнести суждение А. А. Пионтковского о том, что продолжаемыми преступлениями являются те преступления, которые складываются из двух или же нескольких преступных действий, каждое из которых заключает в себе признаки одного и того же состава преступления вследствие единства конечного преступного результата [3, с. 633].

Следовательно, при продолжаемом нарушении правил торговли понятием тождества преступных действий могут охватываться преступное сокрытие и преступная продажа товаров, совершенные два или более раза, в любом сочетании, если они образуют единое преступление.

Из указанного постановления Пленума Верховного Суда СССР можно выделить четыре варианта, когда в действиях лица, ранее не судимого за нарушение правил торговли, будут признаки повторности [4]: два и более факта незаконной продажи товаров; два и более факта сокрытия товаров; незаконная продажа товаров и сокрытие их; сокрытие товаров и незаконная их продажа.

Рассмотрим подробнее эти варианты. Суды в основном правильно применяют уголовный закон, когда имеются два и более

факта незаконной продажи. Так, за нарушение правил торговли, выразившееся в одновременной продаже из-под прилавка товаров нескольким лицам (своим знакомым), народным судом Сабурталинского района г. Тбилиси продавец Н. осуждена по ч. 2 ст. 169³ УК ГССР к лишению свободы сроком на один год и шесть месяцев [5, 1984, №4, с. 36].

Однако некоторые суды не усматривали повторности в действиях, выразившихся в разновременной незаконной продаже товаров разным лицам. Так, например, Усинский районный народный суд Коми АССР переqualificировал с ч. 2 на ч. 1 ст. 156³ УК РСФСР (ст. 169³ УК ГССР) действия заведующей магазином С., которая в разные дни продала двум гражданам ювелирные изделия из золота в своем служебном кабинете [5, 1984, № 4, с. 36]. А., работая кладовщиком склада электротоваров, продал из корыстной заинтересованности разным лицам различные электротовары на сумму 3398 р. 80 к. Несмотря на то что в действиях А. имеется повторность, народный суд Кировского района г. Тбилиси квалифицировал указанные действия по ч. 1 ст. 169³ УК ГССР [6].

Отметим, что повторность образует также незаконная продажа товаров в разное время одному и тому же лицу. Повторными следует считать и действия лица по сокрытию товаров при наличии двух условий: разницы во времени между эпизодами сокрытия и сокрытия товаров, полученных по двум и более накладным. Повторность отсутствует в случае, когда сокрытие полученных, например, с оптовой базы по одной накладной товаров, осуществляется в несколько приемов. Здесь имеется одно продолжаемое преступление, объединенное общей целью и единством умысла.

Из материалов рассмотренных уголовных дел видно, что некоторые суды неправильно исключают повторность, когда действия лиц выражаются в разновременном сокрытии товаров, полученных в разное время по разным накладным. Так по ч. 1 ст. 169³ УК был осужден С., который, работая поваром в столовой, перепрятал в подсобном помещении столовой полученные в разное время и по разным накладным продукты питания на сумму 436 р.

Сочетание незаконной продажи и сокрытия товаров образует повторность лишь в том случае, если указанные два действия образуют самостоятельные акты, не объединенные общей целью и единством умысла. Повторность, например, имеется, когда в одном эпизоде преступно реализована одна партия товаров, а в другом — в последующее время сокрыта от покупателей вторая партия. Все содеянное в данном случае надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 169³ УК как оконченное преступление, совершенное повторно.

Однако судебная практика свидетельствует, что суды не всегда еще правильно квалифицируют подобные случаи нарушения правил торговли. Несмотря на то что буфетчица столовой М. продала из подсобного помещения своим знакомым мясные про-

дукты, а через несколько дней скрыла от покупателей колбасные изделия и сигареты, но незаконно продать эти товары не успела, ее действия были квалифицированы не как оконченное преступление, а как покушение на повторное нарушение правил торговли [5, 1984, №4, с. 36].

Если же виновный, незаконно продав товар из подсобного помещения, одновременно продолжает укрывать от покупателей из корыстной или иной личной заинтересованности аналогичные или другие товары, полученные в одно время или по одной накладной, повторность исключается. Здесь оба действия направлены к общей цели, охватываются единым умыслом виновного и являют собой единое продолжаемое преступление. Так, К., работая буфетчиком в столовой, продал из подсобного помещения 10 пачек сигарет на сумму 4 р. В подсобке были обнаружены перепрятанные на сумму 315 р. 20 к. сигареты различных марок. К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169³ УК ГССР, выразившегося в преступной продаже и преступном сокрытии товаров [7].

Если лицо совершило сокрытие одного товара, а затем преступно продало другой товар, имеет место нарушение правил торговли, совершенное повторно. В данном случае у виновного отсутствует единый умысел, характерный для продолжаемого преступления, так как, сокрыв один товар, т. е. совершив самостоятельный акт преступления, виновный в последующем решает на совершение другого преступления, выразившегося в преступной продаже другого товара. Но сокрытие одного товара, полученного по одной накладной, с целью его незаконной продажи и продажа со склада не образуют повторности, поскольку в данном случае реализован единый умысел на нарушение правил торговли.

В практике зачастую возникает вопрос: можно ли считать повторным нарушение правил торговли лицом, освобожденным от уголовной ответственности за ранее совершенное аналогичное преступление. В настоящее время этот вопрос решен в Основах так: «Преступление не считается повторным, если за ранее совершенное преступление лицо, их совершившее, освобождено от уголовной ответственности, либо по приговору суда освобождено от наказания...» (ч. II. ст. 20).

Из сказанного вытекает, что в судебной практике имеются существенные различия по поводу трактовки понятия повторности, что обусловлено разными точками зрения, определенными сложностями при отграничении повторных и продолжаемых нарушений правил торговли. Все это препятствует единообразному применению закона.

Поэтому представляется, что более суровая ответственность за нарушение правил торговли должна наступать лишь в случае их совершения лицом, ранее судимым за такое преступление, если эта судимость не погашена или не снята в установленном законом порядке. В данной связи считаем целесообразным диспози-

цию ч. 2 ст. 169³ УК ГССР изложить примерно в следующей редакции: «Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за такое же преступление...»

Список литературы: 1. *Вольфман Г. И.* Ответственность за преступления против советской торговли. Саратов, 1988. 2. *Матышевский П. С.* Ответственность за преступления против социалистической собственности. М., 1983. 3. *Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права. Учение о преступлении. М., 1961. 4. *Ширяев П. О.* О квалификации нарушений правил торговли // Сов. юстиция. 1985, № 1. 5. *Бюл. Верховного Суда СССР.* 6. *Архив* нарсуда Кировского р-на г. Тбилиси. 1986 г. 7. *Архив* нарсуда р-на им. 26 бакинских комиссаров г. Тбилиси. 1983 г.

Поступила в редколлегию 17.07.89

В. П. ТИХИЙ, д-р юрид. наук
Харьков

СОЗДАНИЕ ОПАСНОСТИ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Преступления против общественной безопасности, нарушая правила обращения с источниками повышенной опасности, создают реальную общую опасность причинения ими тяжкого вреда социалистическим общественным отношениям. И хотя некоторые из них (например, предусмотренные ст. 224—225 УК), а также квалифицированные виды указанных посягательств (например, установленные в ч. 2 ст. 221—221¹ УК) требуют фактического причинения вреда таким благам, как жизнь, здоровье или имущество, однако и здесь необходимым условием наступления данных последствий выступает опасность их причинения. При этом опасность причинения вреда источниками повышенной опасности выступает как следствие нарушения именно отношений общественной безопасности. Игнорирование такого обстоятельства искажает природу преступлений против общественной безопасности, ведет к их отождествлению с предварительной преступной деятельностью против личности, собственности и других объектов уголовно-правовой охраны. Поэтому неубедительно звучат утверждения о том, что преступления против общественной безопасности сами по себе не причиняют вреда [4, с. 33], не являются общественно опасными [1, с. 268]. Вряд ли можно признать обоснованным и то, что при создании общей опасности «изменение происходит не в сфере объекта, охраняемого уголовным законом, а в конкретной обстановке, в которой совершается преступление» [5, с. 69].

Опасность, создаваемая преступлениями против общественной безопасности, является общей, ибо создается возможность одновременного разрушительного, поражающего воздействия на многие вместе взятые объекты, прежде всего, жизнь и здоровье граждан, социалистическую и личную собственность, источников

повышенной опасности. Иными словами, это опасность куммулятивного причинения вреда. Причинением же вреда этими источниками может быть как куммулятивным, так и альтернативным, т. е. как жизни или здоровью граждан, так и социалистической или личной собственности.

Рассматриваемая опасность и воспринимается всеми как общая, т. е. как опасность для любого гражданина, ибо каждый может стать потерпевшим от разрушительного воздействия источников повышенной опасности. Преступления против общественной безопасности превращают жизнь и здоровье граждан, социалистическую и личную собственность в потенциальные объекты причинения вреда.

Преступления против общественной безопасности создают опасность причинения не любого, а лишь тяжкого вреда: лишения жизни, тяжких телесных повреждений хотя бы одному человеку или средней тяжести телесных повреждений хотя бы двум лицам, существенного материального ущерба, совершения преступлений с использованием источников повышенной опасности.

Преступления, о которых идет речь, относят к так называемым деликтам создания опасности, подразделяемых на два вида: «абстрактной» и «конкретной» опасности. В первом из них объявляется наказуемым само деяние, т. е. состав преступления исчерпывается деянием и доказывать наступление последствий в виде создания опасности не требуется. Во втором же, напротив, требуется доказать не только совершение деяния, но и наступление опасности для тех или иных благ [7, с. 56—57]. Представляется, что само наименование преступлений деликтами абстрактной и конкретной опасности мало удачно. Это, видно, и привело к необоснованному тезису о том, что деликты абстрактной опасности «не причиняют реального вреда правоохраняемым интересам. Они не создают даже реальной возможности причинения вреда» [6, с. 66]. В данной связи следует признать, что понятие «деликты создания опасности» носит сугубо условный характер. Оно отражает лишь то, что определенные последствия, хотя фактически и не наступили, но в данном случае имелась реальная возможность их наступления [3, с. 69]. Думается, что оба вида деликтов опасности содержат реальную угрозу наступления вредных последствий, ибо только такая угроза и может обосновать уголовную ответственность за подобного рода деяния.

Крайне неприемлемо именование преступлений и деликтами конкретной опасности. Оно создает впечатление об опасности для конкретного лица, либо для конкретного блага, что имеет место в действительности при приготовлении или покушении на совершение того или иного преступления. Иными словами, о конкретной опасности речь должна идти лишь в том случае, когда действие лица целенаправлено на причинение вреда конкретному благу. Поэтому, если субъект наряду с созданием общей опасности, умышленно создает и конкретную опасность, его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений. На-

пример, если виновный изготовил оружие для убийства, он подлежит ответственности не только за преступление против общественной безопасности, т. е. по ст. 222 УК, но и за приготовление к умышленному убийству.

В связи с изложенным преступления против общественной безопасности целесообразно именовать деликтами явной и неявной опасности. Деликты явной опасности — это деяния, создающие очевидную опасность, опасность немедленного причинения вреда и поэтому не требующую специального ее доказывания. Деликты такого рода по своей природе столь опасны, что всегда создают угрозу причинения вреда. Деликты неявной опасности — это деяния, создающие неочевидную опасность и поэтому требующие ее доказывания в каждом конкретном случае.

В деликтах явной опасности законодатель объявляет наказуемым само деяние, т. е. состав преступления исчерпывается деянием и доказывать наступление последствий в виде создания опасности не требуется. Для деликтов неявной опасности, напротив, требуется доказывать не только совершение деяния, но и наступление опасности причинения вреда, а следовательно, и причинной связи между деянием и этой опасностью.

К деликтам, создающим явную опасность, относятся преступления, связанные с самовольным обращением с источниками повышенной опасности (например, незаконный провоз на воздушном судне взрывчатых или легковоспламеняющихся веществ, незаконная пересылка по почте или багажом взрывчатых, легковоспламеняющихся или едких веществ, незаконное приобретение, хранение, использование, передача или разрушение радиоактивных материалов и т. п.). Преступления, создающие не явную опасность, — это деяния по беспечному обращению с данными источниками (например, нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых веществ или радиоактивных материалов, небрежное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов и т. п.). При самовольном обращении с источниками повышенной опасности и причинением вреда ими существует закономерность. Она отражена и признана самим законодателем при выработке соответствующих уголовно-правовых норм, так как «правовая норма отражает не любые случайные комбинации, а лишь такие ее формы, в которых проявляется определенная общественно вредная тенденция» [2, с. 36]. В связи с этим не требуется при применении таких норм доказывать создание опасности данными деяниями. Достаточно установить сам факт незаконного обращения с источниками повышенной опасности. Самовольное обращение с источниками повышенной опасности свидетельствует о том, что создана реальная и немедленная угроза причинения ими тяжкого вреда. Поэтому эта группа сконструирована законодателем как преступления с формальным составом.

В диспозициях статей УК, предусматривающих ответственность за беспечное обращение с источниками повышенной опасности,

уже дается иная конструкция составов. Они описаны как преступления с материальным составом. И поэтому здесь необходимо устанавливать, что в данных конкретных составах деянием виновного была создана опасность причинения вреда. Это достаточно сложная задача. Дело в том, что не любое нарушение правил обращения с источниками повышенной опасности способно создать такую опасность. Так, нарушение правил хранения взрывчатых веществ, которое повлекло естественное изменение их качества, не может создавать той опасности, о которой идет речь в уголовном законе. Нарушение подобных правил, как не создавшее опасности причинения вреда, не может квалифицироваться по ст. 221 УК. Следовательно, не любое беспечное обращение с источниками повышенной опасности ведет к созданию реальной угрозы причинения тяжкого вреда. Поэтому составы данной группы преступлений против общественной безопасности требуют доказывания определенного последствия, а именно: создания опасности причинения вреда в каждом конкретном случае. Так, например, в ч. 1 ст. 228⁵ УК прямо предусмотрено, что ответственность за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов наступает лишь в случае, когда эти деяния могли повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия. В связи с изложенным необходимо дополнить и диспозицию ч. 1 ст. 221 УК аналогичным указанием, что, несомненно, будет способствовать правильному применению закона.

Следует иметь в виду, что создание опасности причинения вреда имеет место не только при совершении преступлений против общественной безопасности, но и в других случаях, например, при предварительной преступной деятельности, при совершении преступлений против личности, ставящих в опасность жизнь и здоровье, а равно и против здоровья населения. Однако при приготовлении и покушении, а также при совершении преступлений против личности, ставящих в опасность жизнь и здоровье, имеет место создание опасности для конкретных определенных общественных отношений, а в преступлениях против общественной безопасности опасность носит общий характер. При этом создается опасность поражения людей, уничтожения или повреждения материальных ценностей, а при совершении преступлений против народного здоровья существует возможность лишь постепенного, медленного действия тех или иных вредных факторов.

Список литературы: 1. Жалинский А. Э. Предупреждение преступлений в условиях НТР// Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980. 2. Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965. 3. Ляпуни Ю. И. Природа преступных последствий в деликтах создания опасности// Сибирские юридические записки. Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1974. Вып. 4. 4. Михлин А. С. Последствия преступлений. М., 1969. 5. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. 6. Угрехелидзе М. Г. Вина в деликтах опасности. Тбилиси, 1982. 7. Церетели Т. В. Деликты создания опасности// Сов. гос-во и право. 1970. № 8.

Поступила в редколлегию 23.06.89

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В условиях НТП немаловажное значение имеет проблема производственной безопасности. Отступления от нормативных предписаний и установленных требований, небрежность и недобросовестность, а также другие нарушения, имеющиеся на отдельных предприятиях, шахтах, стройках, в колхозах, причиняют серьезный вред жизни и здоровью работников, посторонних лиц, а также социалистической и личной собственности, народному хозяйству, окружающей природной среде.

Категория безопасности прочно вошла в юридический обиход, в содержание различных законов и подзаконных актов, технических норм и правил, призванных оградить общество от всякого рода опасных явлений и сил, потенциально имеющихся при осуществлении разнообразной производственной деятельности человека. Под безопасностью в широком смысле слова понимают состояние (положение), при котором отсутствует (не угрожает) опасность*. Безопасность производства — видовое понятие, состоящее из двух элементов: производства и безопасности. Под производством здесь следует считать определенное пространство (цех промышленного предприятия, стройка, шахта и т. п.), где осуществляются работы, направленные на получение материальных благ, их обмен, распределение и потребление. В ходе таких работ человек, а в ряде случаев — имущество или окружающая природная среда могут быть подвергнуты опасным или вредным воздействиям различного характера: механическим, химическим, тепловым, электрическим, электромагнитным и т. п. Для предотвращения таких воздействий необходима безопасность, т. е. такое техническое состояние процесса создания материальных благ, их обмена, распределения и потребления, при котором возможность влияния на людей, имущество и окружающую природную среду опасных и вредных производственных факторов нейтрализуется. Данное состояние устанавливается и контролируется человеком.

В зависимости от характера производственной деятельности и присущих ей опасностей, потенциалов трансформации опасностей в действительность, зон и объектов возможного поражения — безопасность производства имеет различные виды, уровни и сферы обеспечения, образующие систему отношений безопасности производства. Составным элементом такой системы являются нормы права, в том числе уголовного. Назначение последних — охрана

* Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Х., 1987. С. 8.

безопасности производства от наиболее опасных нарушений ее требований.

К видам безопасности производства относятся безопасность труда и общественная безопасность в сфере производства. Основным видом безопасности любого производства является безопасность труда. Данное состояние отражает внутреннюю безопасность производства. В нем заинтересованы его работники (рабочие, колхозники, служащие, инженерно-технический персонал, другие лица, постоянная или временная деятельность которых связана с этим производством). Ряд производств содержит угрозу (способен ее вызвать) причинения вреда также внепроизводственным интересам. Формируются они либо в сфере производства либо вокруг (около) или в результате такой деятельности. Это интересы посторонних производству лиц (их жизнь, здоровье), имущественные (сохранность от повреждения или уничтожения имущества, принадлежащего другим предприятиям, организациям, учреждениям или отдельным гражданам), экологические (чистота окружающей природной среды) и прочие. Необходимость их защиты от опасностей и определяет создание особого вида безопасности — общественной безопасности в сфере производства.

В действующем УК ответственность за нарушения правил производственной безопасности непосредственно предусмотрена в ст. 135, 218—220. В случаях нарушения на производстве требований пожарной безопасности применяется ст. 220¹, а при нарушениях правил обращения с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (взрывчатые вещества, радиоактивные материалы), — ст. 221 и 228⁵. Нормы, заключенные в этих статьях, представляют собой своеобразное комплексное образование, общим признаком которого являются отношения безопасности производства, охраняемые уголовным законом. В связи с нарушением правил производственной безопасности применяются и другие нормы УК (например, ст. 98, 105, 167, 215²). Однако отношения безопасности производства в отличие от названных выше статей УК защищаются ими лишь попутно (факультативно).

В зависимости от целевого назначения нормы, входящие в указанное образование, можно разделить на относительно автономные группы. Это нормы, обеспечивающие безопасность: труда (ст. 135); производства отдельных повышенно опасных работ (ст. 218, 219), исключительно опасных состояний (ст. 220 и 220¹), обращения с опасными веществами, предметами, материалами (ст. 221 и 228⁵). За годы действия УК УССР 1960 г. количество норм, обеспечивающих безопасность производства, возросло. Нельзя, однако, исключать и возможность их сокращения в будущем Кодексе. Важно здесь другое: в своей совокупности представленное образование должно отвечать, по крайней мере, двум требованиям: охватывать всю систему отношений безопасности производства и отражать такие ее элементы или отдельные их характеристики (величины, качества), которые определяют раз-

личия в степени общественной опасности возможных нарушений соответствующих организационных, технических и правовых требований по обеспечению безопасности. Здесь подлежат учету виды и уровни безопасности, социальные интересы и связи, сферы безопасного обеспечения, виды деятельности и источники опасности, величины возможного вреда и степени вероятности его причинения, субъекты деятельности. В своей основе указанные элементы находятся в развитии, которое обусловлено НТП. Вот почему необходимо постоянное совершенствование системы отношений безопасности производства, в том числе и норм уголовного права, ее охраняющих. Так, в связи с широким использованием в производстве, науке, и других видах человеческой деятельности радиоактивных материалов возникла потребность более тщательного упорядочения отношений радиационной безопасности, что нашло свое отражение и в уголовном законодательстве (ст. 221, 228² — 228⁵ УК). Разумеется, что НТП — лишь один из многих факторов, обуславливающих необходимость новаций в уголовном законе. Однако на создание ряда норм НТП оказывает решающее воздействие.

Анализ ст. 135, 218—221, 228⁵ УК позволяет считать, что они не во всем адекватно отражают охраняемую ими систему отношений безопасности производства, особенно тех, которые связаны с ведением повышено опасных работ и исключительно опасных производств. Работы, выполняемые на производстве, подразделяются на обычные и повышенной опасности*. Последние отличаются высокой степенью вероятности причинения вреда и характеризуются «высокой ценой» ошибки или нарушения. Обеспечение безопасности работ повышенной опасности требует создания на производстве особого организационно-технического и правового режима. Однако действующий УК имеет в виду лишь некоторые из таких работ: горные (ст. 218) и строительные (ст. 219). Что касается иных работ (например, связанных с использованием подъемных кранов, баллонов высокого давления, тока высокого напряжения), то нарушение правил безопасности их ведения квалифицируется по ст. 135 УК УССР при условии, что такие работы выполнялись вне горного или строительного производства. Вместе с тем под признаки ст. 135 УК подпадают и нарушения правил охраны труда (техники безопасности, промышленной санитарии, иных правил охраны труда) при ведении работ обычной опасности. Такое несоответствие нуждается в устранении, хотя бы путем выделения специальной нормы, где была бы предусмотрена более строгая ответственность за нарушение правил безопасности при ведении работ повышенной опасности. Перечень таких работ содержится в нормативно-технических актах, а при необходимости вопрос о повышенной опасности работ может быть решен с помощью специалиста или эксперта. Поэтому в диспози-

---

* Котик М. А. Психология и безопасность. Таллинн, 1981, С. 46—47.

ции предлагаемой нормы можно ограничиться примерным указанием таких работ.

В серьезных изменениях нуждаются нормы, содержащиеся в ст. 218—219 УК. Анализ нарушений правил безопасного ведения горных и строительных работ, правил техники безопасности при их производстве показывает, что такие деяния причиняют ущерб, как правило, безопасности труда. Причем не только при работах повышенной, но и обычной опасности, которые также имеют место в горном и строительном производствах. Кроме того, нарушение некоторых правил безопасности способно причинить ущерб как безопасности труда, так и общественной безопасности в сфере производства этих работ либо только последней группе отношений. Поэтому представляется целесообразным расчленить нормы, заключенные в ст. 218—219 УК, на три составляющие, с последующим объединением каждой из них с иными нормами, более близкими им по содержанию, либо конструированием их в качестве самостоятельных статей УК. Основанием такого расчленения являются различные виды и уровни безопасности. Так, деяния, сопряженные с нарушением работ обычной опасности, следует отнести к общей норме, которая бы обеспечивала безопасность труда независимо от вида производства или иной трудовой деятельности. Для деяний, соединенных с нарушением работ повышенной опасности при производстве горных и строительных работ, возможно объединение их в статью, которая бы предусматривала более строгую ответственность. Причем нарушение производства горных и строительных работ должно быть прямо указано в диспозиции среди примерного перечня работ повышенной опасности. Другие нарушения даже в сфере горного или строительного производства должны влечь ответственность наряду с иными аналогичными (например, использование техники в сельском хозяйстве, эксплуатация линий электропередач) нарушениями по одной, единой статье УК. При этом в ней можно указать не только на нарушение требований безопасности на производстве, но и на нарушения, допущенные при ведении изыскательских, конструкторских, проектных, исследовательских работ, которые повлекли или создавали угрозу причинения ущерба общественной безопасности.

Для нарушений специальных правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или в цехах (ст. 220 УК), правил пожарной безопасности (ст. 220¹ УК), при обращении со взрывчатыми веществами (ст. 221 УК) и радиоактивными материалами (ст. 228⁵ УК) характерно причинение ущерба именно отношениям общественной безопасности наряду с ущербом безопасности труда или без такового. Работы, сопряженные с необходимостью соблюдения указанных правил, являются исключительно опасными. К ним можно отнести правила обращения с высокотоксичными промышленными ядами и правила радиационной безопасности при использовании ядерной (атомной) энергии. Исключительная

опасность указанных работ требует особого организационно-технического и правового режимов, соблюдение которых должно обеспечиваться и уголовно-правовыми санкциями.

Поступила в редколлегию 27.07.89

И. А. НИКИФОРЧИН

Харьков

О ПОНЯТИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Успешная борьба с наркоманией в немалой степени зависит от правильной квалификации преступных действий по незаконному обращению с наркотическими средствами. В связи с этим важное значение имеет вопрос о понятии наркотических средств как предмете преступлений, предусмотренных ст. ст. 229¹—229⁹ УК. Суждение о том, что «предметом преступления признаются любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления» [7, с. 47], дает возможность сделать важный вывод: в конкретных составах предмет преступления является обязательным признаком и влияет на квалификацию. Например, формулируя в ст. 229⁹ УК признаки конкретного преступления, закон указывает на незаконный посев или выращивание масличного мака и конопли, в ст. ст. 229¹, 229², 229⁴—229⁸ указано на наркотические средства, в ст. 229¹¹—на одурманивающие средства. Конкретный перечень наркотических средств дается в подзаконных актах, где просматривается тенденция к расширенному их пониманию. Сюда относятся, в частности, и психотропные, и токсические вещества. Причем наиболее опасные из психотропных — галлюциногены (мескалин, ЛСД), как известно, применения в качестве лекарственных не имеют. В отношении них установлен даже более строгий международно-правовой контроль. Поэтому, пожалуй, справедливо, что «перечень в нашей стране наркотических веществ шире, чем в других государствах, и постоянно увеличивается, что не бесспорно, учитывая предписания на этот счет Единой конвенции 1961 г. и приоритетность международно-правовых норм перед внутригосударственными» [4, с. 38]. До издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 г. [1, 1987, № 25, ст. 354] предметом указанных преступлений выступали «наркотические вещества». Введенное понятие «наркотические средства» более удачно, так как «семантическое значение слова «средства» более приемлемо для описания предмета рассматриваемой группы преступлений» [3, с. 15]. Кроме того, понятия «вещество» и «средство» (препарат) имеют четкое размежевание в науке. Если обратиться к предмету фармакологии и фармации, то можно увидеть, что если первая занимается преимущественно изучением

биотрансформации лекарственных веществ, та вторая — вопросами изыскания, получения, исследования, хранения лекарственных средств. Ее специальный раздел — фармакогнозия — исследует лекарственное сырье и продукты его первичной переработки [6, с. 1393]. Это позволяет сделать вывод, что само понятие «наркотические вещества» отражает биохимические механизмы действия, фармакологические свойства независимо от их материального носителя (образования). Понятие же «наркотические средства» включает как наркотические вещества (в чистом виде), так и наркотикосодержащее сырье. Определенные действия с последними образуют самостоятельное преступление. Перечень наркотических средств с юридической точки зрения не является закрытым. Однако предметом преступления являются только те средства, которые нормативными актами признаны наркотическими.

Следует также отметить, что наркотические средства в последнее время стали более опасными в силу возрастания их разрушительной потенции. В результате гибридизации и применения современной агротехники марихуана, например, содержит почти в три раза больше активного вещества, чем это было десять лет назад. Чистоту кокаина довели до 80 %, героин сейчас в среднем на 14 % состоит из чистого опиума, но его содержание может быть доведено и до 99 %. Появляются новые препараты и способы их употребления (курение «крэка»), комбинации различных препаратов [9]. Увеличился рост лекарственной наркомании. Из различных химических реагентов достаточно доступными способами изготавливаются наркотики. Основные источники их поступления — аптеки, лечебные учреждения, предприятия, где готовятся медицинские препараты. Поэтому заслуживает внимания предложение об издании специального нормативного акта, в котором содержались бы медико-юридические критерии отнесения неизвестных веществ к числу наркотических средств [5, с. 50]. Это позволило бы к числу наркотических отнести препараты, способные в определенном сочетании или в результате рафинирования вызвать наркотический эффект, формировать пагубные привычки, а также избежать смешения наркотизма с лекарственной и иной токсикоманией.

Характеризуя наркотические средства, обычно указывают на два их признака — медицинский и юридический, а иногда дополняют их социальным и физическим признаками [5, с. 46]. В целом можно согласиться с такой характеристикой, однако представляется, что физический признак определяющего значения не имеет, ибо различная биологическая или химическая природа происхождения не влияет на решение вопроса об отнесении средства к наркотическим. Поэтому достаточно указания на три из названных признаков. В литературе отмечается, что социальный признак состоит в том, что наркотические средства либо полностью изъяты из свободного обращения, либо подпадают под действие разрешительной системы. Но дело в том, что именно этим

характеризуется правовой признак. Он не исчерпывается закреплением перечня наркотических средств в специальных нормативных актах (приложение к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., приказы министра здравоохранения СССР, заключения Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве СССР), но в силу ст. 129 ГК УССР характеризуется тем, что указанные средства могут приобретаться лишь в особом порядке и подчиняются особому правовому режиму (особым правилам хранения, перевозки, использования в производственных, лечебных и иных целях и т. д.). Что же касается социального признака, то он состоит в опасности и вреде наркотизма, влекущего огромный физический, материальный, моральный ущерб, разрушение у человека естественных механизмов оценки окружающего мира и своего места в нем, системы ценностей, сложившейся в процессе воспитания. Именно это делает необходимым введение соответствующей правовой регламентации обращения с наркотиками.

Указанное триединство медицинского, социального и юридического признаков означает, что отсутствие любого из них исключает отнесение того или иного средства к наркотическим, даже если они являются предметом злоупотребления и могут привести к болезненному состоянию [2, с. 9—10]. Это четко прослеживается при рассмотрении средств, вызывающих одурманивание, но не являющихся наркотическими. Наличие медицинского признака очевидно: указанные препараты оказывают на центральную нервную систему воздействие, аналогичное наркотическим, вызывая у потребителя желаемые психические состояния, формируя труднопреодолимую психическую и физическую зависимость. Социальный признак тоже имеется, — ведь нет сомнения в социальной опасности токсикомании. Однако юридический признак здесь отсутствует, ибо рассматриваемые средства не предусмотрены внутренним законодательством и международными конвенциями в качестве наркотических.

Характеризуя предмет преступления, предусмотренного ст. 229² УК, некоторые авторы указывают на его формальный признак: наркотические вещества или сырые материалы, из которых они изготавливаются, должны находиться во владении юридических лиц либо в пользовании отдельных граждан. Именно этот признак рассматривается как основной критерий отграничения предмета рассматриваемого преступления от предмета деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 229¹, 229⁶ УК УССР [8, с. 11]. Однако правомерное или неправомерное владение предметом в данном случае не выражает его сущности и не имеет решающего значения для самого понятия «наркотические средства». Основным критерием разграничения перечисленных составов является не предмет как таковой, а его юридическая принадлежность и изъятие из чужого для виновного владения.

Определенного внимания заслуживает вопрос о классификации наркотических средств как предмета рассматриваемых пре-

ступлений. Ее следовало бы дать в самом законе или подзаконном акте. Такая классификация может быть целесообразной, если будет иметь значение для правильной квалификации преступных действий по незаконному обращению с наркотическими средствами. Представляется, что практическое значение имеет деление наркотических средств на применяемые в медицине и не употребляемые в ней (гашиш, мескалин и др.), тем более, что законодатель ввел уголовную ответственность за потребление наркотических средств без назначения врача (с административной преюдицией), а также освобождение от ответственности в случае обращения в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи в связи с потреблением наркотических средств в немедицинских целях (ст. 229⁸, 229¹⁰ УК).

Список литературы: 1. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 2. *Бабаян Э. А., Гонопольский М. Х.* Наркология. М., 1987. 3. *Баулин Ю. В., Орлов П. И., Перепелица А. И., Устименко В. В.* Уголовная ответственность за незаконное обращение с наркотическими средствами. К., 1988. 4. *Кузнецова Н. Ф.* Эффективность правовых средств борьбы с наркоманией // *Вестн. МГУ.* 1988. 5. *Мирошниченко Н. А., Музыка А. А.* Уголовно-правовая борьба с наркоманией. Киев—Одесса, 1988. 6. *Сов. энциклопедический словарь.* М., 1985. 7. *Тацый В. Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Х., 1988. 8. *Хрупна Н. С.* Уголовно-правовая борьба с хищением наркотических веществ: Автореф. дис. . . . канд. юрид. наук, К., 1984.

Поступила в редколлегию 22.06.89

Трибуна молодого ученого

В. А. Румянцев, канд. юрид. наук, *В. В. Лазарева*

Харьков

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ И МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ УССР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Деятельность партии большевиков после победы Великой Октябрьской социалистической революции по воплощению в практику советского государственного строительства принципа демократического централизма была связана с решением такой проблемы, как регулирование взаимоотношений и соподчиненности между всеми звеньями советской представительной системы снизу доверху. В решении этой проблемы встречались отдельные трудности. В процессе напряженных поисков возникали, развивались и совершенствовались наиболее действенные и политически целесообразные формы строительства нового государственного аппарата.

Сущность демократического централизма как основы взаимоотношений высших и местных Советов, указывал В. И. Ленин, состоит в том, что «местные Советы свободно объединяются, на началах демократического централизма, в единую, федеральным союзом

скрепленную, общегосударственную Советскую власть . . .» [1, т. 36, с. 481].

Характеризуя этот принцип, В. И. Ленин подчеркивал, что речь идет о централизме, который получает новое качество, поскольку используется в условиях Советской власти и уже в силу этого является централизмом демократическим. «. . . Централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» [1, т. 36, с. 152].

Победа пролетарской революции и образование первого в истории украинского народа суверенного национального государства, поставили перед большевиками Украины в качестве первоочередной задачу формирования четко организованного и эффективно действующего государственного аппарата. Важнейшие моменты системы органов Украинского Советского государства, базирующейся на принципе демократического централизма, были законодательно закреплены уже в резолюции I Всеукраинского съезда Советов «Об организации власти на Украине», где указывалось, что «власть на территории Украинской республики отныне принадлежит исключительно Советам рабочих, солдатских и селянских депутатов; на местах — уездным, городским, губернским и областным Советам, а в центре — Всеукраинскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, его Центральному Исполнительному Комитету и тем органам, которые он создаст» [6, т. 2, с. 15 — 16].

Построение оптимальной системы Советов, четкой и взаимосвязанной, позволяющей успешно осуществлять социалистические преобразования, осуществлялось в ходе длительной и кропотливой работы по практическому утверждению единовластия Советов, по сплочению их в единую систему, рациональному распределению полномочий между отдельными ее звеньями. Центром этой работы выступала Советская Россия, в частности, Народный комиссариат по внутренним делам, который внимательно изучал опыт советского строительства на местах и на основе линии партии вносил единые, принципиальные начала в складывающуюся систему Советов. Впервые они были сформулированы в обращении Наркомвнудела ко всем Советам, опубликованном 22 декабря 1917 г. В этом документе и в приложенной к нему инструкции о правах и обязанностях Советов была намечена организация советской системы. Советы, говорилось в инструкции, вполне самостоятельны в вопросах местного характера, но всегда действуют сообразно декретам и постановлениям как центральной Советской власти, так и более крупных объединений, в состав которых они входят.

Действие инструкции было распространено и на территорию Украины. Однако установлению правильных, построенных на основе ленинского понимания принципа демократического централизма взаимоотношений между высшими и местными органами Советской власти на Украине, как и в Советской России, препятствовали воз-

никшие в первые месяцы после победы социалистической революции местнические тенденции, проявлявшиеся в образовании в некоторых губерниях и даже уездах «республик» и местных органов власти, «независимых» от центра. Отдельные города и уезды объявляли себя «республиками», а местные Советы — «Советами Народных Комиссаров» [3, т. 3, с. 321, 322, 375]. Децентралистские тенденции, поддерживаемые левыми эсерами и анархистствующими элементами, негативно сказывались на деле укрепления только что возникшей украинской советской государственности. В данной связи высшим органам власти УССР, прежде всего Всеукраинскому ЦИК, приходилось уделять много внимания отстаиванию на практике принципа демократического централизма. 7 марта 1918 г. по предложению большевистской фракции ВУЦИК принял декларацию о необходимости включения всех так называемых «независимых республик» в единую Украинскую Советскую республику [4, т. I, кн. 1, с. 24 — 25].

К сожалению, набирающий силу процесс советского государственного строительства в УССР был прерван начавшейся весной 1918 г. оккупацией территории Украины германскими войсками. Советская власть в лице Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в это время вынуждена была временно свернуть свою деятельность. Но социалистическая государственность в данный период не была ликвидирована, она объективировалась в ряде временных государственных образований, которые создавались под руководством Коммунистической партии в результате творческой деятельности трудящихся масс и при поддержке братского русского народа.

Опыт первых месяцев Советской власти на Украине в области советского государственного строительства не пропал даром, он был широко воспринят Конституцией УССР 1919 г., которая закрепила сложившуюся в практике государственного строительства структуру советской представительной системы, узаконив в общих чертах правовое положение и взаимоотношения всех ее звеньев. Основным Закон УССР устанавливал, прежде всего, четкую структуру советских органов на местах. Фундаментом этой системы являлись городские и сельские Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, объединявшие все трудящееся население республики. В пределах губерний, уездов и волостей высшей властью являлись соответствующие съезды Советов, а в период между съездами — избираемые ими исполнительные комитеты. Органами центральной Советской власти по Конституции являлись Всеукраинский съезд Советов, Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров УССР. В Конституции специально оговаривалось, что звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Совнаркома «и никаким иным представителям Советской власти как в центре, так и на местах присвоено быть не может» [6, т. 2, с. 55].

Работа по дальнейшему совершенствованию системы Советов

республики, четкой законодательной регламентации взаимоотношений между различными ее звеньями на принципе демократического централизма продолжалась и после принятия Конституции УССР 1919 г. Весной—летом 1920 г. Всеукраинским ЦИК были разработаны и утверждены развернутые «Положения» обо всех органах государственной власти УССР, начиная от Всеукраинского съезда Советов и кончая сельским Советом [5, 1920, № 11, ст. 209—214, 216 — 217], которые предусматривали дальнейшее развитие демократических институтов в советском государственном строительстве.

В условиях борьбы с белогвардейцами и Врангелем Советская власть допускала создание в прифронтовой полосе чрезвычайных органов — ревкомов. Существование чрезвычайных органов власти, способных оперативно решать боевые, неотложные задачи, встающие перед Советским государством в той или иной конкретной обстановке, в принципе не противоречило демократическому централизму. Все дело заключалось в том, чтобы чрезвычайные органы действовали под контролем и руководством суверенной Советской власти. Именно такой подход и обеспечивался при создании ревкомов, так как в республиканском масштабе были полностью сохранены конституционные органы власти и управления, а на большинстве территорий, где создавались ревкомы, продолжали действовать местные Советы, изменившие формы и методы деятельности.

Важное значение для установления правильных отношений в рамках демократического централизма имело определение правового статуса вспомогательных органов местных Советов, прежде всего отделов, т. е. тех органов, которые осуществляли непосредственное управление отдельными отраслями государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни на местах. Конституция УССР 1919 г. не регулировала характер взаимоотношений отделов исполнительных комитетов местных Советов с соответствующими отраслевыми органами вышестоящих исполкомов Советов и народных комиссариатов. Оставался открытым этот вопрос и в практике советского государственного строительства РСФСР.

Большой вклад в решение вопроса о характере взаимоотношений между местным и центральным советским аппаратом внесла VIII Всероссийская конференция РКП(б). В резолюции конференции о советском строительстве говорилось: «Отделы исполнительного комитета состоят в подчинении местному исполнительному комитету, обязаны исполнять все предписания и распоряжения как местного, так и вышестоящего исполнительного комитета и их соответствующих отделов, так и соответствующих народных комиссариатов» [2, т. 2, с. 140].

Опыт советского строительства подтвердил целесообразность принципа двойного подчинения и его приемлемость к большинству отраслей государственного управления.

Именно такой подход к перераспределению полномочий между центральными и местными органами власти УССР и был закреплен в постановлении V Всеукраинского съезда Советов «О советском строительстве», в соответствии с которым съезды местных Советов

и их исполнительные комитеты утверждались единственными и полномочными органами власти на местах. Но при этом всю систему советских органов объединяла ясно выраженная линия соподчиненности, вытекающая из требований демократического централизма. Местные съезды Советов и их исполкомы, являясь высшей властью в пределах своей территории, выступали в то же время органами, проводящими в жизнь все постановления вышестоящих органов Советской власти.

Переход УССР, как и всей страны, от войны к мирному социалистическому строительству на основе новой экономической политики по-новому поставил вопрос о формах реализации принципа двойного подчинения во взаимоотношениях центральных и местных органов власти. Вопрос этот возник не случайно. В условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны централистские начала в государственном управлении явно преобладали над самостоятельностью местных органов власти. И во многом это было оправданно. Но в условиях перехода республики от войны к мирному социалистическому строительству необходимость в жесткой централизации как общеполитического, так и хозяйственного управления отпала. Успешное решение задач новой экономической политики было возможно лишь при расширении самостоятельности местных Советов и как следствие — повышении их роли в решении государственных, хозяйственных и социально-культурных проблем регионального значения.

Со всей определенностью принцип демократического централизма применительно к условиям мирного хозяйственного строительства в республике на основе принципов новой экономической политики нашел правовое оформление в принятых ВУЦИК в течение 1923 г. положениях о всех звеньях местных Советов УССР [5, 1923, № 20—21, ст. 317—319; № 28, ст. 418]. Каждый местный Совет в лице съезда и исполнительного комитета осуществлял власть в пределах своего ведения и на подведомственной ему территории. В указанных пределах местный Совет был правомочен решать любые вопросы местного значения, руководить деятельностью всех подведомственных ему исполнительных и распорядительных органов, а также контролировать деятельность учреждений и предприятий, подчиненных центральному органам. Таким образом, принцип полномочия Советов был введен в четкие административно-территориальные рамки. Из этих позиций исходило и последующее законодательство о местных Советах.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1971—1980. 3. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине // Сб. документов и материалов в 3 т. К., 1957. 4. Гражданская война на Украине 1918—1929 // Сб. документов и материалов в 4 т. К., 1967. 5. СУ УССР. 6. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. 1917—1936 // Сб. документов в 3 т. М., 1960.

Поступила в редколлегия 02.06.89

ОСТАВЛЕНИЕ РЕШЕНИЯ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЛНОМОЧИИ СУДОВ НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ

Полномочию суда, рассматривающего гражданское дело в порядке надзора, на оставление решения, определения, постановления без изменения, а протеста — без удовлетворения, в литературе уделено мало внимания. Это полномочие либо вообще не раскрывается, либо анализ его ограничивается указанием на то, что оно применяется, если суд надзорной инстанции приходит к выводу о том, что решение законно и обоснованно. Такое положение, по-видимому, является следствием того, что случаи оставления без удовлетворения протестов в порядке надзора довольно редки*. Вместе с тем проблема соотношения этого полномочия с другими полномочиями суда, предусмотренными ст. 337 ГПК УССР (ст. 329 ГПК РСФСР), существует.

В судебной практике встречаются случаи, когда суд надзорной инстанции, оставляя решение без изменения, в то же время вносит в него дополнения и уточнения. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Киргизской ССР, оставляя без изменения решение народного суда о разделе жилого дома, дополнила решение о закреплении за каждой из сторон части дома на праве личной собственности [5, 1974, № 1, с. 87]. Судебная коллегия по гражданским делам Оренбургского областного суда, оставив без изменения решение об удовлетворении иска Д. к Орской геофизической экспедиции о возмещении ущерба, причиненного повреждением кузова автомобиля, дополнила решение указанием о передаче поврежденного кузова ответчику [7, 1981, № 8, с. 7].

Такую практику нельзя считать обоснованной. Представляется, что в указанных случаях суды поступили неправильно, ибо по существу имело место изменение решения, а основанием для него явилась ошибка нижестоящих судов в применении норм материального права. Если этого не признать, то неизбежен вывод о том, что суды осуществили полномочие, не предусмотренное ст. 337 ГПК УССР (ст. 329 ГПК РСФСР). Таким образом, дополнение резолютивной части решения определенными выводами влечет изменение решения, а не оставление его без изменения.

Суды надзорной инстанции иногда исключают из мотивировочной части решения отдельные положения. В судебной практике нет единства в решении вопроса о том, какое полномочие в

* Так, президиум Харьковского областного суда в 1981 г. из 250 протестов в порядке надзора оставил без удовлетворения 4, соответственно в 1982 г. — из 257—3; в 1983 г. — из 260—2, в 1984 г. — из 290—7, в 1985 г. — из 302—2, а в 1986 г. — из 279—8.

данном случае применять — изменять решение или оставлять его без изменения? Так, Президиум Донецкого областного суда, рассмотрев протест на решение народного суда, постановил, что содержащееся в его мотивировочной части указание о невозможности раздела домостроения препятствует рассмотрению спора о разделе дома и «подлежит исключению без изменения решения по существу спора» [8, 1982, № 44Г—14]. Президиум Харьковско-го областного суда, наоборот, исключая из решения народного суда о расторжении брака положение о том, что «ответчица злоупотребляет спиртными напитками, устраивает в семье скандалы», указал в постановлении об изменении решения [9, 1982, № 44Г — 251]. Иногда суды надзорной инстанции вообще не констатируют ни изменения решения, ни оставления его без изменения, а в резолютивной части постановления ограничиваются указанием на исключение из решения отдельного положения [9, 1984, № 44Г—269].

Для приведенных случаев характерно то, что вышестоящий суд исключает отдельные положения из мотивировочной части судебного решения. По нашему мнению, исключение из мотивировочной части судебного решения отдельных положений судом надзорной инстанции необходимо рассматривать как изменение решения. При этом следует исходить из того, что в рассмотренных и аналогичных случаях ошибка суда первой инстанции допущена в стадии выбора и анализа норм материального права, их толкования применительно к установленным в суде первой инстанции обстоятельствам дела.

В юридической литературе, несмотря на четкую регламентацию закона, отсутствует единство мнений и по вопросу о том, как быть, если судебная надзорная инстанция обнаружит, что суд первой инстанции неправильно применил нормы материального права. К. И. Комиссаров полагает, что суды в таких случаях должны оставлять решение без изменения при условии, если эта «неточность не отразилась на правильности окончательных выводов суда по существу спора», а в качестве примера приводит решение, в котором ошибка суда первой инстанции состоит в том, что последний при вынесении решения руководствовался нормами гражданского, а не трудового права [1, с. 14]. По мнению Л. Ф. Лесницкой, если нарушение нормы материального права не сказалось на конечных выводах суда о правах и обязанностях сторон или не привело к изменению существа вынесенного судом первой инстанции решения, последнее подлежит изменению [2, с. 140]. Эти два направления встречаются и в судебной практике. Так, президиум Киевского областного суда, оставляя без изменения решение народного суда, признал ошибочным применение нижестоящим судом ст. 48 ГК УССР, в то время как следовало руководствоваться ст. 469 ГК УССР [4, 1982, № 12, с. 78—79]. Вместе с тем президиум Ярославского областного суда, исключив из решения народного суда указание об увольнении М. по ст. 31 КЗоТ РСФСР, а в остальной части оставив без

изменения, квалифицировал свои действия как изменение решения [5, 1976, № 7, с. 88—89].

Представляется, что в этих примерах имеет место изменение решения. Во-первых, как уже отмечалось, изменение судебного решения может состоять в каких-либо дополнениях в мотивировочную часть решения либо исключениях из нее отдельных положений, а ссылка на закон, как известно, содержится в мотивировочной части решения. Во-вторых, суд надзорной инстанции, оставляя решение без изменения, вправе лишь указать на его отдельные недостатки, не послужившие основанием к отмене или изменению решения, в частном определении (постановлении) либо в вынесенном по делу определении (постановлении), а не устранять эти недостатки. Если же судом надзорной инстанции недостатки устранены, считать решение оставленным без изменения нельзя. В-третьих, в рассматриваемых процессуальных ситуациях, бесспорно, нижестоящими судами допущена ошибка в применении норм материального права, что является одним из условий изменения решения.

Нередко вышестоящие суды при проверке решений обнаруживают, что судами первой инстанции не разрешены отдельные иски и другие требования (о судебных расходах и т. п.). Возникает вопрос, вправе ли суд надзорной инстанции в таких случаях оставить решение без изменения? По мнению П. Я. Трубникова, если суд, разрешив дело в соответствии с законом в отношении одной части исковых требований, не вынес решения по поводу других требований, решение отменяться не должно, но надзорная инстанция может предложить суду дополнительно рассмотреть требования истца, не разрешенные при первоначальном рассмотрении дела [3, с. 124].

Представляется, что для столь категоричного утверждения нет достаточных оснований, так как решение вопроса будет зависеть от того, возможно ли отдельное рассмотрение неразрешенного требования, представлялись ли доказательства и давались ли объяснения сторонами по неразрешенному требованию.

Прежде всего, если исковое требование, по которому не состоялось решение, связано с остальными требованиями и по правилам соединения и разъединения исков не может быть рассмотрено отдельно, то независимо от того, рассматривалось или не рассматривалось судом первой инстанции неразрешенное требование, решение должно быть отменено, поскольку у суда надзорной инстанции в этих случаях возникает сомнение в обоснованности решения. Предложение суда надзорной инстанции рассмотреть исковое требование истца в указанных выше случаях выполнено быть не может, ибо оставленное без изменения решение в части разрешенного требования вступает в законную силу и имеет для суда, рассматривающего неразрешенное требование, преюдициальное значение. Если же отдельное рассмотрение неразрешенного требования возможно, суд надзорной инстанции осуществляет свои полномочия в зависимости от того, представлялись ли

доказательства и давались ли объяснения сторонами в суде первой инстанции по неразрешенному требованию.

Представляется, если судом первой инстанции по какому-либо требованию, в связи с которым стороны представляли доказательства и давали объяснения, не постановлено решение, целесообразно направлять дело на новое рассмотрение, поскольку такое решение вопроса фактически будет формальным и не ускорит, а лишь затянёт защиту прав.

В данном случае теоретически правильным и практически целесообразным будет наделение вышестоящих судебных инстанций правом при наличии оснований, предусмотренных ст. 214 ГПК УССР (ст. 205 ГПК РСФСР), внести дополнительное решение по протесту в порядке надзора*.

Когда же по неразрешенному требованию сторонами не представлялись доказательства и не давались объяснения и истец не отказался от иска и по этому требованию, вынесение дополнительного решения недопустимо. Отменить решение лишь по указанным основаниям также нельзя в связи с тем, что при полной отмене решения будет отменено правильное решение по другим требованиям. Отменить же решение в части неразрешенного требования невозможно в силу отсутствия объекта отмены.

Назрела необходимость наделить суды кассационной и надзорной инстанции полномочием направить заявленное, но не разрешенное требование на рассмотрение суда первой инстанции. Это послужило бы дополнительной гарантией права граждан на судебную защиту, ибо такое решение вышестоящего суда было бы обязательным для суда первой инстанции.

Список литературы: 1. *Комиссаров К. И.* Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе. М., 1961. 2. *Лесницкая Л. Ф.* Пересмотр решений в кассационном порядке. М., 1974. 3. *Трубников П. Я.* Пересмотр решений в порядке судебного надзора. М., 1974. 4. *Шакарян М. С.* Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. 5. *Соц. законность.* 6. *Рад. право.* 7. *Бюл. Верхов. Суда РСФСР.* 8. *Архив* Донецкого облсуда. 9. *Архив* Харьковского облсуда.

Поступила в редколлегия 06.07.89

В. Д. БРЫНЦЕВ

Харьков

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Реализуя решения XIX партконференции о необходимости «укрепления гарантий осуществления таких начал советского судопроизводства, как состязательность, гласность, неукоснительное соблюдение презумпции невиновности, недопустимости обвини-

* Такие предположения уже высказывались в литературе (См., напр.: [9, с. 51]).

тельного уклона» [1, с. 36], суды кассационной и надзорной инстанции республики в 1988 г. существенно повысили требовательность к качеству рассмотрения уголовных дел до первой инстанции.

За указанный период в кассационном и надзорном порядке отменены и изменены приговоры в отношении 9,4 % лиц от общего числа осужденных (по Харьковской области — 10,7 %). Причем лишь в отношении 5,7 % осужденных допущенные ошибки устранены в кассационном порядке.

Однако кассационные инстанции еще не стали фильтром, обеспечивающим вступление в законную силу только лишь законных и обоснованных приговоров. Необходимо совершенствование правовых норм, регламентирующих деятельность кассационной инстанции.

В целях оперативного, объективного и всестороннего разрешения уголовных дел в кассационном порядке представляется необходимым, не в ущерб охраняемым законом правам и интересам участников судебного разбирательства, внесение изменений в раздел V Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и соответствующие главы уголовно-процессуальных кодексов, которые позволили бы повысить оперативность правосудия.

Бесспорно, что незаконный, необоснованный, несправедливый приговор подлежит обязательному исправлению кассационной инстанцией. Однако указанное требование закона не всегда может быть выполнено. Речь идет о случаях, когда суд второй инстанции устанавливает обстоятельства, являющиеся безусловным основанием к отмене либо изменению приговора по основаниям, ухудшающим положение осужденных. Как известно, в ст. 46 Основ, соответствующих статьях УПК союзных республик закреплен принцип недопустимости поворота к худшему. Приговор может быть отменен в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении либо за мягкостью наказания лишь в случаях, когда по этим основаниям принесен протест прокурором или подана жалоба потерпевшим.

Однако в судебной практике в подобной ситуации, даже при явном, очевидном нарушении закона, протест прокурора или жалоба потерпевших зачастую отсутствуют, и кассационная инстанция вынуждена такой приговор оставлять без изменения, а затем путем либо подачи докладной записки на имя председателя областного суда, либо вынесения частного определения в адрес лица, уполномоченного на принесение протеста, возбуждать вопрос об опротестовании приговора, а также своего кассационного определения по основаниям, которые были установлены при рассмотрении кассационных жалоб, но не устранены лишь потому, что такие изменения в той или иной мере ухудшали бы положение осужденных.

В процессе обсуждения проектов мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства у большинства прак-

тических работников получили поддержку предложения о предоставлении кассационной инстанции права внесения в приговор изменений, ухудшающих положение осужденного, кроме усиления основного наказания и применения закона о более тяжком преступлении либо увеличении объема обвинения.

Самый существенный довод, который можно привести против приведенной точки зрения, это то, что здесь нарушается право на защиту осужденных.

В данной связи представляют определенный интерес предложения о дополнении УПК союзных республик нормой следующего содержания: «Все уголовные дела в кассационной инстанции рассматриваются с участием прокурора».

Прокурор в стадии изучения дела при подготовке к его кассационному рассмотрению имеет право принести протест на состоявшиеся судебные постановления, обжалованные другими участниками судебного разбирательства, по любым основаниям, если материалы дела свидетельствуют о нарушениях, допущенных судом первой инстанции, ущемляющих интересы государства либо граждан, или иные нарушения закона.

В случае принесения протеста слушание дела в кассационной инстанции откладывается, а всем участникам судебного разбирательства предоставляется право на ознакомление с протестом и принесение на него возражений, после чего дело в полном объеме рассматривается кассационной инстанцией с учетом доводов протеста».

Введение такой нормы будет способствовать повышению эффективности прокурорского надзора и оперативности правосудия, ибо в большинстве случаев допущенные ошибки будут устранены кассационной инстанцией.

Подобное процессуальное разрешение проблемы, по существу, предусматривает новый вид протеста прокурора, однако интересы государства, общества и отдельных потерпевших будут более оперативно защищены.

Следует отметить, что норма, содержащаяся в ст. 353 УПК УССР, несколько ближе к разрешению этого вопроса, чем норма УПК РСФСР, поскольку предоставляет вышестоящему прокурору право изменить или отозвать протест прокурора.

Вместе с тем с момента принятия Основ 1958 г. и до настоящего времени в литературе и в судебной практике единое мнение по поводу пределов изменения протеста вышестоящим прокурором отсутствует.

Представляется, что смыслу данной процессуальной нормы больше соответствует позиция, согласно которой вышестоящий прокурор вправе и изменить кассационный протест, принесенный подчиненным ему прокурором. Такое право, по мнению ее автора, не беспредельно: «Нельзя указать точных границ возможных из-

менений, но представляется бесспорным, что эти изменения не могут менять самого существа, направленности протеста» [3, с. 39].

В. И. Басков отмечает, что «так же, как суд второй инстанции не связан доводами кассационной жалобы и протеста и обязан проверить дело в полном объеме, так и прокурор в своем заключении не может ограничиваться только объемом вопросов, затронутых в жалобе или протесте» [2, с. 66].

Это же мнение еще в 1956 г. высказывалось М. С. Строговичем: «Вышестоящий прокурор, не отозвавший, а допустивший кассационный протест к рассмотрению в кассационную инстанцию, вовсе не обязан согласиться с ним полностью, а может дать кассационной инстанции свое заключение, не вполне совпадающее с протестом» [4, с. 81].

Однако эти в целом правильные выводы применимы к ситуациям, когда речь идет не о повороте к худшему при отсутствии кассационного протеста, принесенного по указанным основаниям.

В судебной практике имеют место случаи, когда при наличии протеста районного прокурора на мягкость либо суровость наказания прокурором области по результатам изучения дела приносятся дополнительные доводы об отмене приговора с направлением дела на новое рассмотрение. При этом, естественно, расширяются пределы кассационного рассмотрения. Однако наличие таких дополнительных доводов, отличающихся от доводов кассационного протеста, допустимо и может приниматься во внимание лишь в случаях, не нарушающих права на защиту. Поэтому представляется, что предлагаемая норма позволит снять дискуссию по вопросу о пределах и допустимости изменения вышестоящим прокурором кассационного протеста.

В последние годы вновь высказываются предложения о надлении кассационной инстанции элементами апелляции. Эти предложения в основном обосновываются невозможностью проверить доводы кассационных жалоб о несоответствии протокола судебного заседания фактически происходящему в зале судебного заседания.

Отметим, что рассматриваемые предложения отпадут сами по себе, если в УПК внести норму об обязательной записи процессов на магнитофонную пленку и хранении ее при деле в течение 2—3 лет.

В заключение подчеркнем, что предлагаемые меры могут быть приняты во внимание лишь после тщательного изучения проблемы и сопоставления данных судебной практики в масштабах всей страны.

Список литературы: 1. *Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС*, 28 июня—1 июля 1988 г. М., 1988. 2. *Басков В. И.* Надзор прокурора в суде по уголовным делам. М., 1975. 3. *Куцова Э. Ф.* Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М., 1957. 4. *Строгович М. С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956.

Поступила в редколлегию 07.07.89

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ
КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ

Борьба с преступностью во многом зависит от эффективности и качества научных исследований. Это означает, что дальнейшее развитие каждой составной части советского уголовного процесса должно идти в направлении как повышения уровня теоретических исследований, так и широкого использования научных разработок в практической деятельности.

Взаимодействие следователя с органом дознания представляет собой сложную деятельность, правильное определение которой имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо позволяет отграничить ее от иных видов деятельности, осуществляемых следователем совместно с органом дознания в процессе раскрытия преступлений.

Раскрытие сущности взаимодействия в литературе всегда связывается с выяснением определения координации. Эти два понятия, которые очень близки по смыслу и области применения, в то же время существенно различаются.

Координация определяется от латинского *CO* — совместное согласование, сочетание, приведение в порядок, соответствие. В теории координация рассматривается как функция управления, смысл которой сводится к установлению согласованности, упорядоченности деятельности [7, с. 12].

Однако четкого различия между координацией следователя с органом дознания и взаимодействием в их деятельности нет.

По мнению одних авторов, координация и взаимодействие — синонимы. Другие ученые считают, что взаимодействие — более широкое понятие, или, наоборот, утверждают, что более узкое понятие — координация. Существует точка зрения, согласно которой координация есть организация взаимодействия [3, с. 36; 5, с. 63].

Общим для этих понятий является то, что взаимодействие рассматривается здесь в неразрывной взаимосвязи с координацией. Соотношение указанных определений трактуется по-разному: взаимодействие является предметом координации, либо они признаются тождественными, либо координация рассматривается как форма взаимодействия. Взаимодействие должно иметь место там, где в процессе повседневной деятельности достижение той или иной цели возможно только совместными усилиями различных субъектов, находящихся в рамках одной системы.

Координация — это деятельность, направленная на достижение единой цели, но таких субъектов, которые не находятся в рамках одной и той же организационной системы.

Не вдаваясь в подробный анализ изложенных точек зрения, отметим, что для осуществления взаимодействия необходимым

условием являются: наличие двух или более субъектов, общности целей, осуществление контакта между субъектами и оказание помощи друг другу для достижения определенного результата [1, с. 109].

В литературе предложен ряд определений понятия взаимодействия следователя с органом дознания в качестве процессуальной категории определенного вида деятельности следователя.

Общим является то, что авторы, исследуя данное понятие, единодушно используют в качестве опорных определений общности целей, сотрудничество, согласование, совместную деятельность и др. [6, с. 49].

Вместе с тем отдельные авторы, не давая определения взаимодействия, пошли по пути перечисления форм взаимодействия.

Так, М. И. Еропкин в качестве основных форм взаимодействия называет: оказание помощи в организации укрепления и совершенствования работы, систематическое информирование, проведение совместных мероприятий. Н. П. Яблоков, Ф. Е. Колонтаевский предлагают следующие формы взаимодействия: обмен информацией, согласованное распределение сил и средств, совместное планирование работы, взаимные действия, обсуждение и постановка вопроса, обмен опытом.

С. В. Мурашов, характеризуя сущность взаимодействия, отметил, что оно предполагает совместные усилия в раскрытии и расследовании преступлений путем согласования методов и средств, присущих этим службам, при четком разграничении полномочий следствия и дознания [4, с. 5].

Представляется, что такой подход к определению взаимодействия следователя с органом дознания является недостаточно конкретным, поскольку не раскрывает сущности данного понятия.

Одно из первых, на наш взгляд, наиболее полных определений понятия взаимодействия следователя с органом дознания было дано И. М. Гуткиным.

Под взаимодействием органов предварительного следствия и дознания в советском уголовном процессе следует понимать основанное на законе сотрудничество не подчиненных друг другу органов, при котором они действуют согласованно, целесообразно сочетая применяемые ими средства и способы раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности виновных, розыска обвиняемых и обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением. [2, с. 70].

С учетом высказанных в литературе теоретических положений и анализа существующей практики можно сделать вывод о том, что степень стабильности усилий взаимодействующих сторон может быть различной.

При анализе взаимодействия следователя с органом дознания необходимо исходить из следующих положений: 1. Это деятельность равнозначных партнеров, основанная на принципах социалистической законности. 2. Данная уголовно-процессуальная деятель-

ность регламентируется нормами уголовно-процессуального закона и в конечном счете направлена на правильное разрешение уголовного дела в той или иной процессуальной ситуации.

Установив в качестве критерия степень совместных усилий субъектов взаимодействия, можно выделить характерный момент: каждый субъект взаимодействия преследует общую цель. Форма взаимодействия выражает конкретные одноразовые действия субъектов взаимодействия организационно-правового характера.

Формы взаимодействия представляют собой совместную деятельность, которая преследует общую цель. Субъекты взаимодействия не находятся в отношениях субординации. Совместная, согласованная деятельность протекает в форме самостоятельного функционирования взаимодействующих субъектов.

Конкретные формы взаимодействия следователя с органом дознания, их целесообразность и эффективность обусловлены следственными ситуациями, складывающимися на том или ином этапе расследования по уголовному делу. Поэтому в конечном счете они направлены на установление фактов, входящих в предмет доказывания.

Процессуальные формы взаимодействия следователя с органом дознания могут быть определены как основанные на законе способы сотрудничества этих органов, обеспечивающие согласованный характер их деятельности и целесообразность сочетания в уголовном процессе их возможностей в борьбе с преступностью.

Теоретическое осмысливание приведенных форм взаимодействия позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, общее понятийное определение взаимодействия следователя с органом дознания будет способствовать лучшему пониманию социального феномена, облегчит выявление его особенностей как элемента функционирования социальных систем.

Во-вторых, имеются и другие формы взаимодействия, вытекающие из цикличности управления и не используемые в практике взаимодействия органов внутренних дел.

В-третьих, в литературе упоминается категория «функция как взаимодействие». В настоящее время еще не выработано единого определения понятия категории как функции. Один из вариантов ее применения в анализе неопределенных терминов предложен автором выше. Функциональная система структуры взаимодействия может служить фундаментом форм такого взаимодействия.

Исходя из теоретических высказываний можно предложить следующее определение взаимодействия следователя с органом дознания.

Взаимодействие следователя с органом дознания представляет собой объективно необходимую категорию, основанную на законе и ведомственных нормативных актах, координируемую по промежуточным и конечным целям, деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов, при процессуальном руководстве следователя, осуществляемую при правильном сочетании и эффективном использовании уголовно-процес-

суальных полномочий, методов и форм на этапе расследования, направленных на быстрое, полное раскрытие преступления, избобличение виновных.

Таким образом, взаимодействие есть функция следователя, которая реализуется как процессуальным, так и непроцессуальным путем. Взаимодействие можно рассматривать в качестве постоянно действующего фактора.

Список литературы: 1. *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1975. 2. *Гуткин И. М.* Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. М., 1979. 3. *Кержинцев П. М.* Принципы организации. М., 1968. 4. *Мурашов С. В.* Проблемы предварительного следствия в свете решений XXV съезда КПСС// Проблемы предварительного следствия. Волгоград, 1978. Вып. 7. С. 5. 5. Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел. М., 1974. 6. *Томин В. Н.* Взаимодействие органов внутренних дел с общественностью. Горький, 1980. 7. *Шванков В. М.* Теоретические основы координации взаимодействия в органах внутренних дел. М., 1977.

Поступила в редколлегию 09.07.89

В. Ю. ШЕПИТЬКО

Харьков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ПСИХОЛОГИИ В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

По своей природе допрос несовершеннолетних представляет собой процесс информационно-психологического взаимодействия допрашивающего и допрашиваемого. В этом плане практике расследования преступлений необходимы дифференцированные рекомендации, способствующие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетних в процессе их допроса. Сложность проведения допроса несовершеннолетних обусловлена спецификой психологии формирования показаний, возрастными и индивидуальными особенностями указанных лиц. Поэтому особое внимание следователь должен уделить и использованию в допросе психологических особенностей допрашиваемого, его характера, темперамента, навыков, привычек, образа мышления, круга знакомств, образа жизни, воспитания в семье и т. д. Данные, характеризующие личность несовершеннолетнего, позволяют прогнозировать поведение несовершеннолетнего при допросе, избирать тактически правильное его направление и оценивать достоверность показаний допрашиваемого.

Индивидуальность психического облика несовершеннолетнего не исключает возможности использования в процессе допроса типичных признаков, характерных для каждой возрастной группы. Возрастные особенности представляют собой совокупность взаимосвязанных, типичных для данного возраста процессов, состояний и свойств, проявляющихся в поведении и указывающих на

общее направление развития личности. Каждый возрастной период имеет свою своеобразную структуру, определенную иерархию особенностей, свойств [11, с. 15]. Анализируя возрастные группы несовершеннолетних, необходимо исходить из того, что каждая возрастная ступень содержит в себе элементы предыдущей и зачатки последующей ступени. В современной советской психологии обычно выделяют 6 возрастных групп несовершеннолетних: младенческий возраст (до 1 года); раннее детство (от 1 до 3 лет); дошкольный возраст (от 3 до 7 лет); младший школьный возраст (от 7 до 11—12 лет); подростковый (от 11 до 14—15 лет); старший школьный возраст (от 14 до 18 лет) [12, с. 84—85].

Практика расследования знает немало случаев, когда дети 3—5 лет давали показания, содержащие ценную информацию, способствующую установлению истины по делу. Однако таких детей следует допрашивать только в крайних случаях и с большой осторожностью, учитывая, что допрос может травмировать психику ребенка [7, с. 3]. При допросе несовершеннолетних дошкольного возраста необходимо учитывать фрагментарность их восприятия, неадекватность понимания и оценки происходящего. Им свойственны доверчивость, отсутствие критической оценки. Ребенок быстро и надолго запоминает то, что ему интересно, что связано с его эмоциональными переживаниями [1, с. 46]. При воспроизведении наблюдавшегося события дети могут давать показания о фактах, которых не заметили взрослые, так как их восприятию присуща детализация. В таком возрасте дети не обладают достаточной способностью к последовательному логическому мышлению и могут давать лишь несложные ответы на доступные им вопросы.

В дошкольном и младшем школьном возрасте несовершеннолетним свойственна повышенная внушаемость, обусловленная недостаточностью жизненного опыта. Однако, как показывают результаты экспериментальных исследований, «пик» внушаемости нередко приходится на подростковый возраст [7, с. 17]. Несовершеннолетние нередко пытаются отсутствие социального опыта компенсировать фантазированием. Для возраста 8—10 лет особенно характерны значительные эмоциональные изменения в виде фантазирования, нередко оторванного от реальности, перерастающего в мечтательность.

Подростковый возраст справедливо считается переходным от детства к взрослости. Он является переходным, главным образом, в биологическом смысле, поскольку это возраст полового созревания, параллельно которому достигают в основном зрелости и другие биологические системы организма [5, с. 42]. Биологические изменения организма подростка касаются и его психического развития. Принципиально новой, отличительной чертой можно считать появление у них «чувства взрослости». Подросток отвергает свою принадлежность к детям, но у него еще нет ощущения подлинной, полноценной взрослости, хотя есть стремле-

ние к ней и потребность в признании его взрослости окружающими [8, с. 106]. В этом возрасте проявляется, с одной стороны, огромное стремление к самостоятельности, с другой — подражание взрослым. В подростковом возрасте появляются интерес к своей личности, чрезмерная критичность к окружающим, начинают проявляться особенности характера, изменяется поведение. Несовершеннолетним данной возрастной группы свойственны неуравновешенность, большая чувствительность и нетерпимость к замечаниям со стороны взрослых, склонность к аффективным вспышкам. Одним из распространенных недостатков является упрямство, которое, так же, как грубость и дерзость, обусловлено особенностями микросреды, в которой живет и воспитывается подросток [3, с. 8]. Несовершеннолетним этой группы свойствен негативизм как отрицание чужих авторитетов.

Для психологии подростков характерно явление конформизма. Так, в показаниях участников преступных групп нередко можно встретить такие объяснения их преступного поведения: «все остановили прохожего и стали его избивать, ну и я тоже», «кто-то предложил обворовать магазин, все согласились и стали осуждать как лучше это сделать. Тогда и я согласился принять участие в совершении кражи из магазина» и т. п. [2, с. 121].

Старший школьный возраст — завершающий этап перехода к взрослости. Процесс физического и интеллектуального развития в этот период продолжается, но становится менее интенсивным. Несовершеннолетних данной возрастной группы отличает чрезмерное самолюбие, сильное чувство личной дружбы. Для них характерна большая склонность к своей референтной группе (группа, на которую несовершеннолетний мысленно ориентируется и с которой соотносит свое поведение и самооценку) либо референту [5, с. 92]. Референтами обычно выступают старшие товарищи, как правило, из неблагополучных семей.

Сведения о социально-психологических отношениях несовершеннолетних в стихийно создаваемых группах необходимо учитывать в процессе допроса. По данным массового обследования И. С. Полонского, стихийно-групповое общение охватывает не менее 80—85 % всех подростков и юношей [10]. Анализ публикаций в прессе, изучение материалов правоохранительных органов показывают, что наиболее распространенными в настоящее время являются такие нетрадиционные группы, как «металлисты», «хиппи», «панки», «рокеры», спортивные «фанаты», группы, ведущие борьбу за свою территорию (с самыми замысловатыми названиями — от «апачей» до «мухоморов»). Деятельность неформальных групп молодежи порой попадает под пристальное внимание «авторитетов» преступной среды, рецидивистов. Они высматривают наиболее дерзких, не раз совершавших правонарушения членов таких групп, с тем чтобы вовлечь их в преступную деятельность [9, с. 43, 44].

Вопрос о необходимости получения и использования данных о личности несовершеннолетнего возникает как при подготовке к

допросу, так и при его проведении. Наиболее сложным и ценным элементом подготовки к допросу несовершеннолетнего является изучение сведений о его личности. Получение данных о личности несовершеннолетнего, их объем, средства и методы изучения зависят от следующих моментов: 1) целей допроса; 2) процессуального положения допрашиваемого; 3) характера расследуемого преступления; 4) возможностей следователя и уровня его профессиональных знаний. Для изучения личности несовершеннолетнего допрашиваемого используются методы, разработанные психологической наукой. В процессе изучения данных о личности на предварительном следствии могут быть использованы такие методы, как биографический, наблюдение, беседа, изучение продуктов деятельности, обобщение независимых характеристик [6, с. 64].

В период подготовки к допросу, учитывая психологические особенности несовершеннолетнего, следователь должен предусмотреть выбор места и времени допроса, создать необходимые условия для его производства, пригласить специалистов или родителей и т. п. Получение данных о психологической характеристике личности позволяет прогнозировать поведение несовершеннолетнего на допросе, возможные ситуации допроса, использовать возможности рефлексивного управления допрашиваемым.

Для установления психологического контакта между допрашивающим и допрашиваемым, от которого, в известной мере, зависит успех допроса, следователю необходимо расположить к себе допрашиваемого. При установлении психологического контакта определяются такие общие параметры допроса, как темп, ритм, уровень напряженности, состояние допрашиваемого. Сложность установления психологического контакта связана с процессуальным положением допрашиваемого, занятой им позиции, заинтересованностью или незаинтересованностью в исходе дела, его психологическим состоянием. Последнее определяет особенности протекания процессов (тонус, темп, ритм). Состояния лица всегда носят временный характер и этим они отличаются от свойств личности [4, с. 35]. В процессе допроса следователь должен, с одной стороны, стремиться снимать отрицательно действующие состояния, с другой — предотвращать их возникновение. Наиболее типичные состояния, присущие допрашиваемому, — это стресс, апатия, страх, фрустрация и др.

Особенности психики несовершеннолетнего необходимо учитывать при избрании тактических приемов или их систем. Связь между системами тактических приемов и психологическими особенностями несовершеннолетнего допрашиваемого имеет несколько аспектов и обусловлена процессуальным положением; поведением его в процессе допроса, характером и содержанием показаний, реакцией на применяемые тактические приемы. Избрание систем тактических приемов связано с ситуацией допроса. Среди типичных ситуаций допроса несовершеннолетнего можно выделить такие, как неправильная оценка воспринятого, запомнато-

ние отдельных моментов, ложь, отказ от показаний и др. Их правильная оценка следователем оказывает существенное влияние на эффективность допроса.

Список литературы: 1. *Бондаренко Е. А.* О психическом развитии ребенка (Дошкольный возраст). Минск, 1974. 2. *Глазырин Ф. В.* Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. 3. *Каневский Л. Л.* Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М., 1982. 4. *Ковалев А. Г.* Психология личности. М., 1970. 5. *Кон И. С.* Психология старшеклассника. М., 1982. 6. *Коновалова В. Е.* Психология в расследовании преступлений. Х., 1978. 7. *Коченов М. М., Осипова Н. Р.* Психология допроса малолетних свидетелей: Метод. пособ. М., 1984. 8. *Общая психология*/ Под ред. А. В. Петровского. М., 1976. 9. *Овчинский В.* Нетрадиционные группы молодежи// Соц. законность. 1988. № 4. 10. *Полонский И. С.* Психологические особенности стихийных внешкольных групп подростков и юношей: Автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. М., 1970. 11. *Смолина В. В., Кутейникова М. Г.* Возрастные особенности детей школьного возраста. Минск, 1973. 12. *Социальная психология*/ Под ред. А. В. Петровского. М., 1987.

Поступила в редколлегию 17.07.89

Д. В. ФИЛИН, В. А. КНЯЗЕВ, канд. юрид. наук, В. Н. ЗИНЧЕНКО

Харьков

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

НТП на современном этапе оказывает непосредственное влияние на совершенствование расследования преступлений, изменяет характер и особенности криминалистического и уголовно-процессуального мышления. Все больше используются в уголовном судопроизводстве данные естественных и технических наук, значительно расширяя тем самым возможности правоохранительных органов по расследованию и профилактике преступлений. В этой связи особое значение приобретает вопрос о формах использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Традиционно выделяют следующие формы: консультации специалиста; предварительное исследование объектов, содержащих скрытые для неспециалистов признаки общественно опасного деяния, существо и содержание которого может быть установлено только в процессе предварительного расследования; участие специалиста в следственном действии; экспертиза.

Данная классификация построена на формально-юридических критериях, что с криминалистической точки зрения едва ли является бесспорным. Это становится очевидным, если проанализировать такие формы использования специального знания в уголовном судопроизводстве, как экспертиза и предварительное исследование объектов. В качестве примера рассмотрим судебно-медицинскую экспертизу и освидетельствование, проводимые с целью определения характера и степени тяжести телесных повреждений. Здесь мы

имеем в виду не следственное действие, а конкретную форму применения специальных знаний.

Известно, что в отличие от судебно-медицинской экспертизы, назначаемой и проводимой при расследовании преступлений, освидетельствование может осуществляться до возбуждения уголовного дела по письменному поручению органов МВД, прокуратуры и суда (п. 2.1 Инструкции Минздрава СССР о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР; п. 3 Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений*). В постановлении о назначении экспертизы определяется программа исследования [12, с. 40], тогда как в поручении о производстве освидетельствования такой программы нет, что, впрочем, не означает ее полного отсутствия. В п. 33 Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, регулирующем и освидетельствование, перечислены вопросы, ответы на которые должны содержаться в акте освидетельствования. Это и есть программа освидетельствования. Более того, указанные в упомянутом пункте вопросы решаются и в ходе судебно-медицинской экспертизы. Высказанное в литературе суждение об использовании при освидетельствовании меньшего объема специальных знаний, чем при экспертизе [5, с. 104], не соответствует закону и противоречит логике. Напротив, Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений содержат единую методику как для производства экспертизы, так и для судебно-медицинского освидетельствования. Нельзя также согласиться и с мнением И. Л. Петрухина, считающего, что освидетельствование необходимо для выявления телесных повреждений без их медицинской оценки с последующим проведением судебно-медицинской экспертизы, а также, что характер и тяжесть телесных повреждений освидетельствованием не устанавливаются — для этого *обязательна* экспертиза [9, с. 137]. Правила, в частности п. 34, запрещают составление так называемых предварительных выводов, содержащих предположительные суждения о степени тяжести телесных повреждений. Результаты судебно-медицинского освидетельствования фиксируются в акте, где должны содержаться ответы на вопросы, перечисленные в п. 33 Правил, *первый* из которых предписывает установление характера повреждений с медицинской точки зрения, их локализацию и свойства. Анализ требований, предъявляемых к судебно-медицинской экспертизе и судебно-медицинскому освидетельствованию, позволяет выявить их тождественность в плане методики и порядка производства. Как экспертиза, так и освидетельствование имеют своей целью объяснение некоторых сторон объективной реальности.

Однако процессуальные последствия применения названных форм использования специальных знаний совершенно различны. Результатом проведения экспертизы является заключение, выступающее самостоятельным доказательством в деле. Во втором случае речь может идти лишь об акте, лишенном такого значения. Наличие

* Приказ Министра здравоохранения СССР № 1208 от 11.12.78 г.

акта в соответствии со ст. 76 УПК УССР не освобождает от назначения судебно-медицинской экспертизы, что нельзя признать рациональным в плане процессуальной экономии, учитывая идентичность методики исследования, применяемой в обоих случаях.

Изложенное убеждает в необходимости применения иных критериев при определении форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. В данной связи следует поставить вопрос о применении здесь не формально-юридического, а объективно-материального критерия, в основу которого должно быть положено понятие исследования, проводимого специалистом той или иной отрасли науки, техники, ремесла.

В юридической литературе судебная экспертиза определяется как процессуальное действие, основное содержание которого составляет производимое по заданию органов расследования или суда специально назначенным лицом — экспертом и в определенном законом порядке исследование с использованием специальных познаний с целью установления обстоятельств, имеющих значение для расследования, ход и результаты которого фиксируются в особом документе — заключении эксперта, являющемся самостоятельным видом доказательств [6, с. 5]. Аналогичные признаки экспертизы выделяют А. А. Эйман [15, с. 89], А. Р. Шляхов [14, с. 3—7], А. Я. Палиашвили [7, с. 3—20], В. А. Панюшкин [8, с. 118], В. Д. Арсеньев и В. Г. Заболоцкий [2, с. 16—26] и др.

Деятельность эксперта представляет собой синтез процессуальных и непроцессуальных действий. Если взаимоотношения эксперта и следователя, порядок составления заключения и т. п. в определенной степени регулируются УПК, то конкретные методики производства исследований находятся за пределами уголовно-процессуального законодательства. Такие признаки судебной экспертизы, как наличие постановления о ее производстве, описание хода исследования и его результатов в заключении, относятся к юридическим. Они не раскрывают существа экспертного исследования и по своему содержанию формальны. Материальным признаком, отличающим экспертизу от других форм использования специальных знаний в уголовном процессе, может быть понятие исследования. Под исследованием понимается процесс выработки новых знаний, один из видов познавательной деятельности [10, с. 516]. Цель экспертизы как формы познания — выявление существенных сторон объекта исследований. Учитывая, что сущность выражает главное, основное, определяющее в предмете, такое, что обусловлено глубинными необходимыми внутренними связями и тенденциями развития и познается на уровне теоретического мышления [11, с. 48], можно говорить о необходимости назначения экспертизы для выявления «скрытой», т. е. недоступной непосредственному восприятию информации [13, с. 146]. Выявив существенные стороны предмета, эксперт, будучи специалистом в определенной области, объясняет их в своем заключении, применяя методы как эмпирического, так и теоретического мышления.

Изложенное, думается, позволяет считать, что исследовательская деятельность характерна только для экспертизы и отсутствует при всех других формах реализации специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Поэтому нельзя согласиться с Ю. К. Орловым, который полагает, что специалист, участвующий в следственных действиях, тоже производит исследование, отличающееся от экспертного исследования наглядностью воспринимаемых фактов, имеющих общедоступный характер и понятных всем участникам следственных действий [6, с. 26]. Несмотря на это, действия специалиста в данном случае не могут быть признаны исследованием, ибо они не выявляют сущностных свойств объекта. Специалист только поясняет общедоступные, всеми воспринимаемые факты, хотя такое восприятие иногда обеспечивается при помощи технических средств. Познание, производимое специалистом, — это познание явлений, а не сущностей. По своему характеру оно эмпирическое. Объяснительная же функция, выполняемая экспертом, позволяет понять сущностные, существенные «внутренние» качества объектов реального мира. Они становятся доступными для других лиц только при посредстве экспертного заключения, излагающего сущность объекта исследования в доступных неспециалистам вербальных формах.

Следует отметить, что в задачу эксперта входит выявление не всякой сущности, а именно той, которая несет в себе особенное, индивидуально-конкретное, что отличает предмет исследования от всех других, относящихся к одному роду. К ходу экспертного исследования применима ленинская характеристика познания: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца» [1, т. 29, с. 227].

Таким образом, деятельность эксперта направлена на установление сущностных, особенных, индивидуально-конкретных свойств предметов, процессов, явлений, состояний объективной реальности путем применения научно обоснованных методик в сочетании с эмпирическими и теоретическими формами реализации научных, технических и других знаний. Применение аппаратуры и инструментов — необязательный признак экспертизы.

Некоторых уточнений требует такая форма использования специальных знаний, как предварительное исследование объектов, содержащих скрытые для неспециалиста признаки общественно опасного деяния. Данная форма имеет две разновидности. В первом случае она представляет собой исследование отдельных сущностных сторон объекта и имеет целью установление оснований для возбуждения уголовного дела. Применяющаяся при этом методика только частично совпадает с соответствующей экспертной методикой. Так, в некоторых случаях в стадии возбуждения уголовного дела производится исследование документов на предмет установления их подложности (травления). Наличие таких следов дает основание для принятия соответствующего процессуального решения. Вместе с тем в ходе названного предварительного исследования не устанавливаются другие сущностные признаки (способ травления, содержа-

ние вытравленного текста, химический состав веществ, применявшихся при этом, и т. п.). Такую форму использования специальных знаний мы бы предложили назвать предварительным внеэкспертным исследованием.

Во втором случае предварительное исследование в стадии возбуждения уголовного дела нецелесообразно, если его методика полностью совпадает с соответствующей экспертизой.

Приведенный пример с судебно-медицинской экспертизой и освидетельствованием показывает, что с точки зрения методики и порядка производства они одинаковы фактически и формально. Иными словами, в обоих случаях проводится именно исследование, в ходе которого выявляются существенные стороны объекта, и оно регламентируется п. 33 названных Правил. Таким образом, фактически в стадии возбуждения уголовного дела производится исследование, которое можно квалифицировать как судебно-медицинскую экспертизу. Однако при существующем формально-юридическом подходе оно получает форму лишь освидетельствования с соответствующими последствиями. С позиции же объективно-материального критерия названные формы представляют собой практически одно и то же. Следовательно, необходимость в одной из них отпадает.

Рассматриваемая проблема шире частного случая с судебно-медицинской экспертизой и освидетельствованием, взятыми нами для примера. Она обостряется, когда наряду с уголовно-процессуальным законодательством существуют ведомственные подзаконные акты (инструкции), регламентирующие проведение определенных исследований специалистами до возбуждения уголовного дела, методики которых тождественны экспертизам. Это касается исследования трупов и таких объектов, как крепкие спиртные напитки домашней выработки, холодное оружие, наркотические вещества*. Думается, что в подобных случаях было бы целесообразно предусмотреть проведение соответствующих экспертиз до возбуждения уголовного дела как раз с целью определения оснований для этого.

В литературе нет единого мнения о возможности получения консультаций у сведущих лиц (специалистов). Одни авторы считают, что такие консультации могут быть получены [2, с. 31], другие возражают против этого [13, с. 136]. На наш взгляд, суть вопроса не в том, каким образом специалист представляет органам, ведущим уголовный процесс, сведения, входящие в сферу его профессиональной деятельности, а в том, *как они процессуально фиксируются*. Консультации специалиста могут касаться отдельных достижений отрасли науки, в которой он работает, возможности происхождения некоторых явлений и процессов при определенных условиях, опи-

---

* Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР. Приложение № 1 к приказу Министерства здравоохранения СССР № 694 от 21.07.78 г. Назначение, организация, производство и использование заключений судебных экспертиз крепких спиртных напитков домашней выработки. Методические рекомендации // Ведомственные приказы и инструкции МВД СССР № исследованию холодного оружия. М., 1987.

сания действительных явлений и процессов, а также состояний с позиции их родовых свойств, т. е. всего того, что не относится к исследованию и было известно еще до начала расследования. Таким образом, консультативная деятельность специалиста ограничивается описанием, которое в практике научной деятельности имеет дело с явлениями, тогда как объяснение предполагает обращение к сущности изучаемого явления [3, с. 91] и не может обойтись без исследования. Известные ему сведения специалист излагает в справке. Если сведения, представленные специалистом, не вызывают сомнений, справка является доказательством — иным документом, и назначение экспертизы в данном случае не требуется.

Консультации специалиста, отмечает В. Е. Коновалова, могут быть даны и в устной форме, что в тактическом плане имеет большое значение для расследования. Это касается таких случаев, когда устная консультация позволяет следователю правильно решить вопрос о необходимости самого экспертного исследования и тем самым сэкономить процессуальные средства и время расследования [4, с. 37].

Таким образом, с учетом объективно-материального критерия, специальные знания в уголовном судопроизводстве можно использовать в следующих формах: экспертиза; предварительное внеэкспертное исследование; участие специалиста в производстве следственных действий; консультации специалиста, которые могут быть как письменными, так и устными.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. 3. Диалектика материального мира. Онтологическая функция материалистической диалектики. Л., 1985. 4. Коновалова В. Е. Психология в расследовании преступлений. Х., 1978. 5. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 6. Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М., 1982. 7. Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973. 8. Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. Воронеж, 1985. 9. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. 10. Советский энциклопедический словарь. М., 1979. 11. Сущность и явление. К., 1987. 12. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. 13. Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе (методологические и правовые проблемы). Саратов, 1986. 14. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. 15. Эйман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.

Поступила в редколлегию 31.07.89

А. Ю. ГЕРАСИМЕНКО

Харьков

ПОДГОТОВКА К ОБЫСКУ: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ТАКТИЧЕСКИЙ РИСК

Тактическим содержанием обыска является принудительное обследование помещений и сооружений, участков местности, отдельных

гражданин с целью отыскания и изъятия предметов, имеющих значение для дела, а также обнаружение разыскиваемых лиц.

Возможность производства обыска законодатель связывает с необходимостью наличия определенных условий — оснований для производства обыска. В соответствии со ст. 177 УПК УССР (ст. 168 УПК РСФСР) обыск производится следователем в тех случаях, когда он имеет достаточное основание полагать, что орудие преступления, вещи и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы и документы, имеющие значение для установления истины по делу, скрыты в определенном помещении или месте либо у какого-нибудь лица.

Обоснованность обыска является важнейшей гарантией соблюдения прав личности. Статья 54 Конституции СССР (ст. 52 Конституции УССР) и ст. 55 Конституции СССР (ст. 53 Конституции УССР) предусматривают право каждого гражданина на неприкосновенность личности и неприкосновенность жилища. Эти неотъемлемые права граждан обеспечиваются правовыми гарантиями. В ряде случаев законодательство предусматривает возможность их ограничения.

Производство обыска, связанное с ограничением прав личности, допускает элемент процессуального принуждения. В таких условиях неукоснительное выполнение требований уголовно-процессуального законодательства относительно обоснованности обыска является реализацией гарантий прав личности.

Необходимость обыска может возникнуть при расследовании любого преступления. Установление достаточности оснований предполагает анализ доказательств по конкретному уголовному делу. Обоснованность обыска, помимо своего чисто правового характера, имеет важное криминалистическое значение, так как является одной из предпосылок, обеспечивающих его результативность.

Установление достаточности оснований возможно рассматривать как результат прогностической деятельности следователя, включающей: суждение о целях обыска, суждение о необходимости получения конкретных предметов, суждение о вероятности нахождения данных предметов у определенного лица. Фактические данные, на основе анализа которых решается вопрос о допустимости обыска, наиболее часто имеют значение косвенных доказательств; они могут обладать различной степенью информативности. Учитывая неотложный характер обыска, следует отметить, что своевременное установление достаточности оснований как некоторого минимума информации, обеспечивающего возможность его производства, может представлять собой задачу повышенной сложности и иметь большое тактическое значение.

Обоснованность обыска является необходимым, но не достаточным условием, определяющим результативность этого следственного действия. Важнейшим фактором, который обеспечивает результативность обыска, является его подготовленность [7, с. 84]. Как свидетельствуют обобщения следственной практики по делам о хищениях государственного и общественного имущества, из общего

числа следственных действий, производимых следователем, обыск дает наиболее низкие показатели относительно получения доказательственной информации [7, с. 86; 2, с. 59]. Одной из причин низкой эффективности обыска следует считать недостатки, допущенные в ходе его подготовки.

Специфика обыска, его роль и значение для установления истины по делу во многом определяются особенностями, характерными для расследования того или иного вида преступлений. В частности, обыск относится к числу неотложных следственных действий, осуществляемых на первоначальном этапе расследования хищений государственного и общественного имущества.

Многообразию отраслей народного хозяйства, различия в специфике производства, а также разнообразию форм учета обуславливают особую сложность расследования преступлений этого вида.

Планирование расследования хищений государственного и общественного имущества предполагает наряду с проведением отдельных следственных действий проведение тактических операций [6, с. 34]. Одной из тактических операций является операция по возмещению ущерба, причиненного хищением. В структуре этой операции обыск занимает центральное место.

Обыски, проводимые по делам о хищениях, имеют несколько целей: 1) обнаружение доказательств хищения — документов, подтверждающих факт хищения, ценностей, нажитых преступным путем, а также лиц, совершивших преступление и скрывающихся от следственных органов; 2) возмещение материального ущерба, нанесенного преступным посягательством, выражающееся в обнаружении похищенного либо ценностей, нажитых преступным путем; 3) выявление причин и условий, способствовавших совершению хищения, посредством установления данных о характере похищенного, преступных связях, путей реализации похищенных ценностей [5, с. 75]. Многоплановость целей обыска определяется сложностью конкретных объектов, подлежащих отысканию.

Специфика хищения (присвоение, растрата и т. п.) обуславливает наличие комплексов наиболее типичных предметов поиска при обыске [5, с. 75].

Процесс подготовки к обыску включает в себя следующие элементы: 1) изучение материалов уголовного дела; 2) изучение данных о личности обыскиваемого; 3) изучение места предстоящего обыска; 4) составление плана обыска.

Специфика изучения материалов уголовного дела определяется тем, что при расследовании хищений государственного и общественного имущества они представляют собой данные ревизий и инвентаризаций, документы и определенную базу свидетельских показаний. Изучение этих материалов позволяет определить предмет обыска. Так, например, при расследовании хищений, совершенных путем растраты, наиболее типичным предметом обыска являются документы. Хищение, совершенное путем присвоения, в качестве типичного предмета обыска предполагает наличие значительного количества ценностей и денежных средств [5, с. 75].

Одной из целей изучения личности расхитителя в процессе подготовки к обыску является установление характера направленности его личных интересов (накопительство, ведение разгульного образа жизни, удовлетворение честолюбивых устремлений и т. п.).

Изучение сведений об окружении расхитителя позволяет установить характер и наличие его связей (преступные, родственные, товарищеские и т. п.). Этот аспект изучения личности дополняет и уточняет характеристику черт личности расхитителя. Кроме того, информация о связях расхитителя определяет вероятные места сокрытия похищенного.

Как свидетельствует следственная практика, расхитители, как правило, применяют изощренные способы совершения преступления и способы сокрытия.

Деятельность такого рода предполагает наличие профессионального опыта, высокий уровень интеллектуального развития, психологическую устойчивость и способность к рефлексивному мышлению (т. е. к имитации мыслей других людей [1, с. 118]). По отношению к этим лицам вполне вероятным является предположение о том, что они изучают специальную криминалистическую литературу или получают определенные сведения от лиц, которые подвергались обыску [7, с. 83]. Поэтому при подготовке к обыску следует избегать поспешных и необоснованных предположений.

В процессе изучения личности расхитителя важное значение имеет получение информации самого широкого плана и, по возможности, из независимых источников.

Изучение места предстоящего обыска является необходимой предпосылкой правильной организации этого следственного действия. Информация о месте предстоящего обыска служит основанием для построения розыскных версий, позволяет определить затраты времени, необходимые для производства обыска, и подобрать круг участников следственного действия.

Завершающий этап подготовки к обыску — составление плана обыска, который предусматривает последовательность и характер действий на месте обыска, его организацию (место, время производства, круг участников и распределение обязанностей, выбор научно-технических средств, методы охраны места обыска, способы связи).

Подготовка к обыску обеспечивает получение информации, служащей основанием для прогнозирования. Сущность последнего заключается в построении предложений относительно возможных результатов производства обыска. Мыслительная деятельность следователя при этом основывается на системе научных положений методики расследования хищений государственного и общественного имущества, анализе конкретной следственной ситуации, собственном опыте [6, с. 33]. Прогнозирование предполагает следующие направления: построение предположений относительно характера предметов обыска; построение предположений относительно связей расхитителя, с целью определения вероятных мест производства обыска; определение вероятных способов сокрытия предметов;

предвидение характера поведения обыскиваемого во время производства обыска.

Следует отметить, что план обыска не является жесткой и неизменной программой действий, он может корректироваться в процессе производства следственного действия. Поэтому прогнозирование выполняет важную ориентирующую роль и выступает одной из предпосылок, обеспечивающих результативность обыска. Положительное либо отрицательное решение вопроса о проведении обыска в данный период времени и в указанном месте зависит от прогноза следователя [6, с. 32].

При планировании обыска наибольшую сложность представляет оценка степени тактического риска, неизбежно связанного с его проведением. Под тактическим риском понимается определенная вероятность наступления отрицательных последствий вследствие тех или иных действий следователя [1, с. 115]. К ним относятся: неправильное определение места обыска, времени его проведения, возможных мест сокрытия и т. п.

Недостаточность информации о событии преступления, личности расхитителя, ее фрагментарный характер создают предпосылки тактического риска. Тактический риск является одним из способов преодоления проблемной ситуации, имеющей место при подготовке к обыску. Он представляет собой не опрометчивые поступки, которые осуществляются в надежде на удачный исход, а тактически грамотные, правильные в конкретной следственной ситуации действия, основанные на точном расчете, сообразительности, смекалке [4, с. 23].

При производстве обыска тактический риск находит свое наибольшее проявление в избрании времени производства обыска. Преждевременность обыска приводит к тому, что получение тех или иных доказательств затруднено тем обстоятельством, что отсутствуют необходимые сведения о предметах обыска, месте предстоящего обыска, личности обыскиваемого, вероятных способов сокрытия. Промедление с производством обыска ставит под сомнение его внезапность и может привести к тому, что искомые предметы будут удалены с места предстоящего обыска. Таким образом, свое непосредственное проявление при производстве обыска тактический риск находит прежде всего в опасности утраты доказательств.

В том случае, если обыск является составной частью тактической операции, степень тактического риска, связанная с его производством, возрастает. Так, например, производство обыска может предшествовать проведению допроса подозреваемого в совершении хищения, который в соответствии со ст. 107 УПК УССР (ст. 123 УПК РСФСР) является неотложным следственным действием [3, с. 78]. В таких ситуациях результативность обыска во многом определяет успешность проведения следственных действий, влияет на выбор их тактики. Обоснованность того или иного решения, связанного с производством обыска,

анализ имеющихся данных, прогноз, основанный на рефлексивном мышлении, уменьшают степень тактического риска, повышают результативность обыска.

Список литературы: 1. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики (криминалистические средства, приемы и рекомендации). М., 1979. Т. III. 2. *Глазырин Ф. В.* Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: Уч. пособие. Свердловск, 1973. 3. *Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е.* Криминалистическая характеристика преступлений: Уч. пособие. Х., 1985. 4. *Комарков В. С.* Психологические основы очной ставки (текст лекций). Х., 1976. 5. *Коновалова В. Е.* Обыск. Расследование хищений государственного и общественного имущества (проблемы тактики и методики). Х., 1987. 6. *Коновалова В. Е.* Организация расследований хищений государственного и общественного имущества: Уч. пособие. Х., 1984. 7. *Коновалова В. Е.* Психология в расследовании преступлений. Х., 1978.

Поступила в редколлегию 27.07.89

С. В. СТАРЖИНСКИЙ

Харьков

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ СВЯЗИ

Связь в СССР — важнейшая отрасль единого народнохозяйственного комплекса — призвана надежно удовлетворять потребности населения, народного хозяйства и обороны страны в средствах и услугах почтовой, телеграфной и телефонной связи, телевидения и радиовещания, обеспечивать распространение периодической печати.

XXVII съезд КПСС определил основные пути дальнейшего развития услуг связи на базе внедрения современных систем передачи информации и средств коммуникации. В текущей пятилетке запланировано увеличить объем услуг связи на 26—28 %, развивать и повышать надежность работы единой автоматизированной сети связи на основе новейших достижений науки и техники. Объем услуг телефонной связи, оказываемых населению, возрастет в 1,6—1,7 раза, количество междугородных телефонно-автоматов — в 2,5—3 раза, до 70 % повысится уровень автоматизации междугородной телефонной связи. К концу пятилетки будет обеспечен в основном повсеместный прием двух программ телевидения, расширится многопрограммное радиовещание в сельской местности [1, с. 305, 309].

На XIX партконференции подчеркивалась важность выполнения задач, стоящих перед отраслями народного хозяйства, в том числе и в области связи. В условиях ускоренного развития услуг связи и технических средств информации возрастает значение оптимальной реализации и неукоснительного соблюдения правил, действующих в области связи, установленных отдельными законодательными актами. Уставом связи [2, 1971, № 10, ст. 83; 1978, № 21, ст. 132], рядом постановлений Правительства СССР и приказов Министра связи СССР. Эти правила являют-

ся общеобязательными для граждан и определенных должностных лиц, пользующихся средствами связи. Они регламентируют ряд важных вопросов строительства, эксплуатации и устройства средств связи, а также применение мер воздействия за невыполнение или ненадлежащее исполнение предписаний, регулирующих бесперебойное обслуживание средствами связи, их устройство и надежную эксплуатацию. Соблюдение этих правил выступает одной из важных гарантий неукоснительного выполнения конституционного положения о тайне переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, охраняемых законом (ст. 56 Конституции СССР), способствует тому, чтобы средства связи использовались в целях, не противоречащих государственным интересам и общественному порядку.

С целью обеспечения строгого соблюдения общегосударственных правил, действующих в области связи, установлена административная ответственность должностных лиц и граждан за их нарушение или несоблюдение.

Республиканские кодексы об административных правонарушениях, принятые в 1984—1985 гг., собрали воедино ранее разобщенные по различным правовым источникам нормы [3, с. 81—83], регулировавшие административную ответственность в области связи. В действующем Кодексе Украинской ССР [4, 1984, прил. к № 51, ст. 1122] система административных правонарушений в области связи и административная ответственность за их совершение определены статьями 144—148 (глава 10 «Административные правонарушения на транспорте, в области дорожного хозяйства и связи»). Аналогично в целом разрешен вопрос об административной ответственности в области связи и кодексами об административных правонарушениях других союзных республик (ст. 136—140 гл. 10 Кодекса РСФСР; ст. 135—139 гл. 10 Кодекса БССР; ст. 155—159 гл. 11 Кодекса УзССР; ст. 147—151 гл. 11 Кодекса КазССР; ст. 142—146 гл. 10 Кодекса МССР). Различия в регулировании проявляются в специфике формирования правил некоторых статей и применяемых взысканий.

Административная ответственность в виде штрафа установлена для должностных лиц за устройство и эксплуатацию радиотрансляционного узла без надлежащей регистрации или без разрешения (в тех случаях, когда оно требуется), независимо от его мощности. Административное взыскание на граждан, как и на должностное лицо, может быть наложено также за устройство и эксплуатацию радиотрансляционной точки без надлежащей регистрации или без разрешения (в тех случаях, когда оно требуется), независимо от ведомственной принадлежности радиотрансляционного узла, от которого она установлена (ст. 144 Кодекса УССР). Административная ответственность за указанные нарушения была введена в 1939 г. постановлением Правительства СССР [2, 1939, № 54, ст. 493] в условиях проведения в стране массовой радиофикации. В 1962 г. были внесены уточнения [2, 1962, № 1, ст. 10], а в 1963 г. министром связи СССР утвержда-

ется Инструкция о порядке устройства и эксплуатации радиотрансляционных точек, а также о взимании установочной и абонентной платы за них [5, с. 129—131]. В практике дела о нарушениях правил устройства и эксплуатации радиоустановок встречаются крайне редко. Возможность применения мер административного воздействия за указанные нарушения носит в основном предупредительный характер. Однако, несмотря на это, административная ответственность за устройство радиоустановок без регистрации или надлежащего разрешения целесообразно, так как эти действия препятствуют нормальному радиовещанию, причиняют имущественный ущерб его предприятиям. Протокол о рассматриваемом правонарушении правомочны составлять уполномоченные на то должностные лица органов связи (ст. 255 Кодекса УССР), а дело об административном проступке рассматривается административной комиссией при исполнительном комитете местного Совета (ст. 218 Кодекса УССР) по месту жительства нарушителя.

Серьезным административным правонарушением признается изготовление и использование без надлежащего разрешения радиопередающих устройств, а равно использование их с нарушением правил, регулирующих радиосвязь. Эти действия наносят большой вред работе радиовещания. Выявление в эфире радиопередач с незаконных радиопередающих установок возложено на органы Министерства связи. Они представляют органам внутренних дел заключения о незаконном изготовлении самодельного радиопередающего оборудования и возможности использования изъятой аппаратуры для проведения радиопередач. Административная ответственность за незаконное изготовление и использование радиопередающих установок введена еще в 1960 г. [4, 1960, № 13, ст. 53]. Виновные в таких действиях лица привлекаются к административной ответственности, выражающейся в наложении штрафа в размере до 50 р. с конфискацией аппаратуры, используемой для радиопередач (ст. 145 Кодекса УССР)*.

За те же действия, совершенные несовершеннолетними в возрасте до 16 лет, ответственность несут их родители или лица, их заменяющие (ст. 184 Кодекса УССР). Протокол о нарушении оформляется уполномоченными на то должностными лицами органов внутренних дел и связи. Они же изымают у граждан аппаратуру, изготовленную или используемую для проведения незаконных радиопередач. Не позднее 3-х суток со времени выявления нарушения материалы о нем передаются органу, уполномоченному рассматривать дело. Учитывая, что эти нарушения влекут серьезные последствия, а дела о них весьма сложны, мате-

---

* В РСФСР и других республиках характеристика состава данного правонарушения несколько иная: изготовление и использование радиопередающих устройств без разрешения. Штраф за его совершение определен абсолютно — 50 р. (ст. 137 Кодекса РСФСР, ст. 148 Кодекса КазССР, ст. 143 Кодекса МССР и т. д.). В Кодексе БССР штраф в размере 50 р. налагается при повторном нарушении (ст. 136).

риалы рассматриваются народным судьей единолично в течение 3-х суток по поступлению их в суд из органов связи (ст. 277 Кодекса УССР). Конфискованная постановлением судьи аппаратура, которая использовалась для незаконных радиопередач (радиоприемник, магнитофон, электрофон и другое оборудование, могущее способствовать радиопередаче), реализуется в соответствии с установленным Министерством финансов СССР порядком учета и использования конфискованного имущества. При этом передающая приставка демонтируется. За ведение радиопередач, носящих непристойный характер, выражающих пренебрежение к обществу, виновные лица привлекаются к уголовной ответственности согласно действующему законодательству как за хулиганство.

В современных условиях эффективного и широкого развития радиовещания опасные последствия могут вызывать нарушения утвержденных Министерством связи СССР правил приобретения, установки, строительства и эксплуатации радиоэлектронных средств, а также правил использования радиочастот, норм радиоизлучений и допускаемых промышленных помех радиоприему. В 1972 г. введена административная ответственность за эти нарушения со стороны должностных лиц предприятий и организаций, если в круг их служебных обязанностей входит обеспечение выполнения указанных правил. Органы Государственной инспекции электросвязи системы Министерства связи СССР наделяются правом налагать непосредственно на виновных лиц административные взыскания [2, 1972, № 16, ст. 85; 6, 1972, № 33, ст. 297]. В настоящее время выдача предприятиям, организациям и учреждениям разрешений на строительство, установку и эксплуатацию радиопередающих средств любого типа и высококачественных устройств, назначение рабочих частот и позывных сигналов, а также контроль за их использованием возложены на Министерство связи СССР и министерства связи союзных республик. К должностным лицам, виновным в нарушениях правил приобретения, установки и эксплуатации радиоэлектронных средств, применяется штраф в размере 30 р. При повторном (в течение года после наложения взыскания) совершении должностным лицом нарушения, а равно при совершении нарушения, повлекшего создание помех радиоприему, размер штрафа возрастает до 50 р. (ст. 146 Кодекса УССР). Протокол об административном правонарушении составляется уполномоченными на то должностными лицами органа Государственной инспекции электросвязи Министерства связи СССР. Дело о нарушении правомочно непосредственно рассматривать начальники соответственно Государственной инспекции электросвязи Министерства связи СССР, Государственной инспекции электросвязи Министерства связи республики. Государственной инспекции электросвязи областного (краевого) производственно-технического управления связи.

Нормальное функционирование средств связи, технических средств, телевидения, радиовещания, радиофикации возможно лишь

в условиях надежной сохранности линий связи. Действующие Правила охраны линий связи утверждены постановлением Совета Министров СССР от 22 июля 1969 г. [2, 1969, № 18, ст. 104].

В Украинской ССР административная ответственность за нарушение правил охраны кабельных и воздушных линий связи, а также радиорелейных сооружений была введена в 1962 г. [7, 1962, № 6, ст. 89]. В настоящее время нарушение правил охраны линий и сооружений связи, а также порча линейных и кабельных сооружений связи составляют самостоятельные виды административных проступков и влекут административную ответственность в виде штрафа (ст. 147 Кодекса УССР). Административное взыскание налагается на граждан (в размере до десяти рублей) или на должностных лиц (до пятидесяти рублей).

Протокол о нарушении правил охраны линий и сооружений связи вправе составлять уполномоченные на то должностные лица органов связи. Дела об этих административных правонарушениях рассматриваются административными комиссиями (ст. 218 Кодекса УССР).

Повреждение телефонов-автоматов в настоящее время составляет самостоятельный состав административного правонарушения (ст. 148 Кодекса УССР), совершение которого влечет наложение штрафа*. До введения в действие кодексов об административных правонарушениях административная ответственность за повреждение телефонов-автоматов регулировалась решениями городских Советов народных депутатов.

Протокол о повреждении телефонов-автоматов составляется уполномоченными на то должностными лицами органа внутренних дел или связи. Также правомочны оформлять его и народные дружинники. Дело об указанном административном правонарушении рассматривается административной комиссией (ст. 218 Кодекса УССР).

Борьба с административными правонарушениями в области связи, как и в других областях народного хозяйства, может быть результативной при условии четкого и постоянного контроля за выполнением общеобязательных правил, действующих в отрасли, а также точного исполнения закона при применении мер воздействия за административные правонарушения. Между тем обобщение практики свидетельствует, что требования законодательства об административных правонарушениях соблюдаются не в полной мере. Не всегда выполняются общие правила о том, что при наложении взыскания необходимо учитывать характер совершенного правонарушения, личность правонарушителя, степень его вины, имущественное положение, обстоятельства, смягчающие и отягча-

---

* Кодексом МССР административная ответственность установлена за повреждение таксофонов, телефонных кабин, разменников монет, почтовых автоматов, абонентских шкафов и абонентских устройств, а также за самовольную установку и переустановку телефонов и дополнительных приборов (ст. 146). К нарушителю можно применить не только штраф, но и предупреждение.

ющие ответственность. Нередки еще случаи небрежного оформления протоколов о нарушениях, отступления от сроков и порядка рассмотрения дел, неудовлетворительной подготовки их к рассмотрению. При рассмотрении дел об административных правонарушениях в области связи сравнительно редко устанавливаются причины и условия, способствующие их совершению. О них не сообщается соответствующим государственным органам, общественным организациям или должностным лицам. Не всегда соблюдается предписание Кодекса об административных правонарушениях о доведении постановления о наложении административного взыскания до сведения общественности. Определенная часть постановлений о наложении административных взысканий не исполняется. Все это требует повышения эффективности деятельности контролирующих органов, а также действенности прокурорского надзора.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986. 2. *Ведомости Верховного Совета СССР.* 3. *СП СССР.* 4. *Ведомости Верховного Совета УССР.* 5. *СП УССР.* 6. *Ответственность за административные правонарушения:* справочник для работников юстиции и правоохранительных органов. М., 1979. 7. *Сборник законодательных и нормативных актов об административной ответственности.* М., 1972.

Поступила в редколлегию 27.02.88

А. В. ДЬЯЧЕНКО

Харьков

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ИЗВЛЕЧЕНИЕМ НЕТРУДОВЫХ ДОХОДОВ

Коренная перестройка экономики, социальной и духовной сферы немыслима без совершенствования распределительных отношений, утверждения принципа социальной справедливости, повышения престижа честного и добросовестного труда на благо общества. Одна из задач в области совершенствования распределительных отношений — решительная борьба с извлечением нетрудовых доходов. В Программе КПСС сказано о последовательном проведении линии на то, чтобы распределительный механизм служил надежной преградой нетрудовым доходам, уравниловке в оплате труда — всему, что противоречит нормам и принципам социалистического общества. Партия потребовала усилить контроль за мерой труда и мерой потребления, вести бескомпромиссную борьбу с нетрудовыми доходами, осуществить дополнительные меры, направленные против туенядцев, расхитителей социалистической собственности, взяточников [1, с. 152, 47].

Реализуя установки XXVII съезда партии, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР приняли ряд важных решений, в которых намечена целая система мер экономического, организационного, воспитательного и пра-

вового характера по усилению борьбы с извлечением нетрудовых доходов [2, 1986, № 21, ст. 119—121].

В комплексе мер правового характера важная роль в искоренении нетрудовых доходов отводится использованию *административно-правовых средств*, т. е. тех, которые урегулированы нормами административного права и реализуются на базе их предписаний.

Система административно-правовых средств охватывает: регулирование нормами административного права борьбы с извлечением нетрудовых доходов; проведение уполномоченными должностными лицами установленных административно-правовыми нормами профилактических мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих извлечению нетрудовых доходов; использование разнообразных мер пресечения конкретных проявлений извлечения нетрудовых доходов; привлечение к административной ответственности лиц, совершивших правонарушения, связанные с извлечением нетрудовых доходов.

Ведущую роль в регулировании играют постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, законодательные акты Президиумов Верховных Советов Союза ССР и Украинской ССР, направленные на увеличение производства товаров повышенного спроса; создание материальных и организационных предпосылок для удовлетворения потребностей населения в бытовых, медицинских и других видах услуг, повышения их качества; усиление работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов; совершенствование государственного и общественного контроля за мерой труда и мерой потребления; урегулирование индивидуальной трудовой деятельности и усиление борьбы с извлечением нетрудовых доходов. Административно-правовое регулирование призвано активизировать применение экономических и других стимулов, с тем чтобы во всех отраслях народного хозяйства неукоснительно соблюдались законы и требования социальной справедливости, были прочно перекрыты все каналы и лазейки для незаконного обогащения за счет государства и граждан.

В борьбе с нетрудовыми доходами первостепенная роль отведена *административно-предупредительным средствам*, которые отличаются профилактической направленностью и используются с целью предупреждения правонарушений, создания условий для выполнения общеобязательных правил. Основания и порядок применения административно-предупредительных средств урегулированы административно-правовыми нормами, что надежно гарантирует законность и обоснованность их реализации.

К административно-предупредительным средствам относится, например, посещение предприятий, учреждений, организаций, жилых и иных помещений и других объектов уполномоченными на то должностными лицами для профилактической проверки соблюдения общеобязательных правил, выявления источников извлечения нетрудовых доходов. При необходимости для установ-

ления личности, подлинности документов и принадлежности их предъявителю проводится проверка документов. Разрешена, например, проверка у водителей путевых (маршрутных) листов и других документов, относящихся к перевозимым грузам и пассажирам. К новым административно-правовым предупредительным средствам, направленным на усиление борьбы с нетрудовыми доходами, следует отнести: введение особого порядка сделок между гражданами, заключаемых для приобретения строительных материалов, и сделок граждан с предприятиями, учреждениями и организациями на сумму свыше 5 тыс. р. Одно из эффективных средств профилактики нетрудовых доходов — обязательное представление гражданами в определенных законом случаях деклараций о доходах в финансовые органы. Порядок представления деклараций установлен Инструкцией, утвержденной 15 июля 1986 г. Министерством финансов СССР, Государственным банком СССР, Министерством торговли СССР и Министерством юстиции СССР [4, 1987, № 2].

Следует отметить, что наряду с предупредительными средствами применяются меры административного пресечения. Они используются в случаях, если необходимо прекратить (пресечь) в принудительном порядке противоправные действия по извлечению нетрудовых доходов, предотвратить их вредные последствия, привлечь нарушителей к ответственности. К мерам пресечения можно, например, отнести: официальное требование должностного лица контрольно-надзорного органа прекратить противоправное поведение или действия, соблюдать общеобязательные правила; привод в милицию для официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения лиц, систематически извлекающих нетрудовые доходы. Эффективной мерой пресечения является задержание лица, совершившего корыстное административное правонарушение, на срок не более трех часов для составления протокола, а в необходимых случаях — для установления личности и выяснения обстоятельств правонарушения. Используются также досмотр вещей и документов, личный досмотр. В случае обнаружения вещей и документов, являющихся орудием или непосредственным объектом правонарушения, последние изымаются и хранятся вплоть до рассмотрения дела об административном правонарушении. В случаях выявления лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью с нарушением порядка занятия такой деятельностью, исполнительным комитетом местного Совета народных депутатов, выдавшим разрешение на занятие такой деятельностью, указанным лицам может быть запрещено занятие ею с последующим изъятием регистрационного удостоверения или патента. С целью пресечения правонарушений, связанных с извлечением нетрудовых доходов, может быть прекращена подача электрической и тепловой энергии, газа, используемых в быту в корыстных целях, приостановлена эксплуатация машин и механизмов.

Для утверждения принципа социальной справедливости большое значение имеет применение административной ответственности за правонарушения, связанные с извлечением нетрудовых доходов. В целях усиления борьбы с нетрудовыми доходами в Кодекс Украинской ССР об административных правонарушениях внесены значительные изменения и дополнения.

С целью перекрытия возможных каналов и лазеек извлечения нетрудовых доходов Кодекс дополнен целым рядом статей, устанавливающих административную ответственность (например, самовольное использование в корыстных целях электрической, тепловой энергии или газа в быту (ст. 103¹), транспортных средств, машин либо механизмов, принадлежащих предприятиям, учреждениям, организациям (ст. 132), уклонение от подачи либо несвоевременная подача деклараций или включение в нее заведомо искаженных данных (ст. 164¹ и др.).

Кроме того, значительно усилена административная ответственность за совершение мелких хищений (ст. 51), мелкой спекуляции (ст. 157), за нарушение порядка занятия индивидуальной трудовой деятельностью (ст. 164), за занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности (ст. 165) и за ряд других административных правонарушений, связанных с извлечением нетрудовых доходов.

Применение в комплексе разнообразных административно-правовых средств борьбы с нетрудовыми доходами на основе строгого соблюдения социалистической законности характеризуется высокой степенью воспитательного и профилактического воздействия как в отношении правонарушителей, так и других лиц. Однако желаемый эффект — искоренение нетрудовых доходов — еще не достигнут. Последовательное усиление воспитательной роли административно-правовых мер в борьбе с нетрудовыми доходами возможно в рациональном сочетании с осуществлением мер экономического, организационного и воспитательного характера. В борьбе с нетрудовыми доходами важно расширять гласность. Необходимо чаще выносить на публичное обсуждение случаи любых проявлений нарушений принципа социальной справедливости, проводить открытые дискуссии о путях их преодоления. Всеми средствами организаторской и воспитательной работы, усилиями пропаганды и агитации следует укреплять у людей понимание того, что борьба с извлечением нетрудовых доходов есть дело всех и каждого и ни один государственный или общественный орган не может остаться в стороне. Особенно важен в искоренении нетрудовых доходов такой канал выражения общественного мнения, как участие населения в исполнительной и правоприменительной деятельности государственных органов. Нужно активизировать деятельность по искоренению нетрудовых доходов всевозможных общественных формирований, вспомогательных комиссий и комитетов при исполнительных органах и других органах общественной самодеятельности. Решающим звеном

проявления силы общественного мнения в борьбе с нетрудовыми доходами должны стать трудовой и учебный коллективы, семья [3, с. 66—67].

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *СП СССР*. 3. *Щербак А. И.* Нетрудовые доходы: пути искоренения. К., 1987. 4. *Бюл. нормативных актов министерств и ведомств СССР*.

Поступила в редколлегию 17.02.88

К. К. ГУЛЫЙ

Харьков

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УСЛУГИ

В авторско-правовой литературе и законодательстве издательский, постановочный, сценарный и другие договоры правомерно трактуются как разновидности авторского договора, поскольку они регламентируют отношения между субъектом авторских прав (автором или его правопреемником) и соответствующей организацией по поводу издания, постановки, экранизации и иного использования произведения науки, литературы и искусства, т. е. объекта авторского права. Вместе с тем до сих пор неясным остается вопрос об обобщающем родовом понятии указанных договоров. Таковым, по мнению О. А. Красавчикова, пытавшегося обосновать необходимость существования наряду с авторским также издательского права, должен явиться договор по оказанию автору услуг [3, с. 110 — 111].

Как известно, услуга предполагает возмездность отношений, причем вознаграждение причитается тому, кто оказывает услугу, а не тому, кто получает ее. На этом основании против предложения О. А. Красавчикова выступает А. К. Юрченко, который пишет: «В действительности же не автор платит, а автору выплачивается авторское вознаграждение, и не за оказываемую ему услугу, а за созданное им произведение, являющееся объектом авторского права и переданное организации для использования» [8, с. 19].

Нетрудно заметить, что в данном случае А. К. Юрченко имеет в виду гонорарные работы. Однако деятельность издательства не ограничивается только изданием подобного рода работ. Например, научные издательства осуществляют подготовку и выпуск в свет также заказных изданий (научных трудов, межведомственных сборников, вестников институтов и университетов и др.). В последнее время широкое распространение получило издание книг за счет средств автора. Здесь уже не издательство выплачивает вознаграждение за переданные ему для использования произведения, а, наоборот, сами авторы и соответствующие организации возмещают издательству расходы,

связанные с подготовкой и выпуском в свет заказной и иной печатной продукции. Не учитывает А. К. Юрченко и то обстоятельство, что произведения, созданные авторами в порядке выполнения служебного задания (так называемые плановые работы) и не подлежащие по закону оплате, в большинстве случаев являются для издательства убыточными, поскольку они, как правило, малотиражны и рассчитаны на узкий круг специалистов. Поэтому, чтобы возместить убытки, понесенные в результате издания плановых, а нередко и гонорарных работ, издательство вынуждено или подготавливать и выпускать в свет плановые работы на компенсационных условиях, или наряду с актуальными, но убыточными работами, издавать произведения, пользующиеся повышенным спросом, но не соответствующие профилю издательства (научные издательства, переведенные на новые условия хозяйствования, кроме собственно научной продукции выпускают классическую художественную литературу, поддерживая тем самым баланс между неприбыльными и прибыльными изданиями).

В любом случае не вызывает возражений, что автор создает произведение не для потребления его издательством, а для того, чтобы издательскими средствами оно было доведено до читателя. Следовательно, издательство выступает в качестве своеобразного посредника между автором и читателем. Последний с помощью издательства получает необходимые ему произведения, а автор с помощью опять-таки издательства реализует свои права, удовлетворяя тем самым личные неимущественные и имущественные интересы. Издательство является центральным звеном в системе отношений, возникающих по поводу издания произведений науки, литературы и искусства (отсюда правомерно закрепление в законодательном порядке категории издательского права).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что автор получает вознаграждение по существу не от издательства, как полагает А. К. Юрченко, а от общества через издательство. Выплачивая автору по одобрении рукописи аванс, а затем, после выхода книги в свет, производя с ним согласно договору окончательный расчет, издательство впоследствии, реализуя печатную продукцию, возмещает или по крайней мере стремится возместить свои расходы (за вычетом полиграфических услуг, стоимости бумаги и книготорговой скидки).

Издательство оказывает услуги автору, предоставляя ему специалиста-редактора, который способен оценить и квалифицированно подготовить авторский оригинал к печати, а также материальную базу для создания книги (типографию, бумагу) и довести ее до читателя (через книготорговую сеть). Одновременно издательство оказывает услуги и потенциальному читателю, производя отбор нужных ему произведений, делая их доступными для него, обладающими соответствующими информационными, научными, художественными и иными свойствами.

Предложение О. А. Красавчикова о возможности рассматривать издательский договор как договор по оказанию автору услуг правомерно, но недостаточно аргументировано с точки зрения анализа редакционно-издательской деятельности как разновидности услуг. Кроме того, сводить понятие услуги *только* к возмездности отношений, было бы ошибочным. Поскольку, как уже отмечалось, издательство является центральным звеном в системе отношений, возникающих в связи с изданием печатной продукции, и в силу своей специальной правоспособности может вступать с авторами в договорные отношения и принимать на себя обязанности по изданию и переизданию их произведений, представляется необходимым рассмотреть сущность редакционно-издательской деятельности как бы изнутри, в плане ее соотносительности с деятельностью автора по созданию произведений науки, литературы и искусства.

Как известно, между материальным и духовным производством существует тесная и сложная взаимосвязь. Цель духовного производства — создание духовных благ. Последние всегда имеют материальные носители, но по существу являются идеальными. Книга, например, есть материальный предмет, однако духовные потребности людей удовлетворяет не он, а заключенные в нем идеальные образы, мысли, информация и т. д.

Духовное производство охватывает науку, искусство, образование, просвещение, воспитание и др. Особое место в нем занимает культурно-просветительная работа, частью которой является редакционно-издательская деятельность. Подобного рода работа в экономико-философской литературе характеризуется как разновидность услуги [2; 6; 7 и др.]. Услуги, удовлетворяющие потребности людей идеальным действием, относятся к духовному производству (например, труд издательского редактора, оказывающего помощь автору в работе над рукописью).

Смысл редакционно-издательской деятельности как разновидности услуги заключается в том, что она направлена прежде всего на организацию процесса потребления духовных благ (совершенствование созданных авторами произведений науки, литературы и искусства посредством специфически редакторских приемов, размещение заказов на полиграфпредприятиях и др.) и удовлетворение потребностей людей в печатной продукции. Именно в процессе удовлетворения этих потребностей и происходит реализация печатной продукции как результата редакционно-издательской деятельности.

Потребляя так называемые чистые услуги, к каковым К. Маркс относил деятельность врачей, актеров, учителей, индивид потребляет, с одной стороны, полезные эффекты соответствующих видов деятельности, которые удовлетворяют потребности человека непосредственно. В этом случае «произ-

водимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится» [1, с. 421]. С другой стороны, индивид одновременно потребляет овеществленные элементы прошлого труда: книги, аппаратуру, декорации и т. п. Определяющей стороной здесь является производство полезного эффекта, потребительной стоимости услуги, создаваемой и потребляемой в процессе труда. Речь идет об услугах, которые материализованы, овеществлены в определенные ценности культуры: книги, картины и «вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника» [1, с. 420]. В данном случае посредником между автором, создавшим конкретную рукопись, и читателем, потребляющим эту определенным образом обработанную и средствами полиграфии растиражированную рукопись в виде книги, выступает издательство.

Характерной чертой услуги вообще и культурных услуг в частности является то, что они не воссоздают фонда потребления. Поэтому труд людей, занятых производством культурно-просветительных услуг, оплачивает государство. Действительно, деятельность врачей, актеров, учителей, редакторов и иных лиц в национальном доходе не учитывается. Но услуги, которые они оказывают, те специфические предметы потребления, особые потребительные стоимости, которые они создают, приводят к увеличению потребления общества. Редакторы, способствуя созданию своей деятельностью печатной продукции как предмета потребления, тем самым способствуют созданию личного фонда потребления общества. Этот вид услуг не имеет стоимости, но может иметь цену, позволяет учитывать их в денежной форме в личном фонде общества.

Издательства и люди, занятые в сфере редакционно-издательской деятельности, участвуют в создании услуг. Но это услуги особого рода, ибо они оказываются как автору произведения — с целью повышения идейных, научных и литературных достоинств произведения, исключения непроверенных фактов и бездоказательных выводов, достижения логической стройности за счет совершенствования словарного фонда книги и стиля изложения [4, с. 179], так и будущему читателю книги — чтобы облегчить ему пользование ею и повысить ее научные, познавательные и художественные свойства. Именно редакционно-издательская деятельность непосредственно способствует переходу от создания произведений науки, литературы и искусства к организованному, целенаправленному и культурному потреблению печатной продукции, соединяя в единое целое процесс создания произведений и процесс их потребления, автора произведений и их читателя.

Вне редакционно-издательской деятельности невозможен переход от создания произведений к их потреблению, ибо эта деятельность предполагает функционирование специализированных предприятий — издательств, которые, во-первых, при отборе

произведений к опубликованию исходят из требований, предъявляемых к печатным изданиям в СССР (они должны отличаться высокими научными и художественными достоинствами, отражать современные достижения науки, техники и культуры, быть высококачественными по литературной обработке, оформлению и полиграфическому исполнению, не содержать материалов, противоречащих интересам социалистического государства и задачам охраны государственных тайн в печати [4, с. 172]; во-вторых, содержат в своем штате людей, занимающихся этой специфической творческой деятельностью, — редакторов; в-третьих, имеют собственную материально-техническую базу — полиграфпредприятия, осуществляющие набор, печатание и тиражирование произведений, которые после этого поступают в книготорговую сеть или рассылаются заказчикам.

В. Н. Орлов отмечает, что духовное производство включает в себя продуктивную деятельность, направленную непосредственно на производство духовных благ, и репродуктивную деятельность, связанную с распределением, обменом и потреблением. Причем процесс создания духовных благ — главный вид духовной деятельности, поскольку предполагает создание нового, ранее неизвестного. В нем выражается творческая активность личности, ее продуктивное начало, способность к совершению открытий. Продуктивная деятельность ориентирована прежде всего на управление.

Иной характер носит управление репродуктивной деятельностью в сфере духовного производства. Работники, занимающиеся данным видом деятельности, призваны обслуживать творческий процесс, способствовать продуктивной деятельности непосредственных производителей духовных благ, ускорять реализацию духовной продукции, содействовать интенсификации духовного производства. Процесс управления репродуктивной деятельностью имеет черты сходства, общности с процессом управления материальным производством. Он, как правило, жестко регламентирован, ограничен временными рамками, режимом, порядком дня, подчинен конкретным заданиям, которые необходимо выполнить в течение определенного периода. Эта деятельность подлежит нормированию и четкому планированию. «Управление этой деятельностью, — пишет В. Н. Орлов, — строится с учетом особенностей ее функционирования, ее некоего подчиненного характера, «вторичности» по отношению к труду непосредственных производителей духовных благ. В управлении этой сферой духовного производства доминирующее значение имеют административные и экономические методы руководства» [5, с. 105 — 106].

Из изложенного несложно провести параллель между трудом автора, создающего произведения науки, литературы и искусства, и редакционно-издательской деятельностью, цель которой — обслуживание творческого процесса, в результате чего рукопись превращается в книгу, и доведение ее до читателя.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 26. Ч. 1. 2. Духовное производство: социально-философский аспект проблемы духовной деятельности / Отв. ред. В. И. Толстых. М., 1981. 3. Красавчиков О. А. Издательское право (постановка вопроса) // Проблемы современного авторского права. Свердловск, 1980. 4. Нормативные материалы по издательскому делу: Справочник / Сост. В. А. Маркус. М., 1987. 5. Орлов В. Н. Духовное производство и его развитие в условиях социализма. М., 1986. 6. Солодков М. В., Самар П. П. Методология исследования производительного и непроизводительного труда при социализме. М., 1968. 7. Сфера обслуживания при социализме / Под ред. Е. И. Капустина. М., 1968. 8. Юрченко А. К. Издательский договор. Л., 1988.

Поступила в редколлегию 17.07.89

ДЕПОНИРОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

препора Св. 5.
Х/2 р/и за 1986-1990-г

Черниченко С. А. Партийные организации Украины в борьбе против преступности (1921—1936 гг.) / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1987. — 108 с.: Библиогр.: 37 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 05.05.87. № 29331.

Раскрывается организаторская роль партийных организаций Украины в борьбе с преступной деятельностью эпманов, а также хулиганством, хищениями, взяточничеством, растратами, самогоноварением и другими преступлениями в исследуемый период.

Чефранов В. А. и др. Правовое воспитание трудящихся — составная часть идеологической работы Коммунистической партии Украины (1917—1980 гг.) / Чефранов В. А., Черниченко С. А., Вайнер Ф. Г. и др. Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1988. — 240 с.: — Библиогр.: 209 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 25.08.88. № 35322.

Содержится анализ методологических основ правового воспитания трудящихся, раскрываются содержание партийного руководства воспитательной работой с различными категориями населения, роль партийных комитетов в совершенствовании правового обучения; сформулированы некоторые практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию правовоспитательной деятельности партийных органов в условиях становления правового государства.

Черниченко С. А. Организационно-политическая работа партийных организаций Украины по укреплению местных органов власти и милиции (1921 — 1936 гг.) / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1988. — 111 с.: — Библиогр.: 124 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 01.02.89, № 36828.

Анализируется деятельность парторганизаций Украины по подбору, расстановке, обучению и воспитанию работников аппарата местных Советов и органов милиции.

Кудря В. А. Партийно-государственный контроль — активный боец за режим экономии в 1928—1932 гг. (На материалах Украины) / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1988. — 104 с.: Библиогр.: 147 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 02.12.88. № 36230.

Раскрываются роль и содержание партийно-государственного контроля в борьбе партии за накопление средств для осуществления индустриализации в годы первой пятилетки. На основе новых, главным образом архивных, документов анализируются основные направления деятельности партгосконтроля по сбережению материалов, повышению коэффициента сменности и использования оборудования, сокращению сроков введения в эксплуатацию новых предприятий и реконструкции действующих, уменьшению денежных расходов.

Богдан В. В. Основные направления обеспечения эффективности законодательства о государственном страховании в СССР / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1987. — 109 с.: — Библиогр.: 90 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 06.04.87, № 28973

Исследуются проблемы эффективности страхового законодательства, в основном его центрального звена — гражданско-правового института государственного страхования. Анализируются основные направления обеспечения его эффективности в социально-экономическом и юридическом аспектах. Содержатся конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию действующего гражданского законодательства.

Тютюгин В. И. Дополнительные наказания: назначение, освобождение от наказания, погашение судимости / Харьков. юрид. ин-т. — X., 1987. — 294 с.: Библиогр.: 79 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 07.09.87, № 1102.

На основании анализа уголовного законодательства, материалов судебной практики рассматриваются ключевые проблемы применения института дополнительных наказаний в советском уголовном праве. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения, намечаются перспективы дальнейшего использования института дополнительных наказаний в современных условиях усиления борьбы с преступностью.

Лозовой В. А. Сущность, содержание, закономерности и особенности самовоспитания личности в условиях совершенствования социализма / Харьков. юрид. ин-т. — X., 1988. — 308 с.: — Библиогр.: 163 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 24.01.89, № 36729.

Анализируется один из субъективных факторов становления и развития социалистической личности — самовоспитание. Рассматриваются соотношение объективного и субъективного в формировании личности, природа, сущность, содержание и основные функции самовоспитания личности. Предпринята попытка систематизировать закономерности самовоспитания личности в условиях социализма.

Евграфов П. Б. Проблемы теории системы советского права / Харьков. юрид. ин-т. — X., 1989. — 246 с.: — Библиогр.: 126 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 21.06.89, № 38472.

Исследуются историко-теоретические аспекты формирования концепции системы советского социалистического права, ее развитие в юридической науке в период 1917—1930 гг. Анализируются проблемы разработки системы советского права в 30—40-е гг., а также в 50—60-е гг. и в период с начала 70-х до середины 80-х гг. С позиций нового политико-правового мышления обосновывается теоретическая модель системы советского права. Дана характеристика целостности социалистического права, особенности ее проявления в национально-государственном устройстве советского законодательства, обосновывается значение концепции единого для всей федерации союзно-республиканского права. Рассматриваются методологические основания теории системы советского права.

Астахова В. И. Изучение закономерностей функционирования и развития советской высшей школы в современной научной литературе / Астахова В. И., Окладная М. Г., Киценко А. Н. и др. / Харьков. юрид. ин-т. — X., 1986. — 371 с.: — Библиогр.: 661 назв. — Деп. в НИИ ВШ 29.01.86, № 100—112/86.

В историческом аспекте рассматриваются различные направления деятельности высшей школы по повышению качества подготовки кадров интеллигенции и ее роли в ускорении НТП, участие ее в реализации задач становления социальной однородности общества.

Астахова В. И. Вклад высшей школы в решение задач ускорения социально-экономического развития страны / Астахова В. И., Климова Г. П., Розенфельд Ю. Н. и др. / Харьков. юрид. ин-т. — X., — 1986. — 433 с.: — Библиогр.: 226 назв. — Деп. в НИИ ВШ 27.01.87, № 193—87.

Анализируются актуальные вопросы совершенствования деятельности высшей школы в условиях ускорения социально-экономического развития страны (интеграция образования, производства и науки, роль высшей школы в

укреплении социальной основы общества, в преодолении существенных различий между работниками умственного и физического труда и др.).

Астахова В. И. Высшая школа в условиях перестройки (на материалах конкретно-социологического исследования, проведенного в вузах Харьковского региона) / Астахова В. И., Васильев Г. Ю., Водник В. Д. и др. Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1987. — 141 с.: — Библиогр.: 36 назв. — Деп. в НИИ ВШ 30.03.87, № 488—87.

Исследуются пути и направления дальнейшего совершенствования учебно-воспитательного процесса в вузе, в частности, улучшение качественного состава профессорско-преподавательских кадров, деятельности студенческой академической группы и массовых общественных организаций, работы по проведению общественно-политической практики студентов и организации соцсоревнования.

Макуха С. Н. Противоречие между социальным и экономическим аспектами воспроизводства рабочей силы в освободившихся странах и некоторые пути его разрешения / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1986. — 132 с.: Деп. в ИНИОН АН СССР 25.12.86, № 23727.

Анализируются роль и значение человеческого фактора в социально-экономической жизни освободившихся стран, особенности экономической реформы рабочей силы данного региона, уровень жизни трудящихся, проблемы занятости населения и др.

Ходанович В. Н. Социология Алвина Гоулднера / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1989. — 96 с.: — Деп. в ИНИОН АН СССР 24.05.89, № 38017.

Содержится анализ социологических воззрений американского теоретика леворадикального направления Алвина Гоулднера (1920—1990). Рассматриваются концепция идеологии А. Гоулднера, его подход к марксизму-ленинизму, учение о «Новом Классе».

Астахова В. И. Высшая школа как элемент духовной культуры социализма / Астахова В. И., Астахова Е. В., Бирюков Г. С. и др. / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1989. — 427 с.: — Библиогр.: 230 назв. — Деп. в НИИ ВШ 09.02.89, № 331—89.

Содержатся общие теоретические и методологические подходы к исследованию вопросов деятельности высшей школы по формированию и развитию духовной культуры социалистического общества. На конкретном социологическом материале раскрываются отдельные направления этой деятельности, формы и методы воздействия высшей школы на процессы повышения общей культуры народа.

Астахова В. И. Перестройка высшей школы: первые итоги, проблемы, перспективы (на материалах конкретно-социологического исследования, проведенного в вузах г. Харькова в феврале 1988 г.) / Астахова В. И., Астахова Е. В., Байрачная Л. Д. и др. / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1988. — 108 с.: — Библиогр.: 13 назв. — Деп. в НИИ ВШ 24.11.88, № 1671—88.

Анализируются основные тенденции хода перестройки в высшей школе. Исследуются проблемы обучения и воспитания студентов, улучшения качественного состава профессорско-преподавательских кадров, повышения эффективности вузовской науки.

Гончаренко В. Д. Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1917—1937 гг. (Формирование, компетенция, организационно-правовые формы деятельности) / Харьк. юрид. ин-т. — Х., 1989. — 338 с.: — Библиогр.: с. 257—337. — Деп. в ИНИОН АН СССР 28.12.89, № 40646.

На основе обширной источниковедческой базы, включающей архивные материалы, впервые комплексно исследован весь круг вопросов, относящихся к правовым основам формирования Всеукраинских съездов Советов, статусу делегатов, компетенции верховного органа власти республики. Анализируются

причины и последствия упразднения в середине 1930-х гг. съездовской системы организации представительных органов власти в условиях господства авторитарной командно-бюрократической административной системы управления, повлекшего за собой ликвидацию и Всеукраинского съезда Советов.

Лозовой В. А., Пугина И. Н. Культура личности и самовоспитание (историко-философский и историко-культурологический аспекты)/ Харьк. юрид. ин-т. — X., 1988. — 216 с.: — Библиогр.: 146 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 17.08.88, № 35190.

Анализируется проблема «очеловечивания человека», саморазвития рода «человек», его естественных и общественных сил, а также исторические проявления культуры личности, специфика ее конкретно-исторических типов.

Лозовой В. А., Тарасова Е. В. Эстетическое самовоспитание студенческой и других групп молодежи/ Харьк. юрид. ин-т. — X., 1987. — 119 с.: — Библиогр.: 48 назв. — Деп. в НИИ ВШ 31.03.88, № 483—88.

Раскрываются содержание и специфика эстетического самовоспитания — одного из субъективных факторов формирования эстетической культуры, творческих способностей молодежи. Анализируются взаимосвязь эстетического самовоспитания и социальной активности студенческой молодежи, его интенсивность в зависимости от профиля и типа вуза, обусловленность факторами социальной среды и общественного воспитания.

Шерстюк И. Н. Политэкономические проблемы интенсивного расширенного воспроизводства и совершенствование хозяйственного механизма/ Харьк. юрид. ин-т. — X., 1988. — 250 с.: — Деп. в ИНИОН АН СССР 19.08.88, № 35266.

Исследуются методологические и практические вопросы повышения эффективности общественного воспроизводства, основные направления политики партии по ускорению социально-экономического развития страны. Анализируются проблемы совершенствования системы организации и оплаты труда, обеспечения социальной справедливости, радикальной перестройки хозяйственного механизма, преодоления экономической инерции трудящихся.

Борисов Г. А. Отправные нормативные установления законодательства: природа и особенности в условиях реформы правовой системы/ Харьк. юрид. ин-т. — X., 1990. — 287 с.: — Библиогр.: 319 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 29.08.90, № 42781.

Исследуются природа и особенности предписаний законодательства, объединяющихся в вводных разделах законодательных актов (преамбула, общая часть) — нормативных справок, программных положений, предписаний-принципов, нормативных обобщений, статутных предписаний. Установление свойств нормативности каждой из этих групп связывается с перспективами их реконструкции в ходе обновления правовой системы. Характеризуются природа и свойство нормативности предписаний-принципов, пути преодоления деформаций фундаментальных государственно-правовых принципов — народовластия, законности и др. Инфраструктура народовластия раскрывается в контексте формирования юридических конструкций собственности и власти. Выдвигается ряд практических предложений, связанных с их переустройством.

Ярмыш А. Н. Карательные органы царизма на Украине в конце XIX в. — начале XX в. /Харьк. юрид. ин-т. — X., 1990. — 330 с.: Библиогр.: 118 назв. — Деп. в ИНИОН АН СССР 27.12.90, № 43535.

Впервые в комплексе рассматриваются организация и деятельность карательных учреждений на Украине: органов общей и политической полиции, судов, прокуратуры, тюрем. Анализируются карательные функции губернаторов и генерал-губернаторов. Раскрывается роль вооруженных сил как орудия внутренней политики самодержавия. Большинство использованных источников вводится в научный оборот впервые.